

63.3/2/68

Ленин 3

Ж 71

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ЖИЗНЬ
ЛЕНИНА

ТОМ 2

*Избранные
страницы
Прозы
и поэзии*

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ
СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ 2

ЭК 26 ББК 13.5

Ж71

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БИБЛИОТЕКИ ШКОЛЬНИКА
«ЖИЗНЬ ЛЕНИНА»

С. В. Михалков
(председатель)

А. А. Виноградов, Г. Н. Голиков,

Б. А. Дехтерев, К. Ф. Пискунов,

Н. В. Свиридов

Оформление
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Том подготовлен
В. С. ДРИДЗО И С. У. МАНБЕКОВОЙ

~~70803—483~~
Ж М101(03)81 Подп. изд.

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.

СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ

Много книг написано о Владимире Ильиче Ленине, о его героической деятельности как вождя и организатора Коммунистической партии и Советского государства, о нем как о человеке. Это воспоминания людей, хорошо знавших Ленина, работавших вместе с ним; это и художественные произведения — повести, романы, рассказы, стихотворения, поэмы.

Особое место в литературе о Ленине занимают воспоминания его родных, его переписка с ними. Сестры Владимира Ильича — Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы и брат — Дмитрий Ильич Ульянов, воспоминания которых публикуются в этом томе, были профессиональными революционерами, вели большую партийную работу. Вот почему их воспоминания имеют исключительно важное значение для воссоздания образа Ленина.

Воспоминания родных и переписка с ними создают яркую картину жизни всех членов семьи Ульяновых, для которых самым главным была борьба в рядах созданной Лениным большевистской партии, стремление помочь человеку труда обрести свободу и счастье.

Семья Ульяновых была семьей удивительной, здесь все было основано на взаимном уважении, взаимной любви, взаимном понимании. Отец и мать разделяли высокие идеалы передовых людей того времени.

Отец Владимира Ильича — Илья Николаевич был инспектором, а затем директором народных училищ Симбирской губернии. Он постоянно посещал школы и в городе и в деревне, открывал новые начальные школы, присутствовал на уроках. В ненастье и холод ездил он по деревням, возвращался усталый, но счастливый, с сознанием исполненного долга. Илья Николаевич очень много сделал для развития дела народного образования в Симбирске (теперь Ульяновск) и Симбирской губернии.

Мария Александровна Ульянова — мать Владимира Ильича — выросла в деревне. Ее отец, врач по специальности, дал ей суровое воспитание, приучил к труду. Это закалило ее характер. Подготовившись самостоятельно, она сдала экзамены на звание домашней учительницы, знала три иностранных языка, любила музыку, много занималась ею. Мария Александровна все свои силы отдавала детям, их воспитанию. Природный талант воспитательницы, сильная воля, умение войти в интересы детей, вместе с ними переживать все радостное и тяжелое — эти черты отличали Марию Александровну.

Много горя выпало на ее долю, много слез пролила она. В 1886 году умер Илья Николаевич. Через год после его смерти за участие в подготовке покушения на жизнь царя Александра III был казнен старший сын Александр, талантливый юноша 21 года, многообещающий ученый. По делу Александра была арестована старшая дочь Анна. Через четыре года, в 1891 году, умерла от брюшного тифа 19-летняя дочь Ольга.

Тяжкие удары не сломили Марию Александровну. Громадная воля и мужество помогли ей с достоинством и стойкостью переносить постигавшие семью несчастья.

Вскоре начались преследования и других детей — обыски, аресты, ссылки. Все дети Марии Александровны стали революционерами. Еще больше сблизилась она с ними, была всегда с тем, кому в данное время было тяжелее, навещала в тюрьме, носила передачи, подолгу бывала с детьми в ссылке.

Мария Ильинична писала о матери: «...к нашей революционной работе она относилась с полным сочувствием и всячески помогала нам... Иногда благодаря ей нам удавалось выпутаться из неприятных историй».

Владимир Ильич, его сестры и брат относились к матери с глубоким уважением и любовью, понимали, как ей тяжело, постоянно заботились о ней, старались как могли облегчить ее жизнь.

Всю свою жизнь Владимир Ильич посвятил революционной борьбе, борьбе с царским самодержавием, с буржуазией, борьбе за новую, светлую жизнь. Он много работал, писал книги и статьи, следил за всеми событиями, редактировал большевистские газеты и журналы, публиковал в них свои работы. Это отражено в воспоминаниях родных о Владимире Ильиче и в его переписке с ними.

В воспоминаниях и переписке упоминается большое число газет, журналов и книг.

Это и большевистские нелегальные газеты, такие, как «Пролетарский голос», и легальные — «Правда», «Звезда», «Волна»; это большевистские легальные журналы «Мысль», «Просвещение», «Вопросы страхования». Владимир Ильич внимательно следил и за журналом «экономистов» — «Рабочая мысль», либеральных народников — «Новое слово» и «Русское богатство», «легальных марксистов» — «Начало». В воспоминаниях и переписке упоминаются и литературные журналы — «Нива», «Жизнь», «Современный мир».

Под руководством Владимира Ильича Ленина, большевистской партии свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Во главе первого государства рабочих и крестьян стал Владимир Ильич. Много трудностей пришлось преодолеть молодой Республике Советов, но трудящиеся нашей страны сумели побороть все невзгоды, восстановили после гражданской войны и приумножили народное хозяйство, одержали всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне.

Вдохновленный ленинскими идеями, возглавляемый Коммунистической партией, наш советский народ построил развитое социалистическое общество и в героическом, самоотверженном труде строит коммунистическое общество.

Прочитав воспоминания родных о Владимире Ильиче и их переписку, дорогие друзья, вы как бы войдете в эту замечательную семью революционеров, проникнетесь их думами и заботами, и еще ближе станет вам образ нашего вождя и учителя Владимира Ильича Ленина.

ВОСПОМИНАНИЯ РОДНЫХ
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ
Л Е Н И Н Е

**АННА ИЛЬИНИЧНА
УЛЪЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА**

Анна Ильинична Ульянова — по мужу Елизарова — была старшей в семье Ульяновых. Родилась она в 1864 году. Вступив в Коммунистическую партию в 1898 году, она стала ее видным деятелем, профессиональным революционером (партийные клички: Джемс, Андрей Николаевич, Игорь).

Впервые Анна Ильинична была арестована и выслана в связи с делом 1 марта 1887 года о подготовке покушения на царя Александра III, в котором участвовал ее брат Александр. Она вела партийную работу в Петербурге, Москве и других городах. Сотрудничала в большевистских газетах и журналах.

Начиная с 90-х годов прошлого века и до 1917 года Анна Ильинична оказывала огромную помощь Владимиру Ильичу в издании его работ в России. Много раз подвергалась за свою революционную работу тюремному заключению и ссылкам.

Анна Ильинична вела работу по собиранию, изучению и изданию материалов по истории Коммунистической партии и Великой Октябрьской социалистической революции. Ею была подготовлена книга «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», очерки о русских марксистах — Н. Е. Федосееве и А. П. Скляренко. Бесценны книги Анны Ильиничны, посвященные биографии Владимира Ильича, и воспоминания о нем и семье Ульяновых.

Анна Ильинична принимала большое участие в создании Института Ленина (теперь Институт марксизма-ленинизма), была его научным сотрудником.

Человек широко образованный, хорошо знающий художественную литературу, увлекающийся ею, Анна Ильинична писала стихи, знала итальянский и немецкий языки, переводила с этих языков беллетристику, сама писала рассказы для детей.

Умерла Анна Ильинична в 1935 году и похоронена в Ленинграде на Волковом кладбище рядом с матерью, мужем Елизаровым и сестрой Ольгой.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЛЬИЧЕ

1. СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА

(Родители В. И. Ульянова-Ленина и их время)

ОТЕЦ*¹

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, был родом из бедных мещан города Астрахани. Семи лет лишился он отца. Своим образованием — а он получил не только среднее, но и высшее — он обязан всецело своему старшему брату Василию Николаевичу. Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться

¹ Здесь и далее звездочками отмечены подзаголовки, данные подготовителями книги.

не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии отправил его в Казань, в университет, и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содержать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату.

Студенческие годы Ильи Николаевича пришлось в тяжелое царствование Николая I, когда родина наша страдала под игом крепостного права, большая часть населения была рабами, которых владельцы их, помещики, могли сечь, ссылать в Сибирь, продавать, как скотину, разрознивать семьи, женить по своему усмотрению. Задавленная, забитая крестьянская масса была совсем некультурной, безграмотной. Там и сям вспыхивали бунты против особо жестоких помещиков; пускались им «красные петухи» (поджоги), но все это было неорганизовано, сурово подавлялось, и опять в деревнях стояли беспросветная тьма и отчаяние, заливаемые единственным утешением, единственным спасением — водкой. А для самых непокорных, для тех, кто не мог подчиниться, оставалось одно: бежать в степи, леса и жить разбоем.

Знать, в старинный тот век
Жизнь не радость была,
Коль бежал человек
Из родного села,
Отчий дом покидал,
Расставался с женой
И за Волгой искал
Только воли одной.

Так пелось в одной народной песне.

Тяжкий гнет над большинством населения, «низшим» сословием, как тогда говорилось, не давал жить спокойно и счастливо честно и искренно любящим свою родину людям сословия «высшего». Они возмущались бесправием

*Илья Николаевич Ульянов — отец Владимира Ильича.
1863 г. Нижний Новгород.*

своей страны, откликались на западноевропейские революции, говорили о необходимости свободы слова, печати, собраний, о преимуществе выборного начала в управлении и, прежде всего, о необходимости отмены крепостного права — этого позора, которого ни в одной европейской стране давно уже не было. Те, которые выступали особенно смело, гибли на каторге и виселицах (процесс декабристов 1825 года, петрашевцев 1848 года и др.); остальные затихали или шептались по углам, и опять, по выражению поэта:

Лежит вокруг мгла предрассветная,

Вихрь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная;
Все живое, все честное косится.

Особенно тяжел стал этот гнет после революции 1848 года, прокатившейся по всей Европе. Как общеевропейский жандарм, стоял тогда на страже самодержавия Николай I, посылая русских солдат проливать кровь, усмиряя революцию в Венгрии. Так сильно еще было тогда самодержавие, что могло позволить себе роскошь подавления восстаний не только в своей стране, но и в соседних.

А в своей было задавлено всякое проявление свободной мысли. Тяжелый гнет лежал и на студенчестве. Лишь в тесных кружках решалась молодежь отводить душу разговорами, петь свои запрещенные песни на слова Рылеева и др. Эти песни слышали потом от Ильи Николаевича его дети вдали от города, в прогулках по лесам и полям.

Надо было пережить то трудное время, чтобы почувствовать огромное облегчение, когда, со смертью Николая I и со вступлением на царство его сына Александра II, началась для России полоса реформ. Прежде всего, решено было отменить крепостное право. Решение это вызывалось, конечно, главным образом, необходимостью

получить свободные рабочие руки для развивающейся капиталистической промышленности и возмущенным недовольством и бунтами крепостных. Недаром Александр II сказал: «Надо торопиться дать свободу сверху, пока народ не возьмет ее снизу». Освобождение крестьян было таким большим сдвигом, что общее ликование стояло в стране. Это настроение хорошо выражено Некрасовым:

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,
Так... Но распутать их легче народу.
Муза, с надеждой приветствуй свободу.

Конечно, скоро началось отрезвление. Первым ударил в набат наш великий провидец Чернышевский, заплативший за это целой жизнью в тюрьмах глухой Сибири; начали возникать и революционные организации молодежи. Но для людей типа мирных, культурных работников открылось все же широкое поле деятельности после тисков николаевского режима, и они с жаром устремились туда. Новые суды, несравненно бóльшая свобода печати, наконец, народное образование — все это звало к себе передовых людей того времени. Народное образование — возможность просвещать вчерашних рабов — это было увлекательно для многих и многих.

Илья Николаевич был из их числа. Он с радостью пошел на вновь открывшуюся должность инспектора народных училищ в Симбирской губернии. До того он был учителем гимназии и был очень любим своими учениками. Внимательно и терпеливо объяснял он им уроки, снисходительно относился к их шалостям, бедных учеников готовил бесплатно к экзаменам. Он был педагогом в душе, любившим свое дело. Но ему хотелось поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов.

И поле открылось, действительно, широкое. В Симбирской губернии было очень немного школ, да и те старинного типа: ютились они в грязных и тесных помещениях, учителя были малообразованные и вколачивали учебу больше тумаками. Надо было насаждать все снова: убеждать крестьян на сходах, чтобы строили новые школы, добывать и другими путями средства для них, устраивать для молодых учителей педагогические курсы, чтобы обучить их преподаванию по новым требованиям педагогики. Надо было всюду поспевать, а Илья Николаевич был один на всю губернию. Затрудняли очень работу тогдашние дороги: тряские, непролазные в грязь или распутицу, ухабистые зимою. Приходилось уезжать из дому на недели и даже месяцы, питаясь и ночуя в грязных въезжих избах. А здоровье у Ильи Николаевича было не крепкое. Но любовь к делу и большая исполнительность и настойчивость побеждали все, и за 17 лет работы Ильей Николаевичем было построено в губернии около 450 школ, были открыты курсы, воспитавшие новых учителей, которые так и звались «ульяновскими».

...Общество симбирское разделялось тогда на две обособленные части: дворянство, жившее больше по своим поместьям и водившее компанию в своей среде, — Симбирск считался одним из дворянских гнезд того времени — и чиновничество, поддерживавшее знакомство по ведомствам, строго считаясь с табелью о рангах.

Сослуживцев у отца в первые годы не было.

Дело разрасталось. Илье Николаевичу стали понемногу подбавлять помощников — инспекторов, а сам он был назначен директором. Ему пришлось уже больше руководить делом, но он оставался таким же усердным работником, таким же простым в образе жизни и обхождении человеком. Учителя приходили к нему запросто советоваться, в школах он заменял иногда заболевших педагогов. Большая семья, воспитание детей поглощали весь его заработок, на себя он тратил очень мало, не любил большого общества и удовольствий. Для отдыха от дела

*Мария Александровна Ульянова — мать Владимира Ильича.
1863 г. Нижний Новгород.*

любил разговоры с людьми, которых это дело интересовало, любил отдыхать в семье, следя за воспитанием детей, любил игру в шахматы. Требовательный к себе и к другим во время работы, он умел быть увлекательным, веселым собеседником во время отдыха, шутил с детьми, рассказывал им сказки и анекдоты. В разговорах и играх (шахматы, крокет) держал себя с детьми по-товарищески, увлекаясь не меньше их.

Он рано сгорел на большой работе и умер внезапно от кровоизлияния в мозг 12 января 1886 года, на 55-м году от роду.

МАТЬ*

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, очень передового по своему времени человека. Большую часть своего детства и юности она провела в деревне. Средства у отца были очень ограниченные, семья большая, и молодая девушка, воспитанная строгой теткой, рано привыкла к труду и бережливости. Отец воспитывал дочерей по-спартански: девочки носили лето и зиму ситцевые платья с короткими рукавами и открытой шеей, и платьиц таких было только по две смены на каждую. Пища была простая: даже взрослыми они не получали ни чаю, ни кофе, которые отец считал вредными. Это воспитание закалило здоровье Марии Александровны, сделало ее очень выносливой. Она отличалась ровным, твердым, но в то же время веселым и приветливым характером. Одаренная хорошими способностями, она изучала иностранные языки и музыку и много читала.

Страстно хотелось ей учиться больше, и она всю жизнь вспоминала с сожалением, что отсутствие средств не дало ей этой возможности.

Не находя интереса в нарядах, сплетнях и пересудах, составлявших в то время содержание дамского общества, Мария Александровна замкнулась в семье и отдалась со всей серьезностью и чуткостью воспитанию детей. Под-

мечая недостатки детей, она терпеливо и настойчиво боролась с ними. Никогда не возвышала она голоса, почти никогда не прибегала к наказаниям и умела добиться большой любви и послушания детей. Любимым удовольствием ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. И дети любили засыпать под ее музыку, а позднее — работать под нее...

ЕЛКА*

...За частыми отлучками отца мы проводили время преимущественно с матерью, читали, занимались, мастерили что-нибудь из картона и цветной бумаги для елки.

Так как почти все украшения были продуктом нашего труда под руководством матери, то начинали мы работы задолго до елки, и они заполняли содержанием наши зимние вечера. Таким образом, елка была для нас не чуждым, купленными украшениями разубранным деревом, а нашим коллективным созданием; и даже позднее, в школе, не знавшей в то время никаких ручных работ, увлекались мы этим примитивным творчеством. На общем фоне трудовой жизни оно являлось тем радостным, творческим трудом, которому придается такое значение в современном воспитании. ...Ею встречался праздник, дети получали подарки и, со своей стороны, передавали родителям какие-нибудь предметы своего мастерства или читали заученные для них стихотворения...

Для нас же в зимнее время елка была главной радостью. Запечатлелась почему-то особенно ярко в памяти одна елка, когда меньшей в семье была Оля и Саше было лет 6—7. Какое-то особенное чувство тесной и дружной семейной спайки, уюта, безоблачного детского счастья оставил этот праздник. Считаю, что такие переживания детства дают неисчислимо много для энергии, жизнерадостности и тесной семейной спайки на всю последующую жизнь.

На лето мы уезжали в Кокушкино — деревню Казанской губ., имение деда по матери, к которому съезжались по летам его замужние дочери с детьми. До 1875 г. поездки эти были ежегодными и были огромной радостью для нас. Задолго начинали мы мечтать о них, готовиться к ним. Лучше и красивее Кокушкина — деревеньки действительно очень живописной — для нас ничего не было... Думаю, что любовь к Кокушкину, радость видеть вновь эти места передались нам и от матери, проведшей там свои лучшие годы. Но конечно, деревенское приволье и деревенские удовольствия, общество двоюродных братьев и сестер были и сами по себе очень привлекательны для нас. И особенно позднее, после стен нелюбимых нами обоими¹ казенных гимназий, после майской маеты с экзаменами, лето в Кокушкине казалось чем-то несравненно красочным и счастливым.

Особенно, кажется мне, любил его Саша, находивший там столько простора для рано проявившейся в нем склонности к естественным наукам. Там занимался он разного рода коллекционированием, — помню особенно прекрасную коллекцию птичьих яиц, собранную им там и пополняемую и в Симбирске. Позднее, в университетские годы, там занимался он препарированием лягушек и другими опытами, и даже на обыске 1 марта 1887 г. в моей квартире, где дотоле жил он, была взята с большими предосторожностями какая-то земля, которая оказалась самой безвредной инфузورной землей, привезенной им для исследования из Кокушкина.

Лодка-душегубка, которой он очень ловко управлял и на которой пропадал подолгу, а позднее далекие странствования с ружьем в поисках дичи были главным его удовольствием. Саша горячо и глубоко любил природу и умел, уже с ранних лет, наслаждаться ею в одиночку...

¹ Анна Ильинична и Александр Ильич.

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ*

Не было также между родителями, жившими очень дружно, споров или несогласий в вопросах воспитания, что действует всегда так вредно на детей. Всякие сомнения на этот счет обсуждались ими обычно наедине, и дети видели всегда перед собой «единый фронт».

Чувствуя искреннюю любовь, видя, что их интересы всегда на первом плане у родителей, дети и сами учились отвечать тем же. Дружной, спаянной была наша семья. Жила она очень скромно, только на жалованье отца, и лишь при большой экономии матери удавалось сводить концы с концами, но все же ни в чем необходимом дети не нуждались, и их духовные запросы, по возможности, удовлетворялись.

Мы видим, таким образом, что семейная обстановка и условия воспитания были очень благоприятны для развития ума и характера детей. Детство Владимира Ильича и его братьев и сестер было светлое и счастливое.

II. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

ЖИЗНЬ В СИМБИРСКЕ*

В сентябре 1869 г. мы переехали в Симбирск, куда отец был назначен инспектором народных училищ, и поселились во флигеле во дворе дома Прибыловского на Стрелецкой улице. В этой квартире 10 апреля 1870 г. родился брат Владимир. Осенью того же 1870 г. семья наша переехала в верхний этаж дома того же хозяина на улицу, где прожила до 1875 г.

Дом этот был тогда последним по Стрелецкой улице, упиравшейся в площадь с тюрьмой, которая выходила главным фасадом на так называемый «Старый венец» — высокий берег Волги со сбегавшими вниз фруктовыми садами. В противоположность «Новому венцу» — части нагорной набережной в центре города, с бульваром из неизбежной акации, с беседкой и музыкой, по праздникам служившему местом прогулки чистой публики, — «Старый венец» был совершенно дикой окраиной города. Здесь

стояла лишь пара скамеек над обрывом к Волге; по праздникам звучала гармоника, земля усердно посыпалась скорлупами подсолнечников и семечками рожков — любимого тогдашнего лакомства, немало попадалось голов и хвостов воблы — главной снеди всех волжан. На пасху сюда выходили катать яйца, и «Старый венец» пестрел яркими платьями и красными рубахами местных обывателей. Водружалась карусель, нестройно, перебивая одна другую, звучали гармоники, сновали продавцы рожков, семечек и маковок. И публика веселилась почти непосредственно под завистливыми взорами обитателей тюрьмы. Бледные, обросшие, какие-то дикие лица глядели из-за решеток, слышалось лязганье цепей. Но в праздники мы разве с кем-нибудь из старших проходили по венцу, одних нас мать не пускала. К вечеру оттуда доносились уже пьяные песни, происходили драки, без которых народные празднества и гулянья были в то время невысказаны.

В будни же он был обычным местом наших прогулок. Садика никакого при доме не было, ходить с нами дальше куда-нибудь матери обычно не было времени. В 1871 г. родилась сестра Ольга, в 1873 г. умерший через несколько дней брат Николай, в 1874 г. брат Дмитрий. Няня, поступившая к Володе, была занята всегда с меньшими. А Венец был под рукой, и мы, старшие, перебежали туда дорогу одни, рылись в так называемом «песке», т. е. правильнее в пыли, выискивая камешки, осколки фаянсовой посуды и т. п. сокровища, и приносили их домой. Мать пускала нас скрепя сердце туда, по близости тюрьмы, про обитателей которой ходили разные страшные слухи, но гулять больше было негде, и приходилось мириться.

Помню, как угнетало наши детские души это мрачное здание с его мрачными обитателями. Только увлечешься, бывало, чудным видом на Волгу, пением певчих птиц в сбегавших с обрыва фруктовых садах или собиранием «сокровищ», как лязг цепей, грубые окрики или ругань заставляли нас вздрагивать и оглядываться. Вместе со

*Дом, в котором жила семья Ульяновых в Симбирске
с 1878 по 1887 год.*

страхом перед этими людьми наши детские души охватывало и чувство глубокой жалости к ним. Помню его отражение в глубоких глазах Саши. И сейчас еще стоит перед моим взором одно худое тонкое лицо с темными глазами, жадно прильнувшее к решетке окна.

Да и со взрослыми гулять в тогдашнем Симбирске детям было негде. Единственным общественным садиком был Карамзинский, вокруг памятника Карамзину. Это был типичный казенный садик того времени, с неизбежными аллеями из акации и сирени, с парой клумбочек. Гулять там надо было чинно, дети были стеснены в своих движениях, и обычно, кроме праздников, когда по аллеям его проводили несколько разодетых скучающих детей, он пустовал, а его пыльная, подрезанная сирень кишела шпанскими мухами. Казенный садик был под стать казенным зданиям. На всякое учреждение общественного характера

ложились эта мертвящая рука. Помню еще один садик — Николаевский, — тоже в центре города, но совсем заброшенный: весь в кочках, грязный, с поломанной загородкой, за которую заходили, возвращаясь с пастбища, коровы...

Отец купил тем летом¹ дом на Московской улице, в котором мы и жили до 1887 г. При нем был большой зеленый двор и молодой, но довольно обширный садик, большей частью фруктовый. Все место тянулось на целый квартал, и калитка в заборе сада давала возможность выйти на следующую, Покровскую, улицу. Окраинные, заросшие сильно травой улицы, прелестный цветник, которым заведовала мать, изобилие ягод и плодов, а также близость реки Свияги, куда мы ходили ежедневно купаться, делали этот уголок недурным летним пребыванием (конечно, воздух был все же городской, с деревней не могло сравниться). Мы подолгу гуляли в теплые летние вечера или сидели на увитой цветами терраске, а в особенно душные ночи вытаскивали на нее матрацы и спали на ней.

ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ*

Отец стоял за раннее определение в школу, чтобы дети, особенно мальчики, привыкали к труду и втягивались в дисциплину, проходя гимназический курс с первых классов. Отличавшийся сам строгим выполнением долга и чрезвычайной исполнительностью, он считал важным привить эти качества и детям. Следя за уроками обоих старших сыновей, он и до гимназии и во время прохождения ими младших классов приучал их к щепетильно точному, отчетливому выполнению всех уроков. Он боялся изнеживающего домашнего баловства, считал полезным поставить мальчиков раньше под мужское влияние. Кроме

¹ 1878 г.

того, отец и не мог бы, при большой семье, иметь отдельных учителей для нас, даже помещать всех нас в платные школы было бы для него трудно: семья возростала, а жить приходилось исключительно на небольшое жалованье отца. Я не раз слышала от него в детстве, что только благодаря исключительному хозяйственному умению и экономии матери мы сводим концы с концами. Министерские гимназии вследствие того, что отец был чиновником министерства народного просвещения, были бесплатны для его детей. За дочерей в мариинской гимназии приходилось платить. Затем отец, бывший всегда слабого здоровья, не надеялся дослужить до пенсии, и судьба семьи все время очень заботила его. Он внушал нам, старшим, что, окончив гимназический курс, мы должны будем учить, ставить на ноги меньших братьев и сестер...

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ*

...Семья дала нам такое развитие, что мы сильно опередили своих ровесников и кончили поэтому очень рано курс. Принимая во внимание, что тогдашняя школа ехала, главным образом, на домашних заданиях, часто очень бестолковых, но всегда громоздких, это оказалось большой, по возрасту, перегруженностью занятий. Отрицательной стороной был также и более старший возраст товарищей.

Характерно, как для того уровня культурности, который дала нам и поддерживала в нас семья, так и для того, какой уже сложившейся в моральном отношении личностью был Саша, что на нем не отразилось в дурную сторону, как это обычно бывает и как должно бы естественно отразиться, общество старших по возрасту, менее культурных товарищей. Никаких дурных навыков он не приобрел и в семью не занес. Все это, уже в восьмилетнем возрасте, отскакивало от него. С грустью и воз-

мушением рассказывал он мне иногда о некоторых грубых проделках товарищей, о солдатски грубом и часто несправедливом отношении учителей, но больше мы по его мрачному виду могли догадываться, что в гимназии было опять что-то неприятное. Характерно также, что ни разу за весь девятилетний курс на него не было жалобы в грубом или резком ответе учителю. Он с раннего возраста умел уже сдерживать себя. Правда, он и учился и держался безупречно.

Ко времени поступления в гимназию следующего брата Саша — ребенок двенадцати лет — заявил с той решительностью, которой отличались все его редкие заявления, что не следует отдавать Володю в подготовительный класс, а надо подготовить его к первому. Брат Владимир начал действительно школу с первого класса; вероятно, отец с матерью и сами убедились, что лучше по возможности миновать хотя подготовительный класс, но заявление Саши имело, несомненно, значение...

Отец мой не стоял за классическое образование: он смотрел на него лишь как на необходимый мост к университету. Я слышала, как он говорил кому-то уже позднее, когда стали открываться реальные училища, что ничего не поделаешь, приходится отдавать детей в классическую гимназию, ибо без нее нет доступа в университет и способный мальчик потом может упрекнуть родителей, что они закрыли для него эту дорогу. Особенно был он против обязательности греческого языка, в его время в гимназии был обязательным только латинский. Таким образом при первых шагах отец мог направлять только в латинском, но не в греческом. Да перегруженность самого отца работой, его частые разъезды по губернии позволяли ему лишь в самых общих чертах направлять брата. Его личный пример постоянной добросовестной работы воспитывал в этом смысле. Сам чрезвычайно скромный и строгий к себе, считавший, что его напряженная идейная работа есть выполнение долга, не больше, он и нас воспитывал в этом духе. Он был против «захваливань»,

как он выражался, считая вредным чересчур высокое мнение о себе.

Теперь, когда я гляжу назад на наше детство, я думаю, что было бы лучше, если бы эта, в общем правильная, педагогическая линия не проводилась так неуклонно... Для всех нас — особенно для девочек, страдавших потом от некоторого недоверия к своим силам, — были бы полезны в небольшой дозе и похвалы. Помню, например, что для меня имела большое значение переданная мне Сашей похвала отца моему первому сочинению, отличенно-му и в школе. Но я узнала о ней случайно, отец дал свой отзыв матери в моем отсутствии.

...Обычно в семейном воспитании, как в музыкальной мелодии, доминирует одна нота. Равное отношение к детям не позволяет ослаблять ее для некоторых, а перегруженность своей работой не дает возможность с раннего детства определять уклон характера каждого с соответствующим ему особым педагогическим подходом. Но отец разбирал все-таки наши темпераменты. Помню, что он говорил как-то, что у брата Володи темперамент холерический, у Оли — сангвинический, а у меня меланхолический.

Владимир Ильич... был третьим ребенком в семье. Живой, бойкий и веселый, он любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их. Лет пяти он выучился читать, затем был подготовлен приходским учителем Симбирска к гимназии, куда и поступил в 1879 году осенью, 9¹/₂ лет, в первый класс.

Учение давалось ему легко. С младших классов шел он лучшим учеником и, как таковой, получал при переходе из класса в класс первые награды. Они состояли в то время из книги с вытисненным на переплете золотом «За благонравие и успехи» и похвального листа. Кроме прекрасных способностей, лучшим учеником его делало серьезное и внимательное отношение к работе. Отец приучал к этому с ранних лет его, как и его старших брата и сестру, следя сам за их занятиями в младших классах.

Большое значение имел также для маленького Володи пример отца, матери, постоянно занятых и трудящихся, и особенно старшего брата Саши. Саша был на редкость серьезный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик. Он отличался также не только твердым, но и справедливым, чутким и ласковым характером и пользовался большой любовью всех младших. Володя подражал старшему брату настолько, что мы даже посмеивались над ним, — с каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: «Как Саша». А если пример важен в детстве вообще, то пример несколько старших по возрасту братьев важнее примера взрослых...

ЖУРНАЛ «СУББОТНИК»*

Саша был всегда инициатором наших детских игр, и его участие придавало им наибольший интерес.

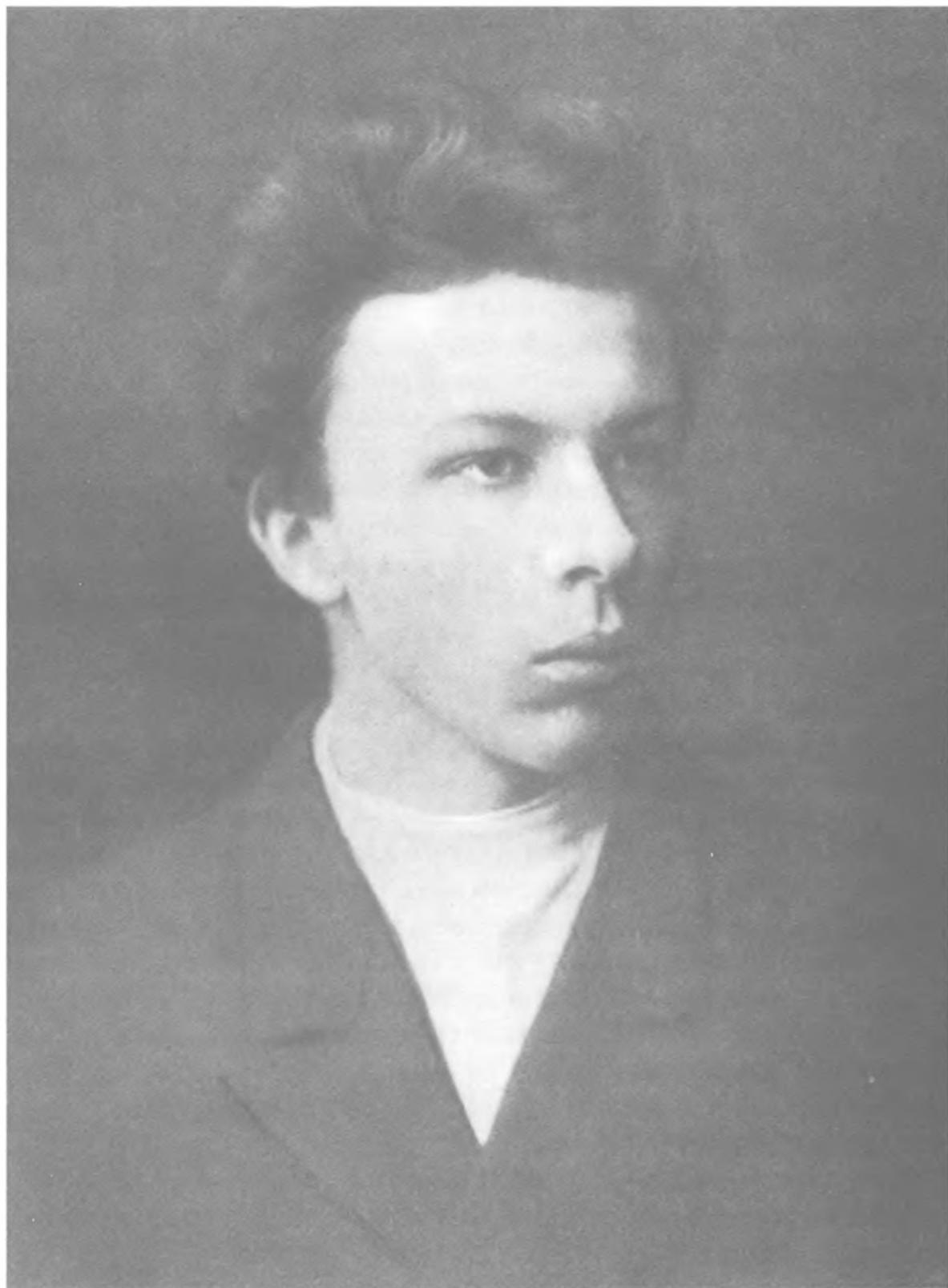
Особенно яркое впечатление оставила одна его затея: выпускать еженедельный журнал, редактором которого он взялся быть. Журнал этот получил название «Субботник», потому что должен был появляться по субботам. Скажу мимоходом, что суббота была нашим любимым днем: уроки можно было отложить на воскресенье, а в субботний вечер дать себе некоторый отдых в семейном кругу. Каждый из нас должен был за неделю написать что-нибудь на свободно выбранную тему; все эти листки передавались Саше, который вкладывал их без всяких изменений в приготовленную им обложку, добавлял что-нибудь от себя. И вот номер был готов и читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое живое участие в нашей затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно.

Помню их оживление, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда

я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!

Конечно, материал для чтения был самый незатейливый, — да и могло ли быть иначе при возрасте двоих сотрудников от 7—9 лет? Но оба они взялись за дело очень охотно, изобретя себе и литературные псевдонимы: Володя (довольно коренастый в те годы мальчуган) назвался Кубышкиным; Оля, прозванная за проворство и живость обезьянкой, — Обезьянковым. Конечно, меньшие склонны были откладывать задание до последнего дня. Помню особенно Олю, бегущую, после укоризненных напоминаний нас, старших, к себе наверх и скатывающуюся затем с лестницы со сложенным в четвертушку полулистком бумаги. На нем под крупными, криво идущими карандашными строками — представлявшими все-таки связный рассказ, — было начертано со свойственной ее возрасту орфографией: Абезянков.

Затем все собирались в столовую для чтения. Младшие были очень заинтересованы внешним видом номера, загадками и шарадами, придуманными Сашей, исполненными им иллюстрациями. Помню, особый интерес и оживление вызвали юмористические изображения в красках обоих меньших. Были взяты курьезные моменты в их жизни, особенно понятные членам семьи. Так, Володя был изображен в кислом виде с опустошенным пакетиком из-под пирожков. Только что переступивший порог гимназии мальчуган доверчиво протянул товарищу свой пакетик, рассчитывая, что он удовольствуется одним пирожком; но тот забрал со смехом все содержимое, оставив Володю без завтрака. Оля была изображена отчаянно ревушей, а подпись гласила: «Оля, посылаемая спать». Живая девчурка очень не любила вечерний час, когда раздавался возглас: пора спать. Она уверяла, что вообще никогда не спит, а только лежит с закрытыми глазами, и встречала нежеланный приказ ревом, про который мы

*Александр Ильич Ульянов — старший брат Владимира Ильича —
в студенческие годы. 1887 г. Петербург.*

говорили: «Оля взвыла». Шарады и загадки тоже очень оживляли. Вообще Саша — серьезный и замкнутый Саша — проявлялся в этом журнале как веселый шутник, и его безобидная, ласковая шутка особенно сближала нас и придавала оживление всему предприятию. Он взял себе последний отдел: задач, ребусов и подходящий к юмористике и так не подходящий ему вообще псевдоним — Вральман.

Я находилась в то время в периоде увлечения Белинским и была в твердом убеждении, что без отдела критики не может существовать ни один порядочный журнал, поэтому я дала разбор произведений прошлого номера, восклицая в конце: «А что же молчит наш почтенный Вральман? Что он ограничивается шутками и загадками?» и т. п. Критика сочинений меньших была, конечно, легкой задачей. Наибольший простор для нее дал мне более длинный рассказ Володи, в котором я подчеркивала разные невероятности и несоответствия, и я помню, с каким сосредоточенным вниманием слушал этот резвый мальчик новый для него род литературного произведения, не выказывая ни тени личной обиды, несмотря на язвительность некоторых словечек (ведь надо было подражать Белинскому).

Заступилась, понятно, за меньших мать, выразившая сомнение, чтобы в нашем журнале следовало помещать такие разборы. Мать опасалась, вероятно, что критика отобьет у меньших охоту писать, и правильно считала, что каждый дает, что может, по возрасту. Но за необходимость критики высказался горячо наш редактор. Поддержал его и отец. Отрицательно отнеслась также мать к моим «стихотворениям». Но Саша так горячо возразил: «ведь, кроме нее, у нас никто стихов не пишет», — что вопрос был решен. В качестве редактора он горячо защищал интересы журнала, в котором должны ведь быть и стихотворения.

Но, несмотря на все его организаторские усилия, журнал после нескольких номеров прекратил существование.

*Анна Ильинична Ульянова — старшая сестра Владимира Ильича.
1883—1887 гг.*

Причиной этого были как загруженность работой Саши, так и различие в возрасте двух пар, старшей и младшей, сильно препятствовавшее объединению их в одном деле. Младшие, как водится, стали скучать, игра утратила для них интерес новизны. Помню, что мать выражала сожаление о том, что журнал прекратился, и хранила довольно долго тетрадки его в разрисованной Сашей с фигурно выписанными буквами «Субботник» обложке.

УВЛЕЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРОЙ*

Любимым поэтом Саши в детстве был Пушкин. Помню по этому поводу разногласия и споры между нами, так как я предпочитала Лермонтова. Увлечение Некрасовым началось позднее. У нас была в руках книжечка отца — ранние стихотворения Некрасова, изд. 1863 года. Помню, что одиннадцатилетним мальчиком, в третьем классе гимназии, Саша обратил мое внимание в этой книжке на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда». «Мне их папа показал, — сказал он, — и мне они очень понравились». И, не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения.

Таким образом, отец, одушевленный лучшими идеями конца шестидесятых и начала семидесятых годов, рано направлял в смысле общественных идеалов Сашу — своего старшего сына, лучшую надежду и несомненного любимца. Да характер его был таков, что его и нельзя было не любить. Со мною отец говорил на такие темы меньше, — я была больше в обществе матери и впитывала в себя лишь то, что слышала от Саши, и то, что было разлито вокруг.

Помню только, что в Кокушкине, во время прогулок по полям, отец любил петь положенное на музыку студентами его времени запрещенное стихотворение...

*Ольга Ильинична Ульянова — средняя сестра Владимира Ильича.
1887 г. Симбирск.*

...По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупление верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется
И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой¹.

Мы невольно чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде «святая святых», и очень любили, когда он пел ее, и просили запеть, подпевая ему. Помню, что раз и по возвращении в Симбирск, на нашем дворике, я напевала ее, — мне было тогда лет 13—14, — и что мать подозвала меня и сказала, что я не должна здесь, в городе, петь эту песню, так как могу повредить отцу, — враги у всех есть, скажут: «вот какие запрещенные песни распеваются на дворе директора народных училищ». Ясно запомнила я эти слова матери: ведь это было первое мое знакомство с запрещенным.

Эта песня и, главное, то, как отец пел ее, показывает, что восхождение по чиновной лестнице не помешало ему сохранить до пожилых лет верность чему-то вроде клятвы, что заключалось в словах: «будем питать до гроба вражду к бичам страны родной». Слыша постоянно о большой, горячей работе в области народных школ, встречая многих лучших представителей учительства в нашем доме, я рано стала мечтать о том, чтобы стать народной учительницей. Особенно пленил меня образ одной сельской учительницы, о которой рассказывала отцу в Кокушкине, во время прогулки по полям, моя двоюродная сестра, студентка медицинских курсов. Она говорила о своей приятельнице, идейной народнице, которая, очевидно, не ограничивалась преподаванием грамоты ребятам, а

¹ Стихотворение А. Н. Плещеева.

собираала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, сильно подняла их сознательность и вызвала большую любовь среди них к себе. В результате донос, обыск, допросы крестьян и удаление, кажется, даже арест учительницы, к общему горю всей деревни.

Помню горячий, возмущенный тон рассказчицы, рисуемый ею идеальный образ учительницы, с подчеркиванием, что ничего антиправительственного в ее деятельности не было; помню отца — молчаливого, сосредоточенного, с опущенной головой. Помню, что и на мои позднейшие расспросы об этой учительнице он больше отмалчивался. Мне было в то время 13—14 лет, это было в конце семидесятых годов, когда движение вступило уже на революционный путь; очевидно, что отец, не бывший никогда революционером, в эти годы, в возрасте за 40 лет, обремененный семьей, хотел уберечь нас, молодежь.

ВОЛОДЯ*

Вследствие привычки серьезно относиться к делу, Володя, как он ни был шаловлив и боек, на уроках слушал внимательно. Эта большая внимательность, как отмечали в то время его учителя, вместе с бойкими способностями давала ему возможность хорошо усваивать еще в классе всякий новый урок, так что ему почти не приходилось повторять его дома. Помню, как быстро оканчивал он уроки в младших классах, а потом начинал шалить, ходил колесом и мешал нам, старшим, учившимся в той же комнате. Отец уводил его иногда к себе в кабинет, чтобы проверить уроки, и спрашивал латинские слова по всей тетради, но обычно Володя все знал. Много также читал он в детстве. Отцу присылали все вновь выходящие детские книги и журналы; подписывались мы и в библиотеке.

Постоянной подругой игр Володи была сестра Оля, (родилась 4 ноября 1871 года). Очень способная, живая

и бойкая девочка, она четырех лет выучилась около него читать и училась тоже очень легко и охотно. Кроме того, напоминая некоторыми чертами характера брата Сашу, Оля была чрезвычайно трудолюбива. Помню, как в одном из последних классов гимназии Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать». Сознав это, Володя стал развивать и в себе трудоспособность, которой все мы удивлялись в его позднейшие годы и которая, наряду с его прекрасными способностями, помогла ему достичь таких блестящих результатов.

Охотно делился Владимир Ильич своими познаниями с товарищами по школе, объясняя им трудные уроки, задачи, сочинения и переводы с греческого и латинского. А в последних двух классах гимназии он, кроме своих уроков, занимался с одним учителем-чувашенином, подготавливая его к выпускному экзамену для поступления в университет. Занимался бесплатно, так как платить последнему было нечем. И Владимир Ильич подготовил таки своего ученика, несмотря на его малоспособность. Он сдал экзамен и смог заниматься в университете своей любимой математикой.

Пришлось и мне лично, на самой себе познакомиться с Владимиром Ильичем как с преподавателем, хотя он был на пять с лишним лет моложе меня и был еще гимназистом, а я была уже на предпоследнем курсе Высших женских курсов. И тем не менее он помог мне ликвидировать один прорыв. Весной 1886 года мне предстояло сдать несколько экзаменов, в том числе латынь за целых три года. Латынь была тогда обязательным предметом на историко-словесном отделении. Преподавалась она в те годы преобладания классического образования очень казенно и была в забросе у меня, как и у большинства курсисток. Молодежь по окончании гимназической учебы тянулась, понятно, к чему-либо более живому и общественному, и я порывалась даже, чтобы бросить латынь,

*Володя Ульянов в гимназические годы.
1887 г. Симбирск.*

перейти в вольнослушательницы московских курсов. Когда этот план был оставлен, мне пришлось взяться за латынь всерьез, и я намечала подогнать ее во время зимних каникул, но ничего сделать не успела. А после смерти отца (12 января 1886 года) все занятия пошли у меня особенно туго, и латынь не двигалась с места. Тогда Володя предложил помочь мне в этом, несмотря на то что у него и у самого в предпоследнем классе гимназии было немало уроков и он занимался еще с учителем чувашской школы Охотниковым. Мальчик, которому не исполнилось еще 16 лет, взял на себя так легко и охотно эту новую обузу. И не только взял — мало ли за что готова бывает взяться сгоряча молодежь, чтобы бросить при первом же затруднении, — а вел занятия очень серьезно и усидчиво и продолжал бы их, если бы я не уехала в марте в Петербург. И вел их так внимательно, с такой живостью и интересом, что вовлек скоро в «противную латынь» и меня. Пройти предстояло много... а главное, знать и уметь объяснять все встречающиеся правила сложной латинской грамматики. Я испытывала, конечно, чувство неловкости, что не сумела преодолеть своего прорыва самостоятельно, а прибегла к помощи младшего брата, который сам-то умел работать без прорывов. Была тут, несомненно, и некоторая доза ложного самолюбия, что я стала заниматься под руководством младшего брата-гимназиста. Но занятия у нас пошли так оживленно, что скоро всякое чувство неловкости исчезло.

Помню, что Володя отмечал для меня с увлечением некоторые красоты и особенности латинского стиля. Конечно, я слишком мало знала язык, чтобы уметь оценить их, и занятия сосредоточивались больше на объяснении разных грамматических форм, свойственных латинскому языку, как супинум герундий и герундив (отглагольное прилагательное и существительное) и изобретенных для более легкого запоминания изречений и стихотворений вроде (герундив):

Gutta cavat lapidem
Non vi sed saepe cadendo.
Sic homo sit doctus
Non vi sed multo studendo.
Капля камень долбит
Не силой, а частым паденьем.
Так человек становится ученым
Не силой, а многим ученьем.

Помню, что я высказывала Володе сомнение, чтобы можно было пройти в такой короткий срок восьмилетний курс гимназии, но Володя успокаивал меня, говоря: «Ведь это в гимназиях, с бестолково поставленным преподаванием там, тратится на этот курс латыни 8 лет, — взрослый, сознательный человек вполне может пройти этот 8-летний курс в два года», и в доказательство указывал мне, что пройдет его в два года с Охотниковым, и действительно прошел, несмотря на более чем посредственные способности последнего к изучению языков. Очень оживленно, с большой любовью к делу шли у нас занятия. Это не был первый ученик, усердно вызубривший уроки, — это был скорее молодой лингвист, умевший находить особенности и красоты языка.

Так как вкус к языковедению был присущ и мне также, я была очень скоро покорена, и эти занятия, перемежаемые веселым смехом Володи, очень подвинули меня вперед. Я сдала весной успешно экзамен за три года, а через несколько лет знание основ латыни облегчило мне изучение итальянского языка, которое дало мне возможность иметь заработок и доставило много удовольствия.

Любопытно отметить, что некоторые современные писатели находят в стиле Ленина сходство с латинским классическим стилем...

В 1886 году, когда Володе не исполнилось еще шестнадцати лет, умер его отец, Илья Николаевич, а годом позже семью постигло другое тяжелое несчастье: за участие в покушении на царя Александра III был арестован, приговорен к смертной казни и затем казнен — 8 мая 1887 года — его старший, любимый брат Александр. Несчастье это произвело сильное впечатление на Владимира Ильича, закалило его, заставило серьезнее задуматься над путями, которыми должна была идти революция. Собственно, уже и Александр Ильич стоял на перепутье между народолюбцами и марксистами. Он был знаком с «Капиталом» Карла Маркса, признавал намеченный им ход развития, что видно из составленной им партийной программы. Он вел кружки среди рабочих. Но почвы в то время для социал-демократической работы еще не было. Рабочих было мало; они были разъединены и неразвиты; к ним тогда было трудно подступиться интеллигентам, да и гнет царского деспотизма был так силен, что за малейшую попытку общения с народом сажали в тюрьму, высылали в Сибирь. И не только с народом: если студенты-товарищи организовывали какие-нибудь самые невинные кружки для чтения, для общения друг с другом, то кружки разгоняли, а студентов высылали на родину. Лишь те из молодежи, кто помышлял только о карьере да о спокойном проживании, мог оставаться безразличным к такому режиму. Все более честные, искренние люди рвались к борьбе, прежде всего, рвались хотя немного расшатать те тесные стены самодержавия, в которых они задыхались. Самым передовым это грозило тогда гибелью, но и гибель не могла устрашить мужественных людей. Александр Ильич принадлежал к числу их. Он не только, не задумываясь, оставил университет и любимую науку (его прочили в профессора), когда почувствовал, что не в силах больше терпеть давящий всю страну произвол, но, не задумываясь, отдал и жизнь.

Он взял на себя рискованные работы по подготовке снарядов и, признаваясь в этом на суде, думал только о том, чтобы выгородить товарищей.

Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата, Владимира.

ВОЛОДЯ КОНЧАЕТ ГИМНАЗИЮ*

Несчастье это случилось как раз в год окончания Володи́й гимназии.

Несмотря на свои тяжелые переживания, которые он сумел выносить с большой твердостью, Володя, как и сестра Оля, окончил в этом году гимназию с золотой медалью.

Естественно, что тучи от пронесшейся над семьей грозы сгустились и над головами остальных ее членов, что на следующего брата власти склонны были смотреть очень подозрительно, и можно было опасаться, что его ни в какой университет не пустят.

Тогдашний директор симбирской гимназии Ф. Керенский очень ценил Владимира Ильича, относился очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его, Илье Николаевичу, и желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия. Этим объясняется та в высшей степени «добронравная» характеристика его, которая была направлена Керенским в Казанский университет и подписана другими членами педагогического совета. Покойный Илья Николаевич был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого, качеств, воспитанных той раз-

умной дисциплиной, которая была положена в основу домашнего воспитания.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия, так же как старается подчеркнуть «излишнюю замкнутость», «нелюдимость» Владимира Ильича. Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение», Керенский даже грешит немного против истины. Всегда смелый и шаловливый, метко подмечавший смешные стороны в людях, брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями. Одно время Владимир Ильич взял мишенью для насмешек учителя французского языка, по фамилии Пор.

Этот Пор был очень ограниченный фат, говорят, повар по профессии, пролаза, женившийся на дочке симбирского помещика и пролезший через это в «общество». Он терся постоянно около директора или инспектора; порядочные педагоги относились к нему с пренебрежением. Разобиженный вконец, он настоял на четверке из поведения дерзкому ученику в четверть.

Ввиду того что брат был уже в седьмом классе, это происшествие пахло серьезным. Отец рассказал мне о нем зимой 1885 года, когда я приехала на каникулы, добавив, что Володя дал ему слово, что этого больше не повторится.

Но разве не в таких же пустяках коренилось часто исключение и порча всего жизненного пути непокорному юноше?! Отношение к отцу и ко всей семье, а также исключительная талантливость Владимира Ильича избавили его от этого.

На тех же соображениях, что и характеристика Керенского, основывалось решение моей матери не отпускать Владимира Ильича в университет одного, а переехать в Казань всей семьей.

АТТЕСТАТЪ ЗРЕЛОСТИ

4

Данъ сей Володеѣ Ульянову, представителю сиротинскаго сиротинскаго училища, родившемуся въ г. Симбирскѣ, 1870 году Апрѣля 10 числа, обучающемуся поемъ дѣтъ въ Симбирской гимназій, въ томъ,

по тому, что, по основаніи наблюдений за все время обученія его въ Симбирской гимназій, поведеніе его вообще было отличнѣйшимъ, исправность въ послушеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи домашнихъ работъ отлична, приложеніе отличной и любознательности ко всемъ предметамъ, особенно къ греческому языку, и, по тому, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

Въ 1887 году по окончаніи курса въ Симбирской гимназій, по предметамъ, означеннымъ въ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

Въ Законѣ Божіемъ	5	5
„ Ручкою языкъ и Свѣдѣности	5	5
„ Логикѣ	5	5
„ Греческомъ языкѣ	5	5
„ Латинскомъ	5	5
„ Исторіи	5	5
„ Географіи	5	5
„ Физикѣ и Математической географіи	5	5
„ Нравскомъ языкѣ	5	5
„ Французскомъ языкѣ	5	5

По вниманію къ отличному поведенію и продолженію и къ отличнымъ успѣхамъ въ изученіи въ особенности въ древнихъ языкахъ,

Педагогическій Советъ, представивъ патронтазу его Ульянова, 3010-ГОМУ МЕДАЛЬЮ и выдать ему аттестатъ, представляющій сей аттестатъ, объявленныи въ № 125-132 Высочайше утвержденнаго 30 Июня 1871 г. устава гимназій и прогимназій и при отбываніи должности обязанности лицъ Ульянова, въ оныхъ чинахъ 2-й и 3-й ступ. Высочайше утвержденаго 10 Февраля 1880 года мѣсяца Государственнымъ Советомъ, полагаясь на льготы, предоставленныя означенному курсу въ учебномъ заведеніи втораго разряда Симбирскѣ. Дата 10 апр 1887 года.

Директоръ Симбирской Гимназій
 Императорскаго Высшаго Учебнаго Завѣдѣнія *С. П. Морозовъ*

Виссираторъ *В. А. Морозовъ*

Завѣдующій *Владимиръ Морозовъ*

Протоирей *С. С. Морозовъ*

- С. С. Морозовъ*
- В. А. Морозовъ*

Секретарь Императорскаго Высшаго Учебнаго Завѣдѣнія *В. А. Морозовъ*

Примечаніе: (1) Въ 1-й колонкѣ означены предметы, (2) 3-й колонкѣ — оцѣны по предметамъ.

Аттестат зрелости и золотая медаль, полученные Володей Ульяновым за отличные успехи при окончаніи симбирской гимназій. 1887 г.

В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. ПЕРВЫЙ АРЕСТ И ССЫЛКА*

В Казани была снята с конца августа 1887 года квартира в доме б. Ростовой, на Первой горе, откуда Владимир Ильич переехал через месяц со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, в дом Соловьевой.

В те годы затишья и безвременья, когда «Народная воля» была уже разбита, социал-демократическая партия еще не зародилась в России и массы еще не выступали на арену борьбы, единственным слоем, в котором недовольство не спало, как в других слоях общества, а проявлялось отдельными вспышками, было студенчество. В нем всегда находились честные, горячие люди, открыто возмущавшиеся, пытавшиеся бороться. И его поэтому давила всего сильнее лапа правительства. Обыски, аресты, высылки — все это обрушивалось всего сильнее на студентов. В 1887 году гнет еще усилился, вследствие попытки покушения на жизнь царя, произведенной весной этого года в Петербурге, участниками которой были почти одни студенты¹.

Мундиры, педеля, самый тщательный надзор и шпионство в университете, удаление более либеральных профессоров, запрещение всяких организаций, даже таких невинных, как землячество, исключение и высылки многих студентов, бывших хотя сколько-нибудь на примете, — все это подняло настроение студентов с первых же месяцев академического года.

Волна так называемых «беспорядков» прошла с ноября по всем университетам. Докатилась она и до Казани.

Студенты Казанского университета собрались 4 декаб-

¹ Дело 1 марта 1887 года, разбиравшееся судом сословных представителей. Из 15 обвиняемых 5 человек было казнено через повешение — среди них А. И. Ульянов, старший брат Владимира Ильича; двое осуждены на пожизненное заключение в Шлиссельбурге, а остальные — на разные сроки ссылки в Сибирь и на Сахалин. А. Е. (Примеч. автора.)

Здесь и далее примечания А. И. Ульяновой-Елизаровой помечены буквами А. Е. Примечания без подписи даны подготовителями.

ря, шумно требовали к себе инспектора, отказывались разойтись; при появлении последнего предъявили ему ряд требований — не только чисто студенческих, но и политических. Подробности этого столкновения, переданные мне в свое время братом, не сохранились в моей памяти. Помню только рассказ матери, ходившей хлопотать о нем, что инспектор отметил Володю, как одного из активнейших участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми кулаками. Владимир Ильич был арестован на квартире с 4 на 5 декабря и просидел несколько дней с другими арестованными при участке (всего 40 человек). Все они были высланы из Казани. В. В. Адоратский рассказывает о переданном ему позднее Владимиром Ильичем следующим разговоре с приставом, отвозившим его после ареста.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится, — ответил, не задумываясь, Владимир Ильич.

Вся история с исключением произошла очень быстро. Владимир Ильич был выслан в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, в благоприобретенное имение деда его по матери Александра Дмитриевича Бланка, где в то время проживала под гласным надзором сестра его Анна (пишущая эти строки), которой пятилетний гласный надзор в Сибири был заменен, по ходатайству матери, высылкой в эту деревню. Пятая часть этого имения принадлежала моей матери, и во флигеле одной из двух хозяйничавших там теток, очень холодном и неблагоустроенном, провела наша семья (некоторое время спустя мать с меньшими переселилась тоже в Кокушкино) зиму 1887/88 года.

Никаких соседей у нас не было. Провели мы зиму в полном одиночестве. Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять, на месте ли я и не пропагандирую ли я крестьян, — вот и все, кого мы видели. Владимир Ильич много читал, — во фли-

геле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты. Помню, каким событием были для нас оказии из города и как нетерпеливо раскрывали мы заветный пещер (корзинка местной работы), содержащий книги, газеты и письма. Равно и обратно при оказии пещер нагружался возвращаемыми книгами и почтой. Связано у меня с ним и такое воспоминание. Раз вечером все сидели за корреспонденцией, готовя почту, которую должен был забрать ранним утром в упакованном пещере работник тетки.

Мне бросилось в глаза, что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбужденном состоянии. Весь пещер был нагружен; мать с меньшими уже улеглись, а мы с Володей сидели еще по обыкновению и беседовали. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой — помнится, в один из южных — университет. Описал в нем, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда не легко. В повышенном настроении, прохаживаясь по комнате и с видимым удовольствием передавая мне те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предержавших, он подсмеивался над моими опасениями и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес, на то, что товарищ этот, может быть, находится тоже среди исключенных или состоящих на примете, и подобное письмо принесет ухудшение его участи.

Тут Володя призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кух-

ню и вынул, хотя и с видимым сожалением, из пещера злополучное письмо.

Позднее, летом, я имела удовольствие услышать от него в одной беседе по какому-то случаю между нами и двоюродной сестрой полушутливое, полусерьезное заявление, что за один совет он мне благодарен. Это произошло после того, как он перечел провалявшееся несколько месяцев в его ящике письмо и подверг его уничтожению.

Кроме чтения, Владимир Ильич занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, и охота была всю зиму безуспешная¹. Я думаю, что это происходило и потому, что охотником в душе, как другие два брата мои, он никогда не был.

Но жизнь протекала, конечно, скучно в занесенном снегом флигельке, и тут-то и помогла Володе привычка к усиленным занятиям. Помню особенно ярко крутую, раннюю весну, после этой, утомившей нас одинокой зимы, первую весну, проводимую нами в деревне. Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белеший по оврагам снег...

Летом приехали двоюродные братья, — у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли. Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словом и лукавой усмешкой Володи.

С осени 1888 года Владимиру Ильичу разрешено было переселиться в Казань, куда переехала мать с меньшими. Несколько позже дозволено было перебраться туда и мне.

¹ Помню это по одной шутке между нами: раз, следующим летом, возвратившись с прогулки с двоюродным братом, он заявил: «А нам нынче заяц дорогу перебежал». — «Володя, — сказала я, — это, конечно, тот самый, за которым ты всю зиму охотился». А. Е.

III. ЖИЗНЬ В КАЗАНИ

Квартира была снята в доме Орловой, на Первой горе, недалеко от Арского поля, во флигеле. При квартире был балкон и довольно живописный садик по горе. В первом этаже были почему-то две кухни, а в верхнем—остальные комнаты. Володя выбрал себе вторую, лишнюю, кухню потому, что она была уединеннее и удобнее для занятий, чем верхние комнаты, окружил себя книгами и просиживал за ними большую часть дня. Здесь начал он изучать I том «Капитала» Карла Маркса.

Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и

тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, изучавших также марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани.

Вследствие особого поднадзорного положения нашей семьи, знакомые эти почти не ходили к нам, а уходил обыкновенно Володя на квартиры, где они собирались. Из фамилий, упоминаемых им, помню лишь две: Четверговой, пожилой народоволки, о которой Володя отзывался с большой симпатией, и студента — не помню уже, исключенного ли — Чирикова, будущего писателя-беллетриста, отошедшего потом от революции и даже перешедшего в лагерь врагов. Владимир Ильич был все же довольно осторожен из внимания к матери. Исключительное мужество, с которым она переносила несчастье с потерей брата Александра, вызывало удивление и уважение даже со стороны посторонних людей. Тем более чувствовали это мы, дети, ради которых, для забот о которых она страшным усилием воли сдерживала себя. Надежда Константиновна¹ говорила мне, что Владимир Ильич рассказывал и ей о том удивительном мужестве, с которым мать перенесла потерю брата, а позднее — сестры Ольги.

Влияние ее на нас с детства было огромное. Подробнее я скажу об этом в другом месте, здесь же укажу только на один эпизод из казанской жизни. Володя начал покуривать. Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить курение. Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат — хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) — он себе, не имея своего заработка, позволять бы собственно не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут

¹ Жена Владимира Ильича. А. Е.

Здание Казанского университета, в котором учился Владимир Ильич в 1887 году.

же — и навсегда — бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае, добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней зацепки.

Говорил Володя мне о рефератах, которые читались у них, о некоторых собраниях рассказывал с большим оживлением. К весне, как это всегда бывает, деятельность кружков стала энергичнее, и Володя стал чаще отсутствовать по вечерам.

В то время, как мы видим по вышедшим теперь исследованиям тогдашней кружковой работы, в Казани было несколько кружков. Объединяться, даже встречаться, по требованию конспирации, они не могли. Некоторые члены даже не знали о существовании других кружков, а некоторые если знали или догадывались, то были не осведомлены

о том, кто в них входил. Фамилии без надобности не назывались. В центральном кружке состоял в то время очень активный молодой революционер, убежденный социал-демократ Николай Евграфович Федосеев.

Исключенный еще из последнего класса гимназии, Федосеев повел энергичную революционную работу. При центральном кружке имелась библиотека нелегальных и неразрешенных книг, а с весны стала налаживаться техника для воспроизведения местных изданий и для перепечатки редких нелегальных. Владимир Ильич слышал об этих планах, но сам в этот кружок не входил. И самого Федосеева он лично не знал, а лишь слышал о нем. Но все же он говорил мне, услыхав об аресте, происшедшем в Казани в июле 1889 года, что он влетел бы, вероятно, также: был арестован Федосеев, разгромлен его кружок, а также забраны некоторые члены того кружка, в котором состоял Владимир Ильич. Спас тогда Ильича переезд всей нашей семьи в мае 1889 года в Самарскую губернию, на хутор близ деревни Алакаевки, купленный моей матерью через М. Т. Елизарова. С осени того же года, по выходе моем замуж за М. Т. Елизарова, вся наша семья обосновалась в Самаре.

Таким образом, Владимир Ильич счастливо ушел от казанского погрома, стоившего Федосееву около 2¹/₂ лет тюремного заключения — сначала предварительного, а потом, по приговору, в «Крестах» (так называлась Выборгская тюрьма в Петербурге, куда сажали приговоренных к отсидке). Переезд в более глухую Самару дал ему возможность заниматься спокойнее выработкой своего марксистского мировоззрения, а позднее — подготовкой к экзамену при университете. А летнее пребывание на хуторе в очень здоровой, прекрасной местности укрепило, несомненно, его здоровье.

IV. ЖИЗНЬ В САМАРЕ

УСИЛЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ. ИЗУЧЕНИЕ ТЕОРИИ МАРКСА*

Владимир Ильич стремился поступить вновь в университет, но ему упорно отказывали в этом, а когда разрешили наконец вместо того сдать окончательный экзамен при университете, то он засел вплотную за зубрежку разных юридических наук и в 1891 году сдал экзамен при Петербургском университете. Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом. Кроме прекрасных способностей, Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность.

Помню, как летом в Самарской губернии он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точ-

ностью, как будто бы его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до 3 часов.

Никто из нас не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему.

Кончая с учебой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам — так, помню, читал по-немецки Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А потом погуляет, выкупается, и после вечернего чая выносятся лампа на крыльцо, чтобы комары в комнату не налетели, — и опять Володина голова склонена над книгой. Но если усиленные занятия не делали Владимира Ильича угрюмым, книжным человеком в более поздние годы, то тем более не делали его таким в молодости. В свободное время, за обедом, гуляя, он обычно шутил и болтал, развеселяя всех других, заражая своим смехом окружающих.

Умея работать, как никто, он умел и отдыхать, как никто.

КРУЖКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. СПОРЫ С НАРОДНИКАМИ*

В Самаре революционно настроенной молодежи было, конечно, меньше, чем в Казани — городе университетском, но и там она была. Были, кроме того, и пожилые люди, бывшие ссыльные, возвращавшиеся из Сибири, и поднадзорные. Эти последние были, конечно, все направления народнического и народовольческого. Для них социал-демократия была новым революционным течением; им казалось, что для нее нет достаточной почвы в России. В глухих ссыльных местах, в улусах Сибири они не могли следить за теми изменениями в общественной жизни, в ходе развития нашей страны, которые происходили без них и начинали создаваться в крупных центрах. Да и в центрах представителей социал-демократического направ-

ления, начало которому было положено еще в 1883 году группой «Освобождение труда» за границей, было еще немного — главным образом, это была молодежь.

Направление это лишь пробивало себе путь. Столпами общественной мысли были еще народники: Воронцов (В. В.)¹, Южаков, Кривенко, а властителем дум — критик и публицист Михайловский, имевший раньше тесные связи с народолюбцами. Этот последний выступил, как известно, в 1894 году с открытой борьбой против социал-демократов в самом передовом тогдашнем журнале «Русское богатство»². Для борьбы с устоявшимися взглядами надо было прежде всего вооружиться как теоретическим знанием — изучением Маркса, так и материалом по приложению этого знания к русской действительности — изучением статистических исследований развития нашей промышленности, нашего землевладения и т. п. Обобщающих работ в этом смысле почти не было: надо было изучать первоисточники и строить на основании их свои выводы. За эту большую и непечатую работу взялся в Самаре Владимир Ильич.

Продолжая серьезное изучение всех сочинений Маркса и Энгельса (некоторые из них, как «Нищета философии», имелись тогда лишь на иностранных языках), он познакомился и со всеми сочинениями народников и взялся для проверки их и для выяснения возможности социал-демократии в России за статистические исследования...

Раньше других Владимир Ильич познакомился в Самаре с Вадимом Андреевичем Ионовым, приятелем Марка Тимофеевича Елизарова, моего мужа. Ионов был старше Владимира Ильича и стоял на народолюбческой точке зрения. В то время он был, пожалуй, самой видной фигурой среди самарской молодежи и пользовался влиянием.

¹ В. П. Воронцов (В. В.) — русский экономист, один из идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX века.

² Журнал «Русское богатство» выходил в Петербурге с 1876 по 1918 год. В 90-х годах — орган либеральных народников.

Владимир Ильич Ульянов. 1891 г. Самара.

Владимир Ильич постепенно перетянул его на свою сторону. Вполне своим стал сразу одноклассник Владимира Ильича Алексей Павлович Скляренко (Попов), исключенный из самарской гимназии и отбывший уже заключение в «Крестах» по своему первому делу. Вокруг Скляренко группировалась молодежь из семинаристов, учениц фельдшерской школы. В этом кружке, а также в народных и выступал Владимир Ильич; в последних велись страстные прения. Много споров бывало также при встречах и беседах со старыми народолюбцами. Из них всего чаще видался Владимир Ильич с Александром Ивановичем Ливановым, которого очень ценил за его революционный закал.

Умея брать отовсюду все лучшее, Владимир Ильич не только оспаривал воззрения Ливанова и других народолюбцев, он впитывал от них революционные навыки, с интересом выслушивал и запоминал рассказы о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда; слушал рассказы о процессах народников и народолюбцев. Располагали очень к Александру Ивановичу чуткость и деликатность, отсутствие того подчеркивания, что молод, мол, ты, зелен, которое было свойственно многим старикам. Большая смелость и непримиримость Владимира Ильича казались большинству спорщиков лишь молодым задором и чрезмерной самоуверенностью. И в самарские годы, и позднее ему не прощались резкие нападки на таких признанных столпов общественного мнения, как Михайловский, В. В. Кареев и др. И во все четыре зимы, проведенные Владимиром Ильичем в Самаре, более солидные слои передового общества смотрели на него как на очень способного, но чересчур самонадеянного и резкого юношу. Лишь в кружках молодежи, будущих социал-демократов, пользовался он безграничным уважением. Рефераты Владимира Ильича о сочинениях В. В., Южакова, Михайловского, читанные в самарских кружках, позднее подвергшись некоторой обработке, составили три

тетради под общим заглавием: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Одна из таких тетрадей до сих пор не найдена, а две другие вошли в Полное собрание его сочинений и, как справедливо указывалось, заключают уже в себе все главные основы развитых им позднее взглядов, основы ленинизма.

ЗНАКОМСТВО С ЖИЗНЬЮ КРЕСТЬЯНСТВА*

Но в самарский период Владимир Ильич прошел не только теоретическую школу. Жизнь его в этой такой типичной для русского крестьянства губернии дала ему много того знания и понимания этого общественного слоя, которое так удивляло всех нас позднее. Как в формулировке аграрной части нашей программы и во всей дореволюционной борьбе, так и в строительстве нашей партии после победы это знание сыграло огромную роль. А черпать его Владимир Ильич умел отовсюду.

Скляренко служил секретарем у мирового судьи Самойлова, человека идейного и передового. Вместе со своим патроном ему приходилось выезжать на разбор дел по деревням, принимать приезжавших в город с жалобами крестьян и получать, таким образом, ценные данные о положении крестьянства в уезде. Он делился этими наблюдениями с Владимиром Ильичем. Беседовал по этому вопросу Владимир Ильич и с самим Самойловым и с остальными знакомыми, у которых было много связей в крестьянстве. Но больше всего материала почерпал он из рассказов Марка Тимофеевича Елизарова, происходившего из крестьян Самарской губернии и сохранившего тесную связь со своими односельчанами. Беседовал он и со старшим братом Марка Тимофеевича, Павлом Тимофеевичем. Это был так называемый «крепкий» крестьянин, разбогатевший арендой близлежащих удельных (т. е. принадлежащих царскому дому) земель и пере-

дачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне, он бессленно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов, лез в купцы, чего позднее и добился. Помню, что меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каких бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчины, а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины, в возможность привить крестьянам социализм.

В этих разговорах проявлялось характерное для Ильича умение разговаривать со всякой публикой, вытягивать из каждого нужное ему; умение не отрываться от почвы, не быть задавленным теорией, а трезво вглядываться в окружающую его жизнь и чутко прислушиваться к ее звукам. В этом умении стать стойким последователем известной теории и в то же время трезво учитывать все особенности и все изменения неустанно бьющей вокруг него жизненной волны, ни на минуту не терять из виду общей принципиальной линии, а также ни на момент не отрываться от родной российской почвы, на которой он стоял, — в этом сочетании, как уже не раз указывалось, заключался главный источник силы и значения Ильича. Но в его юные годы, за оживленной болтовней и шутками, за беззаботно звучащим смехом вряд ли кто заметил бы этот источник. Он никогда не говорил книжно, никому не навязывал своей теории, он умел быть веселым, бесхитростным товарищем в часы досуга, но и досуг этот он умел использовать для чуткого прислушивания

к окружающей жизни и выбора из него всего ценного и нужного для своего пути, для задачи своей жизни.

Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять летних сезонов подряд, по 3—4 месяца в год, а также и в деревне Бестужевке, куда ездил с Марком Тимофеевичем к родным последнего. Но, знакомясь в разговорах с общим положением крестьян, Ильич старался больше узнать от них, чем говорил сам, — во всяком случае убеждений своих не высказывал. И не только потому, что ему приходилось считаться с поднадзорным положением. Нет, он знал, что крестьян непосредственно революцией и социализмом не проймешь, что с этим надо идти к другому слою, к слою промышленных рабочих; он берег себя для них. Ему была чужда всякая фраза, а дела, он знал, из разговора с крестьянами в то время не вышло бы.

Таким образом развивался и рос незаметно в провинциальном городе и в тиши уединенного хуторка тот Ленин, который заложил основы РКП(б) и повел ее к победе, а после победы — к строительству на этих основах.

Годы жизни в Самаре и еще ранее год в Казани являлись лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так широко. Но эти годы были вместе с тем самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия.

V. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (Н. ЛЕНИНА)

1. ИЗ САМАРЫ В ПЕТЕРБУРГ

Владимир Ильич переехал из Самары в Петербург осенью 1893 года с целью взяться за революционную работу. Окончательные экзамены при университете были им сданы еще в 1891 году. Самара не могла дать простора его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уж взято им.

Почему же не уехал он с осени 1892 года, когда уже окончил университетский курс, зачем сидел еще год в Самаре?

На этот вопрос я могу ответить: сидел для матери.

Я говорила уже в описании его детских и юношеских лет, каким большим авторитетом, какой горячей любовью пользовалась и с его стороны, как и со стороны всех нас, наша мать. Той твердости, с которой она переносила свои тяжелые несчастья, удивлялись все, кто ее знал,—

тем более чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье... И она понимала их революционные стремления.

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчать ее горе. А в год окончания Владимиром Ильичем университета над семьей стряслось новое несчастье: умерла в Петербурге от брюшного тифа его сестра Ольга. Владимир Ильич приехал как раз тогда, весной, для сдачи первой половины своих экзаменов. Ему пришлось отвезти сестру в больницу (попала, к несчастью, в очень плохую), потом, когда ей стало плохо, вызвать телеграммой мать. Владимир Ильич был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару. Он видел, как и при этом, новом ударе проявилось ее мужество, ее чуткость к другим прежде всего.

Стараясь преодолеть свое горе, мать все же, конечно, сильно страдала. Ольга была прекрасная, с выдающимися способностями и большой энергией девушка.

Осенью 1890 года она поехала в Петербург на Высшие женские курсы. Ни в Казани, ни тем более в Самаре высшего женского заведения не было, а она страстно рвалась к учению. На курсах она выдвинулась в первый же год своими знаниями, своей работоспособностью, и подружки ее — Э. П. Невзорова-Кржижановская, Торгонская, покойная А. А. Якубова — говорили о ней как о выдающейся девушке, бывшей центром их курса. Со всем неясным или непонятым подружки шли к ней, и она повредила себе тем, что, уже больная, объясняла им по химии

и другим предметам к начавшимся экзаменам. Она искала также путей и для общественной работы, и из нее вышла бы, несомненно, выдающаяся и преданная революционерка. После ее потери одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год дома, в Самаре.

Но к концу этой последней зимы он уже иногда порядочно скучал, стремясь к более оживленному центру, к простору для революционной работы: Самара в те годы была как бы только станцией из Сибири, из настоящей ссылки, в центры умственной жизни, которыми были столицы и университетские города.

Остался у меня в памяти разговор с Володией о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что уедет из нее следующей же осенью. Но ему не захотелось основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет меньшим братом Митей. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре — Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также

предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компрометировать.

Поздней осенью, устроившись в Москве, мы с матерью ездили в Питер навестить Володю. У матери была при этом специальная цель: купить ему зимнее пальто. Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах, — он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца.

2. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И СВЯЗИ

В ПЕТЕРБУРГЕ*

Знакомства по приезде в Петербург Владимир Ильич стал заводить понемногу, осмотрительно: он знал, что правительство смотрело на него предубежденно, как на брата Александра Ильича, он видел, как часто за неосторожную болтовню влетала молодежь, не успев ничего сделать. Всякая болтовня и фраза были чужды ему: он хотел нести свои знания, свою работу в тот слой, который — он знал — совершит революцию, в слой рабочих. Он искал знакомства с людьми, которые разделяли его взгляды, которые считали, что революцию можно ждать не от крестьянства, якобы социалистически настроенного, якобы разделявшего коммунистические верования и навыки предков, и не от представителей интеллигенции — самоотверженных, готовых идти на смерть, но одиноких. Он искал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом или ее не будет вовсе (слова Плеханова). Таких людей,

социал-демократов, было тогда меньшинство. Большинство революционно настроенных образованных людей придерживались народнических и народовольческих взглядов, но так как организация была уже разрушена, дела никакого не было, то активно мало кто проявлялся, а было больше разговоров, шумихи. От этой интеллигентской болтовни и старался держаться подальше Владимир Ильич. Полиция, власти считали тогда тоже опаснее представителей народовольчества, идущих насилие, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными. «Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет», — говорил о них директор департамента полиции Зволянский.

Таково же приблизительно было воззрение на социал-демократов и в обществе. Если такой руководитель умов того времени, как Михайловский, настолько не понимал взглядов Маркса, что не видел — или затушевывал — революционное значение их, то чего же можно было ожидать от широких слоев. Маркса почти никто не читал, представление о социал-демократах имелось, главным образом, по легальной парламентской деятельности их в Германии. В России парламентом в то время и не пахло, поэтому нетерпеливой, рвущейся к революционной работе молодежи казалось, что русские социал-демократы просто избирают себе спокойный удел: почитывая Маркса, дожидаться, когда заря свободы взойдет над Россией. Им казалось, что объективизм Маркса прикрывал тут попросту вялость, старческую рассудочность в лучшем смысле, а в худшем — шкурнические интересы. Так смотрели на русских учеников Маркса авторитетные для молодежи старые революционеры, возвращавшиеся с каторги и ссылки. Их молодость была горячим и дерзким порывом борьбы со всесильным самодержавием, они, направляясь в народ, забрасывали книжки, плевали на дипломы... И они с тоской и непониманием взирали на новую, какую-то не

по-юному солидную молодежь, которая считала возможным обкладывать себя толстыми томами научных книг в то время, как ничто не сдвинулось еще в устоях самодержавия и положение народа было плачевным по-прежнему. Они видели в этом какую-то холодность. Они готовы были применить к этой молодежи слова Некрасова:

Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Ему нет горше укоризны...

Каждое время выставляет свои требования, и обычно бывает, что представители старого поколения плохо понимают идеалы и стремления молодого, начавшего мыслить при изменившихся общественных условиях. А если политические условия остались в России прежние, то экономические начали сильно меняться: капитализм захватывал все большие области, все несомненное становилось, что ход развития пойдет у нас так же, как на Западе, что вожаком революции будет и у нас, как и там, пролетариат. А сторонникам старых, народнических воззрений, не понимавшим, что дело тут не в чем-то безразличии и не в чьей-то злой воле, что таков ход развития и против него никаким самым самоотверженным порывом ничего не поделаешь, казалось, что марксисты, слепо идя по пути Запада, хотят выварить всех крестьян в фабричном котле. Крестьянам же, по их убеждению, были присущи коммунистические взгляды, с которыми они могли бы миновать тяжелый путь через капитализм, несущий, особенно в первой своей стадии, неисчислимые бедствия и страдания для народа. «Лучше бы без капитализма», говорили они устами В. В. (Воронцова), Южакова и других народников и старались найти доказательства, что это «лучше бы» возможно. Они негодовали на марксистов, как негодует человек, не понимающий необходимости какой-либо операции, на холодность и сухость врача, спокойно подвергающего больного всем связанным с нею страданиям, не пытаясь обойтись «лучше» без них.

Это добренькое «лучше без капитализма» Владимир Ильич высмеивал очень ядовито и в устных своих выступлениях в тот период, и в первых своих работах, посвященных главным образом критике народничества. Отсылаем читателя к упомянутому уже нами сочинению его «Что такое «друзья народа»...», которое дает наилучшее представление о взглядах Ильича в тот период и которое в перепечатанных тогда на mimeографе тетрадках зачитывалось до дыр молодежи.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В МОСКВЕ*

Еще раньше, чем тетрадки эти появились, — зимой 1893 года — Владимир Ильич выступал против народников в Москве. Это было во время рождественских каникул, когда он приехал побывать к нам. На праздниках устраивались обычно вечеринки. Так и тут на одной вечеринке с разговорами в студенческой квартире выступил против народников Владимир Ильич. Ему пришлось здесь сцепиться, главным образом, с известным писателем-народником — В. В. (Воронцовым). Не встречаясь с В. В. лично, Владимир Ильич не знал, против кого он выступает, и потом даже рассердился на знакомую¹, приведшую его на эту вечеринку, что она не сказала ему, кто его противник. Выступал он со свойственной ему великолепной смелостью, во всеоружии своих знаний и со всей силой убеждения, сосредоточив на себе весь интерес вечеринки. Сторонникам противной стороны дерзость неизвестного молодого человека казалась чрезмерной; вся марксистски настроенная молодежь была страшно рада неожиданной поддержке и жалела, что, отчитав В. В., незнакомец быстро ускользнул с вечеринки. А Владимир

¹ Имеется в виду М. П. Голубева, впоследствии профессиональная революционерка, член КПСС с 1901 г.

Ильич ругал себя потом, что, раззадоренный авторитетностью, с которой В. В. высказывал свои устарелые взгляды, дал вызвать себя на обличения в неконспиративной обстановке. Но сошла эта вечеринка благополучно: на праздниках и полиция в Москве любила поспрашивать, а потом, имени Ильича никто не знал, его называли «петербуржец». Значение же его выступления для московской молодежи было большое: оно разъяснило молодым марксистам многое, оно дало им опору, толкнуло их вперед.

БОРЬБА С НАРОДНИКАМИ
И «ЛЕГАЛЬНЫМИ МАРКСИСТАМИ»*

И в Питере в ту зиму у Владимира Ильича было мало знакомств. Он сошелся с кружком технологов, группировавшихся вокруг братьев Красиных¹, с которыми связался через Нижний Новгород, затем познакомился с несколькими сознательными и активными рабочими, как Бабушкин (расстрелянный после революции 1905 года в Сибири) и В. А. Шелгунов. Он познакомился с некоторыми легальными литераторами-марксистами, как с П. Б. Струве, А. Н. Потресовым, с которыми его сближала общая борьба против народников. Потресов, впрочем, был его ближайшим товарищем и позднее, по работе в «Искре», вплоть до раскола на II съезде в 1903 году. Но, направляя вместе со Струве удары против народников, Владимир Ильич раньше других почувствовал в нем чуждые струнки неревolucionера, не делающего всех выводов из учения Маркса, останавливающегося на чисто легальном, профессорском, буржуазном марксизме. Он почуял в нем будущего кадета и тогда же напал горячо на это вредное уклонение в статье под псевдонимом

¹ Герман и Леонид Борисовичи. Последний — видный нелегальный работник под кличкой Никитич. При Советской власти — нарком внешней торговли и полпред, сначала во Франции, затем в Англии. Умер осенью 1926 года. А. Е.

К. Тулин¹, помещенной в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», изданном Потресовым в 1895 году. Сборнику этому не удалось проскочить через цензуру, как изданной ранее книге Плеханова под псевдонимом Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Мудреное заглавие спасло книгу Плеханова, содержавшую ярые нападки на народников и определенно высказывавшую точку зрения революционных марксистов. А сборник «Материалов», несмотря на несколько сухих, кишащих цифирью статей, влетел за статью Тулина и был сожжен. Удалось спасти только несколько экземпляров, и немногие поэтому прочли тогда статью Владимира Ильича.

Таким образом, цензура быстро разобрала разницу между марксизмом революционным — социал-демократией — и марксизмом легальным. Стали понимать эту разницу и кое-кто из народников-революционеров, стали замечать, что собственно их противники социал-демократы также революционеры и что нельзя валить их в одну кучу с «легальными марксистами», которые, устанавливая факт, что Россия «идет на выучку к капитализму» (эпиграф к книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»), никакого вывода в смысле необходимости борьбы с существующим строем из этого не делают. Кое-кто из молодых народовольцев, не признававших значения нашей общины (мы видели в одной из предыдущих глав, что ее не признавали уже Александр Ильич с товарищами в 1887 году), стали подходить ближе к социал-демократам, убеждаясь, что они не только не против политической борьбы, а выставляют ее на своем знамени. Так, народовольцы, имевшие свою типографию в Петербурге (Лахтинская типография), сами предложили социал-демократам печатать их листовки и брошюры, считая, что разница между двумя направления-

¹ Речь идет о статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)».

ми лишь в том, что социал-демократы обращаются к рабочим, а не к другим классам общества, но что направление их также революционное. В Лахтинской типографии были напечатаны многие листовки Владимира Ильича и его брошюра «О штрафах»; вторая, «О стачках», была забрана там при аресте типографии и погибла.

Но это было уже позднее. Лето 1894 года — после первой зимы в Петербурге — Владимир Ильич проводил с нами под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино, Курской железной дороги. Жил довольно уединенно и много занимался. Для отдыха гулял с меньшим братом и сестрой по окрестностям и заложил в них основы социал-демократического учения. Из московских социал-демократов виделся с Мицкевичем, с которым познакомился еще раньше в Нижнем Новгороде, с Ганшиным и братьями Масленниковыми. Эти товарищи взяли печатать его тетрадки «Что такое «друзья народа»...», которые появились осенью 1894 года в Москве и Петербурге, размноженные на мимеографе.

Помню, что не успела прочесть его тетрадку о Михайловском в рукописи и разыскивала ее потом в Москве.

Это было не так-то легко, потому что выступление Михайловского против социал-демократов возмутило многих, и в Москве ходило несколько рукописных или доморощенно напечатанных ответов ему. Легально ответы эти напечатаны быть не могли, это-то и возмущало против Михайловского, что он нападает и клевет на людей, которым зажат рот. Мне стали рассказывать о двух-трех ответах и, характеризуя их, заявили: «Один более основательный, только выражения очень уже недопустимые». — «А какие, например?» — спросила я с живостью. «Да, например, Михайловский сел в лужу». — «Вот этот, пожалуйста, мне и достаньте», — заявила я, решив совершенно определенно, что этот и должен был принадлежать перу Володи. И потом мы смеялись с ним относительно того признака, по которому я безошибочно определила его работу.

3. БОРЬБА С «ЭКОНОМИСТАМИ»

Кроме народников и «легальных марксистов», Владимиру Ильичу пришлось сражаться еще с так называемыми «экономистами». Это было направление, отрицавшее необходимость политической борьбы со стороны рабочих и агитацию за таковую в рабочих массах. Вытекало оно из здорового и естественного стремления подходить к рабочим, политически совершенно неразвитым, сохранившим еще в массе веру в царя, с точки зрения их повседневных нужд и требований. Дело шло о первых шагах в этих массах, которые надо было пробудить, в которых надо было развить стремления к защите своего достоинства, сознание, что спасения можно искать только в объединении, в сплочении, и содействовать этому сплочению. А объединить можно было только на непосредственных, наглядных нуждах — прежде всего на протесте против притеснения со стороны хозяев. Так, призыв восстать против непомерно удлиняющегося рабочего времени, сокращаемого с помощью разных мошенничеств заработка, призыв требовать кипятка в обеденное время, более раннего окончания работы в субботу для того, чтобы пользоваться баней, отмены несправедливых штрафов, удаления грубых, зазнавшихся мастеров и т. п. был понятен самым серым, неразвитым рабочим.

Сплочаясь на таких обыденных нуждах, они научались бороться вместе, дружно, стойко, защищать общие интересы, а удача в этой борьбе давала им чувствовать свою силу и объединяла еще более. Удача первых стачек — а чем мельче и справедливее были выставленные требования, тем легче они удовлетворялись — окрыляла и толкала вперед сильнее всякой агитации. Добытые улучшения в положении давали больше досуга и возможности читать, развиваться дальше. Поэтому все социал-демократы, шедшие к рабочим массам, начинали агитацию с экономических нужд. И листовки Владимира Ильича указывали на самые насущные требования рабочих того или

иного завода или фабрики, производя этим большое впечатление. В случае несогласия хозяев удовлетворить мирным путем требования рабочих, рекомендовалось прибегнуть к стачке. Успех стачки в одном предприятии побуждал к этому методу борьбы и другие.

То время было временем перехода от занятий в небольших кружках — пропаганды к работе в массах — агитации. И Владимир Ильич был одним из тех, кто стоял за такой переход. Разница между пропагандой и агитацией определялась, пожалуй, лучше всего словами Плеханова: «Пропаганда дает много идей небольшому кругу лиц, а агитация — одну идею массам».

Но если первый подход к совершенно неразвитым рабочим должен был по необходимости идти от ближайших экономических нужд, то никто не говорил с самого начала определеннее Владимира Ильича, что это должно быть лишь начальной ступенью, что политическое сознание должно развиваться с первых же бесед и с первых листков. Помню разговор с ним об этом поздней осенью 1895 года, незадолго до его ареста, когда я приехала опять к нему в Петербург.

«Как подходить с разговорами о политике к серым рабочим, для которых царь — второй бог, которые и листки с экономическими требованиями берут еще со страхом и оглядкой? Не оттолкнуть бы их только этим», — говорила я, имея в виду еще более серых московских рабочих.

Владимир Ильич указывал мне тогда, что все дело в подходе.

«Конечно, если сразу говорить против царя и существующего строя, то это только оттолкнет рабочих. Но ведь «политикой» переплетена вся повседневная жизнь. Грубость и самодурство урядников, пристава, жандарма и их вмешательство при всяком несогласии с хозяином обязательно в интересах последнего, отношение к стачкам всех власть имущих — все это быстро показывает, на чьей они стороне. Надо только всякий раз отмечать это в листках, в статьях, указывать на роль местного урядника или

жандарма, а там уже постепенно направляемая в эту сторону мысль пойдет дальше. Важно только с самого начала подчеркивать это, не давать развиваться иллюзии, что одной борьбой с фабрикантами можно добиться чего-нибудь». «Вот например, — говорил Владимир Ильич, — вышел новый закон о рабочих (не помню сейчас точно, чего он касался. — А. Е.), его следует разъяснить, показать, насколько тут делается что-либо для рабочих и насколько — для фабрикантов. И вот в газете, которую мы выпускаем, мы помещаем передовицей статью: «О чем думают наши министры?», которая покажет рабочим, что такое наше законодательство, чьи интересы оно защищает. Мы намеренно говорим о министрах, а не о царе. Но эта статья будет политической, и такой должна быть обязательно передовица каждого номера, чтобы газета воспитывала политическое сознание рабочих». Статья эта, принадлежащая перу Владимира Ильича, входила, действительно, в первый номер «Рабочей газеты», не увидевший тогда света, забранный, как известно, при аресте Володи с товарищами 9 декабря 1895 года. Я читала ее, как и другой материал для первого номера «Рабочей газеты», подготовлявшегося тогда. Выпуск номера на mimeографе был делом громоздким и подготовлялся задолго. Помню, как ядовито был поддет в этой статье министр и какой она была популярной и боевой.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.
СВЯЗЬ С ГРУППОЙ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»*

Это ярко-политическое направление было присуще Ильичу с самого начала, оно вытекало из правильно понятого учения Маркса, оно находилось также в соответствии со взглядами родоначальницы русской социал-демократии — группы «Освобождение труда», собственно ее основателя — Плеханова. Владимир Ильич хорошо знал его взгляды по его литературным работам, а кроме того, летом 1895 года, когда ездил за границу, и лично позна-

комился с ним. Официальной целью было отдохнуть и полечиться после воспаления легких, а неофициальной — завязать сношения с группой «Освобождение труда».

Владимир Ильич был очень доволен своей поездкой, и она имела для него большое значение...

По возвращении из-за границы Владимир Ильич был у нас в Москве и много рассказывал о своей поездке и беседах, был особенно довольный, оживленный, я бы сказала даже — сияющий. Последнее происходило, главным образом, от удачи на границе с провозом нелегальной литературы.

Зная, что на него, вследствие его семейного положения, смотрят особенно строго, Владимир Ильич не намеревался везти с собой что-нибудь недозволенное, но за границей не выдержал, искушение было слишком сильно, и он взял чемодан с двойным дном. Это был обычный в то время способ перевозить нелегальную литературу; она укладывалась между двумя днами. Работа производилась в заграничных мастерских чисто и аккуратно, но способ этот был все же очень известен полиции, — вся надежда была на то, что не станут же исследовать каждый чемодан. Но вот, при таможенном осмотре чемодан Владимира Ильича был перевернут вверх дном и по дну, кроме того, прищелкнули. Зная, что опытные пограничные чиновники определяют таким образом наличие второго дна, Владимир Ильич решил, как рассказывал нам, что влетел. Тот факт, что его благополучно отпустили и он сдал чемодан в Питере, где последний был также благополучно распотрошен, привел его в великолепное настроение, с которым он и приехал к нам в Москву.

4. СЛЕЖКА И АРЕСТ

Вполне возможно, конечно, что Владимир Ильич не ошибся, что скрытое содержание было действительно обнаружено, но, как это практиковалось, влетевший не арестовывался сразу, чтобы проследить целый ряд лиц,

принимавших литературу, распространявших ее, и создать таким образом большое дело.

К осени 1895 года за Владимиром Ильичем сильно следили. Он говорил мне об этом в упомянутый мной проезд к нему поздней осенью этого года. Он говорил, чтобы, в случае его ареста, не пускать в Питер мать, для которой хождение в разные учреждения с хлопотами о нем было особенно тягостно, так как было связано с воспоминаниями о таком же хождении для старшего сына. В тот проезд познакомилась я у брата с В. А. Шелгуновым, тогда еще молодым, здоровым рабочим.

Рассказывал Владимир Ильич мне несколько случаев о том, как он удирает от шпииков. Зрение у него было хорошее, ноги проворные, и рассказы его, которые он передавал очень живо, с веселым хохотом, были, помню, очень забавны. Запомнился мне особенно один случай. Шпион настойчиво преследовал Владимира Ильича, который никак не хотел привести его на квартиру, куда отправлялся, а отделаться тоже никак не мог. Выслеживая этого нежеланного спутника, Ильич обнаружил его в глубоких воротах питерского дома. Тогда, быстро миновав ворота, он вбежал в подъезд того же дома и наблюдал оттуда с удовольствием, как заметался выскочивший из своей засады и потерявший его преследователь.

«Я уселся, — передавал он, — на кресло швейцара, откуда меня не было видно, а через стекло я мог все наблюдать, и потешался, глядя на его затруднительное положение; а какой-то спускавшийся с лестницы человек с удивлением посмотрел на сидящего в кресле швейцара и покатывавшегося со смеха субъекта».

Но если при ловкости и удавалось уходить иногда от преследований, то все же полиция, дворники (которые были тогда домовою полицией) и стаи шпионов были сильнее. И они выследили наконец Владимира Ильича и его товарищей, которым приходилось маленькой кучкой исполнять множество различных неразрешенных дел: встречаться на конспиративных собраниях, куда очень

мудрено было не привести никому шпика, посещать рабочие квартиры, которые были приметны и за которыми следили, добывать и передавать нелегальную литературу, писать, перепечатывать и раздавать листки и т. п. Разделения труда было мало, ибо и работников было мало, и каждый поэтому быстро привлекал внимание полиции. А затем, кроме уличных ищеек, были еще провокаторы, втиравшиеся под видом «своих» в кружки; таков был в то время зубной врач Михайлов, входивший хотя не в тот кружок, где работал Владимир Ильич, но имевший сведения и о других кружках. Насаждались такие провокаторы и в рабочих кружках, а кроме того, тогдашние рабочие были наивны и легко попадались на удочку. При нелегальной работе люди «жили» в то время недолго: лишь с осени 1895 года стала она развертываться, а 9 декабря Владимир Ильич и большая часть его товарищей были «изъяты».

И вот, первый период деятельности Владимира Ильича закончился дверями тюрьмы. Но за эти 2½ года был пройден большой этап как им лично, так и нашим социал-демократическим движением. Владимир Ильич за эти годы провел решающие бои с народниками, он выявил вполне определенно свою революционную марксистскую сущность, отмежевавшись от разных уклонений, он завязал связь с заграничной группой основоположников марксизма. Но что еще важнее, он начал практическую работу, он завязал связь с рабочими, он выступил в качестве вождя и организатора партии в те годы, когда считалась еще сомнительной возможность зарождения ее в условиях тогдашней России. И хотя создалась она (I съезд партии¹) уже без него, когда он был в ссылке, но создалась под его давлением, и после того как им была заложена первая политическая организация социал-демократии в Петербурге, был намечен первый политический орган, были проведены первые крупные — на весь Питер и на Москву — стачки.

¹ I съезд РСДРП состоялся 1—3 (13—15) марта 1898 года в Минске.

VI. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ

АРЕСТ*

Владимир Ильич был арестован 9 декабря ст. ст. 1895 года. Месяца за полтора до этого я с матерью были у него в Петербурге. Он жил тогда в Б. Казачьем пер. — вблизи Сенного рынка — и числился помощником присяжного поверенного. Несколько раз брат и выступал, но, кажется, только по уголовным делам, по назначению суда, т. е. бесплатно, причем облакался во фрак покойного отца. В это время круг его знакомых был уже довольно широк; он много бегал и суетился. У него на квартире я познакомилась с Василием Андреевичем Шелгуновым, тогда еще зрячим...

Владимир Ильич предупреждал меня тогда о возможном аресте, о том, чтобы не пускать мать для хлопот о нем в Питер.

Он знал, как и все мы, что тяжелое для всех матерей хождение по мытарствам при аресте сына для нее

еще во много раз тяжелее, так как заставит ее вновь переживать все, что она перечувствовала в питерской охранке и департаменте полиции при хлопотах о брате Александре Ильиче. По этой причине я приезжала после ареста Владимира Ильича в Питер одна, а потом с лета 1896 года жила вместе с матерью и ходила большей частью сама, иногда с ее прошениями, в эти присутственные места, связанные для нее с такими тяжелыми воспоминаниями.

И действительно, около половины декабря мы получили сообщение о его аресте (от Чеботаревых, у которых он столовался)...

Владимир Ильич был арестован измученным нервной сутолокой работы последнего времени и не совсем здоровым. Известная «охранная» карточка 1895 года дает представление о его состоянии.

После первого допроса он послал к нам в Москву Надежду Константиновну Крупскую с поручением. В шифрованном письме он просил ее срочно предупредить нас, что на вопрос, где чемодан, привезенный им из-за границы, он сказал, что оставил его у нас, в Москве.

«Пусть купят похожий, покажут на мой... Скорее, а то арестуют». Так звучало его сообщение, которое я хорошо запомнила, так как пришлось с различными предосторожностями покупать и привозить домой чемодан, относительно внешнего вида которого Надежда Константиновна сказала нечто очень неопределенное и который оказался, конечно, совсем непохожим на привезенный из-за границы, с двойным дном. Чтобы чемодан не выглядел прямо с иголки, новеньким, я взяла его с собой в Петербург, когда поехала с целью навестить брата и узнать о его деле...

Этот чемодан очень беспокоил всех товарищей в первое время после ареста: хотя Ильича и пропустили с ним, но вопрос о нем при аресте или тотчас после него показывал, что внимание на себя чемодан обратил, что, пропустив его на границе — может быть, намеренно, с

целью пожать большие плоды, — они потеряли его, очевидно, в Петербурге и разыскивали следы его. Владимир Ильич рассказывал, что на границе чемодан не только повернули вверх дном, но еще и прищелкнули по дну, вследствие чего он решил, что наличие второго дна установлено и он влетел...

В первое время в Петербурге во всех переговорах с товарищами, в обмене шифром с братом и в личных беседах с ним на свиданиях чемодан этот играл такую большую роль, что я отворачивалась на улицах от окон магазинов, где был выставлен этот настолько осатаневший мне предмет: видеть его не могла спокойно. Но хотя на него и намекали на первом допросе, концов с ним найдено не было, и обвинение это, как часто бывало, потонуло в других, относительно которых нашлись более неопровержимые улики.

Так, доказано было сообщество и сношение с целым рядом арестованных одновременно с ним лиц, и у одного из них, Ванеева, был взят рукописный номер нелегальной «Рабочей газеты»; была доказана связь с рабочими в кружках, с которыми — за Невской заставой — Владимир Ильич занимался. Одним словом, доказательств для того, чтобы начать жандармское расследование, было вполне достаточно.

БЕСПОКОЙСТВО О ТОВАРИЩАХ*

Вторым приехавшим к нам в Москву после ареста брата был Михаил Александрович Сильвин, уцелевший член его кружка; он рассказал о письме, полученном от Владимира Ильича из тюрьмы на имя той знакомой, у которой он столовался¹. В этом первом большом письме из тюрьмы Владимир Ильич развивал план той работы, которой хотел заняться там, — подготовлением материала для намечаемой им книги «Развитие капитализма в России».

¹ А. К. Чеботарева. См. письмо на с. 293 — 295.

Серьезный тон длинного письма с приложенным к нему длиннейшим списком научных книг, статистических сборников искусно замаскировал тайные его цели, и письмо дошло беспрепятственно, без всяких помарок. А между тем Владимир Ильич в письме этом ни больше ни меньше, как запросил товарищей о том, кто арестован с ним; запросил без всякого предварительного уговора, но так, что товарищи поняли и ответили ему тотчас же, а бдительные аргусы ничего не заподозрили.

«В первом же письме Владимир Ильич запросил нас об арестованных,— сказал мне с восхищением Сильвин,— и мы ответили ему».

К сожалению, уцелела только первая часть письма, приложенного к ней списка книг нет: очевидно, он застрял и затерялся в процессе розыска их. Бóльшая часть перечисленных книг была действительно нужна Владимиру Ильичу для его работы, так что письмо метило в двух зайцев и, в противовес известной поговорке, попало в обоих. Я могу только восстановить по памяти некоторые из тех заглавий, которыми Владимир Ильич, искусно вплетая их в свой список, запросил об участии товарищей. Эти заглавия сопровождались вопросительным знаком, которым автор обозначал якобы неточность цитируемого на память названия книги и который в действительности отмечал, что в данном случае он не книгу просит, а запрашивает. Запрашивал он, пользуясь кличками товарищей. Некоторые из них очень подходили к характеру нужных ему книг, и запрос не мог обратить внимания. Так, о Василии Васильевиче Старкове он запросил: «В. В. Судьбы капитализма в России». Старков звался «Вева». О нижегородцах — Ванееве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский, запрос должен уже был остановить более внимательного контролера писем заключенных, так как книга не относилась к теме предполагавшейся работы, — это был Костомаров «Герои смутного времени». Но все же это была научная, историческая книга, и, понятно, требовать, чтобы просматри-

вающие кипы писем досмотрели такое несоответствие, значило бы требовать от них слишком большой дозы пронизательности. Однако же не все клички укладывались так сравнительно удобно в рамки заглавий научных книг, и одной из следующих, перемеженных, конечно, рядом действительно нужных для работы книг была книга Брема «О мелких грызунах». Здесь вопросительный знак запрашивал с несомненностью для товарищей об участии Кржижановского, носившего кличку Суслик. Точно так же по-английски написанное заглавие: Mayne Rid «The Mynoga» — обозначало Надежду Константиновну Крупскую, окрещенную псевдонимом «рыба» или «минога». Эти наименования могли как будто остановить внимание цензоров, но серьезный тон письма, уйма перечисленных книг, а кроме того, предусмотрительная фраза, стоящая где-то во втором (потерянном) листке: «Разнообразие книг должно служить коррективом к однообразию обстановки», усыпили их бдительность.

К сожалению, в памяти моей сохранились лишь эти несколько заглавий, по поводу которых мы когда-то немало хохотали. Еще я вспоминаю только «Goutchoul» или «Goutchioule», намеренно сложным французским правописанием написанная фамилия фантастического автора какой-то исторической книги (названия ее уже не помню). Это должно было обозначить Гуцул, т. е. Запорожец. Помню еще, что по поводу «Героев смутного времени» Сильвин рассказывал, что они ответили: «В библиотеке имеется лишь I т. сочинения», т. е. арестован лишь Ванеев, а не Сильвин.

Мои стремления дополнить этот список привели только к одному результату: к подтверждению указанного мною Михаилом Александровичем Сильвиным, от которого впервые я услышала об этой хитрости брата, и Надеждой Константиновной Крупской, которая получала письма брата. Ничего больше вспомнить они не могли. Но и перечисленные мною «книжки» дают достаточное представление о том, каким образом Владимир Ильич перехитрил

Надежда Константиновна Крупская. 1895 г. Петербург.

жандармов и дал товарищам идею о способе передачи. В ответном письме, переписанном рукою А. К. Чеботаревой и отправленном от ее имени, они сообщили со своей стороны о ком-то тем же способом...

СВИДАНИЯ С РОДНЫМИ*

Владимир Ильич был посажен в Дом предварительного заключения, коротко называвшийся «предварилкой». То была полоса довольно благоприятных условий сидения. Свидания разрешались обычно через месяц после ареста и по два раза в неделю: одно личное, другое общее, за решеткой. Первое в присутствии надзирателя продолжалось полчаса; второе — целый час. При этом надзиратели ходили взад и вперед — один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой — за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял в эти дни, и общего утомления, который он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их, можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем. Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги — два раза. При этом книги просматривались не жандармами, а чиновниками прокурора суда, помещавшегося в доме рядом, и просмотр этот, при массе приносимых книг, был, вероятно, в большинстве случаев простой формальностью. Книги разрешались к пропуску довольно широко, без больших изъятий; разрешались даже ежемесячные журналы, а потом и еженедельные. Таким образом, отрыва от жизни — одной из самых тяжелых сторон одиночного заключения — не было. Была довольно богата и библиотека «предварилки», составившаяся из разных пожертвований, так что многие товарищи, особенно из рабочих, серьезно пополняли в ней свое образование.

Я приехала в Петербург в первой половине января

1896 года, пробыла приблизительно с месяц, получила несколько свиданий с братом, доставила ему большое количество книг (тогда выдавалось без ограничений), выполнила, кроме того, некоторую дозу поручений, которых у Ильича и вообще всегда бывало много, а в тюрьме, понятно, тем больше, подыскала ему «невесту» на время моего отсутствия и уехала. Относительно «невесты» для свиданий и передач помню, что на роль таковой предлагала себя Надежда Константиновна Крупская, но брат категорически восстал против этого, сообщив мне, что «против нейтральной невесты ничего не имеет, но что Надежде Константиновне и другим знакомым показывать на себя не следует».

Через месяц приблизительно я снова приезжала на некоторое время в Питер, а с мая мы вместе с матерью и сестрою Марией Ильиничной приехали туда, с тем чтобы поселиться на даче поблизости, навещать брата и заботиться о нем. Для меня выезд из Москвы на это лето диктовался еще отношением ко мне московской полиции и жандармерии, предложившей мне выехать перед коронацией Николая II из Москвы.

Мы разделили свидания. Мать с сестрой отправлялись на личные, по понедельникам, — в те времена на них давалось по $1\frac{1}{2}$ часа, — а я по четвергам, на свидания за решеткой, которые мы с братом предпочитали, во-первых, потому, что они были более продолжительны — минимум час (помню одно свидание, длившееся $1\frac{1}{2}$ часа), — а главным образом потому, что на них можно было сказать гораздо больше: надзиратель полагался один на ряд клеток, и говорить можно было свободнее. Мы пользовались с братом псевдонимами, о которых уславливались в зашифрованных письмах, — так, помню, что злополучный чемодан фигурировал у нас под наименованием «лампа». Пользовались, конечно, всюю иностранными словами, которые вплетали в русскую речь. Так, стачка у нас именовалась по-английски: «страйк»; стачечники — «гревисты», с французского, и т. д.

Владимир Ильич, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы — «Развитие капитализма в России». Он посылал в письмах длинные перечни научных книг, статистических сборников, которые доставались ему из Академии наук, университетской и других библиотек. Я с матерью жила большую часть тюремного заключения Владимира Ильича в Питере, и мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры. Позднее и с этой стороны условия стали более суровы: число книг, выдаваемых заключенному в камеру, было строго и скупно определено. Тогда же Ильич мог не спеша делать выписки из статистических сборников и, кроме того, иметь и другие — научные, беллетристические — книги на русском и иностранном языках.

Обилие передаваемых книг благопритствовало нашим сношениям посредством их. Владимир Ильич обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма.

Ну и перепортили мы с этой перепиской глаза не мало! Но она давала возможность снести, передать что-либо нужное, конспиративное и была поэтому неоцененна. При ней самые толстые стены и самый строгий начальнический надзор не могли помешать нашим переговорам. Но мы писали, конечно, не только о самом нужном. Я передавала ему известия с воли, то, что неудобно было, при всей маскировке, сказать на свидании. Он давал поручения такого же рода, просил передать что-либо товарищам, завязывал связи с ними, переписку по книгам из тюремной библиотеки; просил передать, к какой доске в клетке, в которую пускали гулять, при-

леплена черным хлебом записка для того или другого из них. Он очень заботился о товарищах: писал ободряющие письма тому, кто, как он слышал, нервничал; просил достать тех или иных книг; устроить свидание тем, кто не имел его. Эти заботы брали много времени у него и у нас. Его неистощимое, бодрое настроение и юмор поддерживали дух и у товарищей...

Свидания с ним были очень содержательны и интересны. Особенно много можно было поболтать на свиданиях за решеткой. Мы говорили намеками, впутывая иностранные названия для таких неудобных слов, как «стачка», «листовка». Наберешь, бывало, новостей и изощряешься, как передать их. А брат изощрялся, как передать свое, расспросить.

И как весело смеялись мы оба, когда удавалось сообщить или понять что-либо такое запутанное. Вообще наши свидания носили вид беспечной оживленной болтовни, а в действительности мысль была все время напряжена: надо было суметь передать, суметь понять, не забыть всех поручений.

Помню, раз мы чересчур увлеклись иностранными терминами, и надзиратель за спиной Владимира Ильича сказал строго:

— На иностранных языках говорить нельзя, только на русском.

— Нельзя, — сказал с живостью, обертываясь к нему, брат, — ну, так я по-русски говорить буду. Итак, скажи ты этому золотому человеку... — продолжал он разговор со мной.

Я со смехом кивнула головой: «золотой человек» должно было обозначать Гольдмана, т. е. не велели иностранных слов употреблять, так Володя немецкое по-русски перевел, чтобы нельзя было понять, кого он называет.

Одним словом, Владимир Ильич и в тюрьме проявлял свою всегдашнюю кипучую энергию. Он сумел устроить свою жизнь так, что весь день был наполнен. Главным образом, конечно, научной работой. Обширный материал для «Развития капитализма» был собран в тюрьме. Владимир Ильич спешил с этим. Раз, когда к концу сидения я сообщила ему, что дело, по слухам, скоро оканчивается, он воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать».

Но и этой большой работы было ему мало. Ему хотелось принимать участие в нелегальной, революционной жизни, которая забила тогда ключом. Этим летом (1896 года) происходили крупные стачки текстильщиков в Петербурге, перекинувшиеся затем в Москву, стачки, произведшие эпоху в революционном движении пролетариата. Известно, какой переполох создали эти стачки в правительственных кругах, как царь боялся вследствие них вернуться в Питер с юга. В городе все кипело и бурлило. Было чрезвычайно бодрое и подъемное настроение. Год коронации Николая II с его знаменитой Ходынк¹ отмечен первым пробным выступлением рабочих двух главных центров, как бы первым, зловещим для царизма маршем рабочих ног, еще не политическим, правда, но уже тесно сплоченным и массовым. Более молодым товарищам трудно оценить и представить себе все это теперь, но для нас, после тяжелого гнета 80-х годов, при кротообразном существовании и разговорах по каморкам, стачка эта была громадным событием. Перед нами как бы «распахнулись затворы темницы глухой в даль и блеск лучезарного дня», как бы выступил сквозь дымку грядущего облик того рабочего движения, которым могла

¹ Имеется в виду катастрофа 18 мая 1896 года на Ходынском поле (Москва) во время массового гулянья по случаю коронации Николая II, когда из-за преступной халатности властей, не обеспечивших порядка, произошла давка, в которой погибло около 2 тысяч человек, несколько десятков тысяч людей получили увечья.

и должна была победить революция. И социал-демократия из книжной теории, из далекой утопии каких-то марксистов-буквоедов приобрела плоть и кровь, выступила как жизненная сила и для пролетариата и для других слоев общества. Какое-то окно открылось в душном и спертom каземате российского самодержавия, и все мы с жадностью вдыхали свежий воздух и чувствовали себя бодрыми и энергичными, как никогда.

С одной стороны, это настроение воли должно было, вероятно, вызывать во Владимире Ильиче и его товарищах более страстное стремление выйти на простор из тюрьмы; а с другой, бодрое настроение за стенами при общении с ним, которому тогдашние — очень льготные как сравнительно с предыдущим, так и с последующим периодом — условия заключения давали широкую возможность, поддерживало, несомненно, бодрость в заключенных. Известно ведь, что никогда тюрьма не переносится так тягостно, как в годы затишья и реакции: естественная в тюрьме склонность преувеличивать мрачные стороны питается общей атмосферой.

КОНСПИРАТИВНАЯ ПЕРЕПИСКА*

...Я приносила книги два раза в неделю — по средам и субботам. В каждой пачке книг была одна с шифрованным письмом — точками или штрихами карандашом в буквах. Таким образом мы переписывались во все время заключения брата. Получив кипу книг, он прежде всего искал ту из них, где по условленному значку было письмо. Доставка книг от прокурора происходила без всякой задержки — на другой же день они обычно передавались заключенным. Помню несколько случаев, когда я, торопясь передать какие-нибудь сведения или запросить о чем-нибудь Ильича, приносила ему книги в среду к вечеру и получала от него шифрованный ответ в сда-

ваемой мне книге на следующий день, в четверг, от тюремных надзирателей.

Обмен таким образом происходил идеально быстро. А в тот же четверг на свидании за решеткой брат уточнял мне кое-что в письме. Таким образом, передача Владимиру Ильичу о событиях на воле была очень полная; у меня была тесная связь с оставшимися на воле членами «Союза борьбы», и я специально видалась с ними перед свиданием, чтобы получать из первых рук — от Надежды Константиновны, Якубовой, Сильвина и др. — сведения о ходе работы и забастовки, которые, кроме того, и из более широких источников слышала...

Говоря о впечатлениях прочитанной им книги (с шифрованным письмом), Ильич беседовал об этом письме. Кроме событий на воле, я должна была осведомлять его о товарищах, сидевших с ним, передавать вести от них и обратно. Для этого надо было всегда прийти раньше в наш «клуб» — комнату в «предварилке», где приходящие к заключенным ожидали вызова на свидание и приема передачи, чтобы от них забрать известия и им передать...

Но хотя... день Ильича и без того был занят, — кроме книг, необходимых для его работы, ему переправлялись все вновь выходящие, в том числе все ежемесячные, журналы... он не мог удовлетвориться этим, не мог оставить вне поля своего зрения нелегальную работу. И вот Ильич стал писать, кроме того, нелегальные вещи и нашел способ передавать их на волю. Это, пожалуй, самые интересные страницы из его тюремной жизни. В письмах с воли ему сообщали о выходящих листках и других подпольных изданиях; выражались сожаления, что листки не могут быть написаны им, и ему самому хотелось писать их. Конечно, никаких химических реактивов в тюрьме получить было нельзя. Но Владимир Ильич вспомнил, как рассказывал мне, одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе. Молоко он получал в тюрьме ежедневно. И вот он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и,

*Дмитрий Ильич, Мария Ильинична и Марк Тимофеевич Елизаров.
1896 г. Москва.*

налив в них несколько капель молока, писать им меж строк жертвующей для этой книги. Владимиру Ильичу посылались специально беллетристика, которую не жаль было бы рвать для этой цели, а кроме того, мы утилизировали для этих писем страницы объявлений, приложенных к номерам журналов. Таким образом, шифрованные письма точками были заменены этим, более скорым способом. В письме точками Ильич сообщил, что на такой-то странице имеется химическое письмо, которое надо прогреть на лампе.

Вследствие трудности прогревания в тюрьме, этим способом пользовались больше мы, чем он. Надежда Константиновна указывает, впрочем, что можно было прояв-

лять письма опусканием в горячий чай и что таким образом они переписывались молоком или лимоном, когда сидели (с осени 1896 года) одновременно в «предварилке».

Вообще Ильич, всегда стремившийся к уточнению всякой работы, к экономии сил, ввел особый значок, определявший страницу шифрованного письма, чтобы не рыться и не разыскивать его в книгах. Первое время надо было искать этот значок на стр. 7. Это был тоненький карандашный штрих, и перемножение числа строк с числом букв на последней строке, где он находился, давало страницу: так, если была отмечена 7-я буква 7-й строки, мы раскрывали 49-ю страницу, с которой и начиналось письмо. Таким образом легко было и мне, и Владимиру Ильичу в полученной, иногда солидных размеров, стопке книг отыскать быстро ту, в которой было письмо, и страницу письма. Этот способ обозначения — страницы время от времени менялись — сохранялся у нас постоянно, и еще в последних перед революцией письмах, написанных по большей части рукой Надежды Константиновны, в 1915 и 1916 годах, я определяла по этому условному значку местонахождение письма в книге.

...Характерно для кипучей энергии брата, а пожалуй, и для того, что за стенами тюрьмы он не представлял себе вполне ясно условия хлопот и беготни на воле, что как-то на свидании он сказал мне: «Что ж ты, собственно, делаешь здесь, в Петербурге?» Мне оставалось лишь руками развести: хождение по «мытарствам», беготня по поручениям, разъезды по конкам для свидания с людьми, шифровка, переписка химических писем — дела было больше чем по горло.

«СОЮЗ БОРЬБЫ»*

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», как был назван уже после ареста Владимира Ильича основанный им союз, становился все более и более популярным.

Предприятия одно за другим обращались к нему с просьбой выпустить и для них листовки. Посылались и жалобы: «Почему нас союз забыл?» Требовались и листовки общего характера, прежде всего первомайские. Товарищи на воле жалели, что их не может писать Владимир Ильич. И ему самому хотелось писать их. Кроме того, у него уже были намечены темы для брошюр, как «О стачках».

Он был занят вопросом программы. И вот он стал пробовать писать в тюрьме и нелегальные вещи. Передавать их шифром было, конечно, невозможно. Надо было применить способ незаметного, проявляемого уже на воле письма. И, вспомнив одну детскую игру, Владимир Ильич стал писать молоком между строк книги, что должно было проявлять нагреванием на лампе. Он изготовлял себе для этого крошечные чернильницы из черного хлеба, с тем чтобы можно было проглотить их, если послышится шорох у двери, подглядывание в волчок. И он рассказывал смеясь, что один день ему так не повезло, что пришлось проглотить целых шесть чернильниц.

Помню, что Ильич в те годы и перед тюрьмой и после нее любил говорить: «Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить». И в тюрьме он со свойственной ему находчивостью упражнялся в этом. Он писал из тюрьмы листовки, написал брошюру «О стачках», которая была забрана при аресте Лахтинской типографии (ее проявляла и переписывала Надежда Константиновна). Затем написал программу партии и довольно подробную «объяснительную записку» к ней, которую переписывала частью я после ареста Надежды Константиновны. Программа эта тоже не увидела света: она была передана мною по окончании А. Н. Потресову и после ареста его была уничтожена кем-то, кому он отдал ее на хранение¹. Кроме работы, ко мне по наследству от Надежды Кон-

¹ Эта объяснительная записка была также забрана еще в рукописи и долгое время считалась погибшей. Уже после смерти Владимира Ильича был найден один неполный экземпляр ее, напечатанный в ленинском 3-м (26-м) номере «Пролетарской революции», 1924 года. А. Е.

стантиновны перешло конспиративное хранилище нелегальщины — маленький круглый столик, который, по мысли Ильича, был устроен ему одним товарищем-столяром. Нижняя точеная пуговка несколько более, чем обычно, толстой единственной ножки стола отвинчивалась, и в выдолбленное углубление можно было вложить порядочный сверток. Туда к ночи запрытывала я переписанную часть работы, а подлинник — прогретые на лампе странички — тщательно уничтожала. Столик этот оказал немаловажные услуги: на обысках как у Владимира Ильича, так и у Надежды Константиновны он не был открыт; переписанная последнюю часть программы уцелела и была передана мне вместе со столиком матерью Надежды Константиновны. Вид его не внушал подозрений, и только позднее, после частого отвертывания пуговки, нарезки стерлись, и она стала отставать.

Сначала Владимир Ильич тщательно уничтожал черновики листовок и других нелегальных сочинений после переписки их молоком, а затем, пользуясь репутацией научно работающего человека, стал оставлять их в листах статистических и иных выписок, нанизанных его бисерным почерком. Да такую, например, вещь, как подробную объяснительную записку к программе, и нельзя было бы уничтожить в черновом виде: в один день ее нельзя было переписать; и потом Ильич, обдумывая ее, вносил постоянно исправления и дополнения. И вот, раз на свидании он рассказывал мне со свойственным ему юмором, как на очередном обыске в его камере жандармский офицер, перелистав немного изрядную кучу сложенных в углу книг, таблиц и выписок, отделался шуткой: «Слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься». Брат говорил мне тогда, что он особенно и не беспокоился: «Не найти бы в такой куче», а потом добавил с хохотом: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи, — меня взять не могут». Он-то смеялся, но я, конечно, беспокоилась, просила его быть осторожнее и указывала, что если взять его не могут, то наказание,

конечно, сильно увеличат, если он попадется; что могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме.

И поэтому я всегда с тревогой ждала возвращения от него книги с химическим посланием. С особенной нервно-стью дожидалась я возвращения одной книги: помнится, с объяснительной запиской к программе, которая, я знала, вся сплошь была исписана между строк молоком. Я боялась, чтобы при осмотре ее тюремной администрацией не обнаружилось что-нибудь подозрительное, чтобы при долгой задержке буквы не выступили — как бывало иногда, если консистенция молока была слишком густа, — самостоятельно. И, как нарочно, в срок книги мне не были выданы. Все остальные родственники заключенных получили в четверг книги, сданные в тот же день, а мне надзиратель сказал кратко: «Вам нет», в то время как на свидании, с которого я только что вышла, брат заявил, что вернул книги. Эта в первый раз случившаяся задержка заставила меня предположить, что Ильич попался; особенно мрачной показалась и всегда мрачная физиономия надзирателя, выдававшего книги. Конечно, настаивать было нельзя, и я провела мучительные сутки до следующего дня, когда книги, в их числе книга с программой, были вручены мне.

Бывало, что и брат бил тревогу задаром. Зимой 1896 года, после каких-то арестов (чуть ли не после ареста Потресова), я запоздала случайно на свидание, пришла к последней смене, чего обычно не делала; Владимир Ильич решил, что я арестована, и уничтожил какой-то подготовленный им черновик.

Но подобные волнения бывали лишь изредка, по таким исключительным поводам, как новые аресты; вообще же Ильич был поразительно ровен, выдержан и весел на свиданиях и своим заразительным смехом разгонял наше беспокойство.

ПРИГОВОР*

Все мы — родственники заключенных — не знали, какого приговора ждать. По сравнению с народовольцами социал-демократов наказывали довольно легко. Но последним питерским инцидентом было дело М. И. Бруснева, которое кончилось сурово: 3 года одиночки и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь — так гласил приговор главе дела.

Мы очень боялись долгого тюремного сидения, которого не вынесли бы многие, которое во всяком случае сильно подорвало бы здоровье брата. Уже и так к году сидения Запорожец заболел сильным нервным расстройством, оказавшимся затем неизлечимой душевной болезнью; Ванеев худел и кашлял (умер в ссылке, через год после освобождения, от туберкулеза); Кржижановский и остальные тоже более или менее нервничали.

Поэтому приговор к ссылке на три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением.

Он был объявлен в феврале 1897 года. В результате хлопот матери Владимиру Ильичу разрешено было поехать в Сибирь на свой счет, а не по этапу. Это было существенным облегчением, так как кочевка по промежуточным тюрьмам брала много сил и нервов.

...Помню, как я успокаивала мать тем, что три года — срок не долгий, что физическое здоровье брата поправится в хорошем климате Минусинского уезда, а также и тем, что к нему поедет, наверное, по окончании дела Надежда Константиновна (тогда видно уже было, к чему шло дело) и он будет не один.

Назначение Владимиру Ильичу Минусинского уезда произошло вследствие прошения о том матери в департамент полиции, так же как и разрешение ехать на свой счет. Ко дню его освобождения мы занимали с матерью комнату на Сергиевской, кажется, № 15...

Помню, как в день освобождения брата в нашу с ма-

терью комнату прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, т. Якубова.

И очень ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империал конки и кивнул мне оттуда головой.

Он мог разъезжать в конке по питерским улицам, мог повидаться с товарищами, потому что всем освобожденным «декабристам» разрешено было пробить до отправки три дня в Петербурге, в семьях. Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю. О. Цедербаума (Мартова), через какое-то знакомство с директором департамента полиции Зволянским; а затем, раз прецедент создан, глава полиции не счел возможным отказывать другим. В результате все повидались, снялись группой (известный снимок), устроили два вечерних, долго затянувшихся собрания: первое — у Радченко Степана Ивановича и второе — у Цедербаума. Говорили, что полиция спохватилась уже после времени, что дала маху, пустив гулять по Питеру этих социал-демократов, что совсем не такой мирный они народ; рассказывали также, что Зволянскому был нагоняй за это. Как бы то ни было, после этого случая таких льгот «скопом» уже не давалось; если и оставались иногда до высылки, то или люди заведомо больные, или по особой уже протекции. Собрания были встречами «старых» и «молодых». Велись дебаты о тактике. Особенно таким чисто политическим собранием было первое — у Радченко. Второе — у Цедербаума — было более нервное и сутолочное...

На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли»¹: спорил Ильич, которого поддерживали все «старики», с Якубовой. Последняя очень разволновалась: слезы выступили у нее на глазах. И тягостно было ей, видимо, спорить с Ильичем, которого она так ценила,

¹ «Рабочая мысль» — газета «экономистов», издавалась в Петербурге, Берлине, Варшаве в 1897—1902 годах.

выходу которого так радовалась, и мнение свое не могла не отстаивать. Оно клонилось к тому, что газета должна быть подлинно рабочей, ими составляться, их мысли выражать; она радовалась пробуждающейся инициативе рабочих, массовому характеру ее. Ильич указывал на опасность «экономизма», который он предвидел раньше других. Спор вылился в поединок между двумя. Мне было жаль Якубову; я знала, как беззаветно предана она революции, с какой трогательной заботливостью относилась лично к брату за время заключения, и мне казалось, что брат преувеличивает опасность уклона «молодых». Очень тягостно повлиял спор — «разногласия тотчас после освобождения» — на Запорожца, тогда уже больного.

На третий день мы все трое уехали в Москву. Не помню уже, было на этот счет дополнительное напоминание со стороны «начальства» или мы сами сочли более разумнее не откладывать отъезда. Помню только, что в эти дни мне приходилось бегать в департамент полиции и брать отсрочки со дня на день и для себя лично, потому что я получила уведомление, что лица, бывшие под гласным надзором, не имеют права, впредь до особого разрешения, проживать в столицах. Это было уже толкование в применении к случаю, потому что существовавшее до того постановление гласило: «Лица, бывшие под гласным надзором, не имеют права въезда в столицы в течение года после окончания его». Мой гласный надзор по делу 1 марта 1887 года окончился в 1892 году, и через год, с 1893 года, я переехала в Москву; да и в Питере жила во время сиденья брата с перерывами целый год, а тут вдруг — очевидно, в связи с делом брата и моими личными знакомствами в Питере и Москве — спохватились...

Владимиру Ильичу было разрешено провести три дня и в Москве, в семье. Повидавшись с товарищами, он решил было заарестоваться в Москве и ехать дальше с ними вместе. Тогда была только что окончена магистраль до Красноярска, и этап представлялся уже не таким тягостным, как раньше: только две тюрьмы — в Москве

Владимир Ильич среди руководящих деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1897 г. Петербург.

и Красноярске. И Владимиру Ильичу не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение Володе ехать на свой счет было самым большим утешением. После того как ей доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того как ей передавали слова кого-то из старых ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму.

Но дело обошлось. «Декабристы», заарестованные в Питере, не прибыли еще к окончанию трех льготных дней в Москву, а между тем засуетившаяся московская охранка поставила вызванного к себе Владимира Ильича перед ультиматумом: или получение проходного свидетельства

на завтра или немедленное заарестовывание. Перспектива идти в тюрьму тотчас же, даже не простившись с домашними, и ждать там неопределенное время приезда «своих», — эта конкретная русская действительность, да еще в ее менее причесанной, чем в Питере, в ее московской форме, в этом отпечатке «вотчины» князя Сергея, навалилась на него, на его стремление идти вместе с товарищами. Естественный протест здравого ума против такой бесплодной растраты сил для того, чтобы не отличаться от товарищей, всегда присущее ему сознание необходимости беречь силы для действительной борьбы, а не для проявления рыцарских чувств одержало верх, и Ильич решил выехать на следующий день. Мы четверо — мать, сестра Мария Ильинична и я с мужем, Марком Тимофеевичем, поехали провожать его до Тулы.

Ильич уехал с обещанием писать, и он выполнил это обещание. За все три года его ссылки у нас была наиболее обстоятельная, наиболее регулярная переписка с ним...

Владимир Ильич пошел в ссылку вождем, признанным многими. Первый съезд партии 1898 года наметил его редактором партийного органа и ему поручил написать программу партии. И наше социал-демократическое движение сделало за эти годы первый, а потому и самый трудный шаг к партийности, широкой массовой борьбе. Почти все руководители были арестованы, участники I съезда были сметены почти целиком, но основы были заложены. Первый, начальный этап движения был пройден.

VII. ССЫЛКА

Ссылка протекла для Владимира Ильича также в сравнительно благоприятных условиях. По ходатайству матери ему было разрешено, вследствие слабости здоровья, отбывать ее в самой здоровой местности Сибири, в Минусинском уезде. Пунктом ссылки было назначено ему село Шушенское, или, как оно называлось тогда кратко, Шуша.

НАПРЯЖЕННАЯ РАБОТА*

Время Владимира Ильича проходило очень однообразно, за усиленной и напряженной работой. Он за время ссылки написал «Развитие капитализма» (вышла в марте 1899 года) и ряд статей, помещавшихся частью в тогдашнем легальном марксистском журнале «Новое слово» и

собранных затем в одну книжечку под заглавием «Экономические этюды и статьи».

Приучивши себя работать регулярно, он не допускал больших перерывов в занятиях даже тогда, когда они обычно считаются неизбежными, например в дороге или в неопределенном, выжидательном положении. Так, он не только в течение того месяца, который провел в Красноярске в ожидании назначения, отправлялся ежедневно заниматься в библиотеку купца Юдина, версты за три от города, но даже те три дня, на которые ему разрешено было остановиться в родной семье, в Москве, ухитрился использовать частично для занятий в Румянцевской библиотеке¹. Этим он поверг в полное недоумение одного молодого студента, Яковлева, с детства знакомого с нашей семьей, который забежал повидать его перед отъездом в трехлетнюю ссылку. Отдыхом служили для него прогулки по окрестным лесам, охота за зайцами и дичью, которыми они в те годы изобиловали.

В одном из своих писем из ссылки Владимир Ильич описывает то село, «Шу-шу-шу» — как он его шутливо называет, — в которое он был назначен.

«Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1—1¹/₂ от села (точнее, от меня: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подхода нет.купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1¹/₂ — «бор», как тор-

¹ Телерь — Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина.

жественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырубленный лешишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слышал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30—40 верст). Горы... насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения¹ содержит в себе некую поэтическую гиперболу (есть ведь такая фигура у поэтов!) насчет «подножия»... Поэтому на твой вопрос: «на какие я горы взбирался» — могу ответить лишь: на песчаные холмики, которые есть в так называемом «бору» — вообще здесь песку достаточно».

Дешевизна в то время в Сибири была большая. Так, первый год ссылки Владимир Ильич за свое пособие, полагавшееся ссыльным, — 8 рублей в месяц — имел комнату и полное содержание в крестьянской семье.

Через год к нему приехала вместе с матерью его невеста — Надежда Константиновна Крупская; Владимир Ильич переселился в квартиру побольше и стал жить по-семейному. Надежде Константиновне была назначена местом ссылки Уфа, но была разрешена по ее просьбе замена селом Шушенским, куда назначен был Владимир Ильич. Вместе с Надеждой Константиновной переводил Владимир Ильич, в целях заработка, книгу супругов Вебб о тред-юнионизме, с английского.

Переписка с Ильичем шла у меня в те годы все время самая деятельная. В обыкновенных письмах он запрашивал книги, давал поручения, писал о своих литературных работах, о своей жизни, о товарищах; в химиче-

¹ В письме из Красноярска, где Владимир Ильич сообщал о состоявшемся для него назначении в село Шушенское, он писал шутя, что начал уже сочинять стихотворение, первая строка которого гласит: «В Шуше, у подножия Саяна». А. Е.

ских я ему писала о ходе революционной борьбы и работы в России, а он посылал свои статьи для отправки их в питерский «Союз борьбы» или за границу — группе «Освобождение труда» для издания. Так была переправлена им брошюра «Задачи социал-демократов в России», появившаяся за границей с предисловием П. Б. Аксельрода, и ответ на записку тогдашних «экономистов», составленную Кусковой и Прокоповичем и получившую название «Кредо». Вследствие этого ответ известен под именем «Антикредо». С большим жаром выступил в нем Владимир Ильич против этого самого откровенного в то время изложения тех взглядов, что рабочие должны довольствоваться экономической борьбой, предоставив политическую либералам. Изложение это было сделано, правда, не борющимся отрядом социал-демократов, но людьми, имевшими в то время авторитет среди молодежи. И кроме того, наиболее выпукло выраженные взгляды давали возможность подчеркнуть более решительно, к чему ведут уклоны в экономизм. Протест этот был зачитан при одной из упомянутых встреч социал-демократов, съехавшихся из разных сел, принят тогда же и отослан как «Ответ 17-ти социал-демократов», — заглавие, под которым он известен в партийной литературе.

ВСТРЕЧИ С ТОВАРИЩАМИ*

В противоположность большинству ссыльных, Владимир Ильич не рвался в более оживленный центр, не стремился к перемене места. На предложение матери хлопотать о его переводе в город (через год или полтора) он писал, что не стоит, что временные наезды в Минусинск или Красноярск, по его мнению, лучше, чем постоянная жизнь там. Очевидно, потому, что жизнь в тихом селе и на одном месте давала больше простора и удобств для занятий, ничто не отвлекало от них, как в более людных колониях, где, кроме того, вынужденное

безделье порождало те склоки, которые были самой тягостной стороной ссылки. По поводу одной такой склоки, вызвавшей самоубийство Н. Е. Федосеева в Верхоленске, Владимир Ильич писал мне: «Нет, не желай мне лучше товарищей из интеллигентов: эти склочные истории — самое худшее в ссылке».

Но иногда Владимир Ильич охотно ездил повидаться с товарищами в другое село, верст за 50, за 100, или встречался с ними в Шуше. Такие поездки разрешались тогда для встречи Нового года, празднования свадьбы или именин. При этих съездах на 3—4 дня время проводилось, как писал Ильич, «очень весело»: гуляли, отправлялись на дальние охоты и на купанье летом; катались на коньках и играли в шахматы зимою. Беседовали на разные темы, читали отдельные главы из книги Владимира Ильича или обсуждали различные новые направления в литературе или политике. Так, для осуждения упомянутого «Кредо» товарищи съехались под предлогом празднования рождения дочери Лепешинского. Охотно также ездил Владимир Ильич два или три раза за время ссылки в Минусинск и Красноярск под предлогом лечения.

БЕСЕДЫ С МЕСТНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ*

Кроме компании ссыльных, в которой Владимир Ильич откровенно излагал свои взгляды, которым охотно помогал в смысле их развития, указания им литературы, он интересовался и жизнью местных крестьян, из которых некоторые помнят его и до сих пор и послали свои воспоминания о нем. Но с ними он был, понятно, сдержан в разговорах. Тогдашнее крестьянство и российское, не говоря уже о более отдаленном, сибирском, было политически совсем неразвито. Кроме того, в его положении ссыльного, поднадзорного, было бы не только нецелесообразно, но прямо дико вести пропаганду.

Но Владимир Ильич охотно разговаривал с крестьяна-

ми, что давало ему возможность изучать их, выяснять себе их мировоззрение; он давал им и советы во всем, что касалось их местных дел, главным образом юридические. За этими последними крестьяне стали приходить к нему и из округи, их накоплялось иногда довольно много. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях крестьяне, а также и Надежда Константиновна. И незаметно на почве этих разговоров, на почве бесед на охоте, Владимир Ильич почерпал и из этого пребывания в деревне, как раньше из пребывания в приволжских деревнях, то знание крестьянства, его психологии, которое сослужило ему такую большую службу как во время его революционной работы, так и позднее, у кормила правления.

Он умел во время беспритязательной болтовни развязывать языки своим собеседникам, и они выкладывали ему себя как на ладонке.

Таким образом, из ссылки Владимир Ильич поехал не только революционером, имевшим опыт и определенно выкристаллизовавшуюся индивидуальность, которая была уже авторитетом в подполье; не только человеком, выпустившим научный труд, но и укрепившим, в результате трехлетней жизни в самой деревенской гуще, свое знание крестьянства — этого основного слоя населения России.

На этом заканчивается первая часть биографии Владимира Ильича, до его возвращения из ссылки, до того времени, когда — в возрасте 30 лет — он взялся снова вплотную за революционную работу, но уже в несравненно более широком масштабе; за ту работу, которая сплотила революционный российский пролетариат и привела его к победе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЛЬИЧА ИЗ ССЫЛКИ И ИДЕЯ «ИСКРЫ»

Это было в феврале 1900 года. Мы все, а особенно покойная мать, ожидали этого месяца, как праздника: ведь оканчивался срок ссылки брата, Владимира Ильича, и он должен был вернуться из Сибири. Мы не видали его три года и, конечно, с нетерпением поджидали его возвращения. Срок оканчивался, собственно, в одно из последних чисел января, в день подписания распоряжения о высылке, но предстояла еще не близкая дорога, сперва на лошадях из села Шушенского через Минусинск в Красноярск, — верст 350; потом по железной дороге. А кроме того, не вполне было спокойно на сердце, подлинно ли окончилась ссылка, не вышло бы какой-нибудь зацепки. Ведь мы жили тогда под самодержавием, и это была административная ссылка, т. е. полный произвол власти. Какое-нибудь столкновение с начальством, какая-нибудь мелкая месть местного сатрапа, и срок ссылки мог быть продлен.

И хотя, главным образом, такая судьба постигала за какие-нибудь провинности в месте ссылки, но бывали случаи, что она диктовалась и соображениями из центра, например усилением революционного движения, при котором нежелательным считалось возвращать из глухих углов влиятельных революционеров.

Поэтому Владимир Ильич, хотя жил он скромно и явным образом, по крайней мере, запретов не преступал, был непокоен относительно своей участи и, чем ближе подходил срок, тем более нервничал.

«Выеду такого-то, если не надбавят срока», — писал он нам.

Это опасение не сбылось, Владимир Ильич мог выехать, как предполагал, и мы по письмам или телеграмме (теперь не помню) знали день и час его приезда и ждали его.

Меньший брат, Дмитрий Ильич, проживал тогда по первому своему делу поднадзорным в Подольске, Московской губернии. Он сел в сибирский поезд при остановке его в Подольске и приехал вместе с Владимиром Ильичем в Москву.

Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице. Увидав подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

— Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

— Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал.

Надежда Константиновна рассказывала потом, что нервность перед окончанием срока, неуверенность в том, что он подлинно настанет, съела почти всю поправку брата в Сибири...

В те годы людям, возвращающимся из ссылки, было исключено для жительства около 60 пунктов России: кроме столиц и университетских городов — те промыш-

Воскресный вечер... (The text of the newspaper is extremely dense and small, containing multiple columns of news and articles. It is not transcribed here due to its illegibility and length.)

Газета «Искра» № 1.

ленные пункты, которые были захвачены рабочим движением, а таковыми к 1900 году были более или менее все. Оставалось выбирать среди очень немногих городов. Владимир Ильич выбрал еще в Сибири Псков, как более близкий к Петербургу, и согласился относительно этого местожительства с Цедербаумом и Потресовым (сосланным в Вятскую губернию). С ними обоими предполагал он издавать общерусскую газету. Цедербаум проехал в Псков из Петербурга, где виделся с родными, а Потресов заезжал к нам в Москву, но уже после отъезда Владимира Ильича.

Я не помню, сколько дней пробыл у нас брат. За это время приезжал повидаться с ним из Екатеринослава его

старый самарский знакомый, И. Х. Лалаянц, который был в то время членом комитета социал-демократической партии и редакции газеты «Южный рабочий». Он пробыл у нас дня три. У него были с братом деловые разговоры.

Позднее Владимир Ильич рассказывал мне, что они касались главным образом созыва II съезда партии, который предполагался тогда еще в России. Повальные аресты на юге в апреле 1900 года — и Лалаянца в том числе — убедили окончательно Владимира Ильича в невозможности созывать съезд в России. Он говорил мне об этом в июне, перед отъездом за границу, когда развивал подробный план общерусской газеты, организация которой протягивала бы щупальца во все концы России, объединяя вокруг основных принципов все разбросанные по нашей необъятной стране комитеты и кружки.

«Если только подготовки к съезду вызывают такие провалы, — говорил он, — разрушают чуть не до корня организацию, ведут к аресту наиболее ценных работников, следовательно, в самодержавной России съезды являются непозволительной роскошью. Нужны другие способы объединения партии. И вот, таким способом может явиться общерусская газета, издаваемая за границей, вокруг которой, как вокруг лесов, поставленных на воздвигающемся здании, будет строиться партия».

Из этой идеи возникала «Искра» с ее эпитафией «Из искры возгорится пламя», и она выполнила, действительно, задачу объединения партии и разожгла пожар революции.

ТРЕТИЙ АРЕСТ ИЛЬИЧА. ПОЕЗДКА В УФУ И ОТЪЕЗД ЗА ГРАНИЦУ

Не успели мы порадоваться возвращению Ильича из Сибири — быстро умчался он, проведя несколько дней у нас, в Москве, в Псков, — как в мае вновь тревожная весть: арестован в Петербурге. Помню, как сильно поразила она нас, особенно, конечно, мать, которая была прямо-таки в отчаянии, несмотря на неоднократно проявленную твердость характера. Но мать была уже измучена арестами: за время ссылки Владимира Ильича был арестован меньшой брат, Дмитрий, студент V курса, и просидел 9 месяцев по нудному, никак не выходявшему у его творцов, делу. Фактов не было, из простого кружка самообразования ничего криминального не получалось, а его занятия с рабочими на заводе Гужона не были раскрыты. Брат плохо выносил московские условия сидения, и мать под конец совсем расхворалась. А незадолго до возвращения Владимира Ильича из ссылки была арестована сестра,

Мария Ильинична, уже вне всякого наиневиннейшего «сообщества», были прерваны ее занятия в Брюссельском университете, и она была выслана в Нижний. И мать ездила то в Тулу к Дмитрию, то в Нижний к Мане. Только удалось добиться возвращения последней домой и водворения Мити в Подольск, Московской губернии, куда мы собирались на летние месяцы, как новая беда, грозившая быть много худшей: Володя, уже показавший себя серьезным революционером, за родство с которым брали и меньших, оказался вновь арестованным в Петербурге, куда он не имел права являться, арестован уже с заграничным паспортом.

Значит, не попасть ему за границу! Ну, конечно, если даже у Мани отобрали заграничный паспорт и не позволили ехать учение продолжать, то его-то уж, конечно, не пустят.

А мы так желали для него заграницы, мы видели, что в России с его революционным темпераментом ему несдобровать. Да и это ли только?.. Опять какое-нибудь большое дело... Мы были в полном неведении, за что, при каких обстоятельствах он арестован, и не могли, конечно, принимать всерьез успокоительных строк его письма через жандармов. Помнится, что он сам таким письмом известил нас. Знали мы по горькому опыту, во что разрастаются эти две недели, месяц, которыми успокаивают обычно родных первое время после ареста. Но на этот раз дело вышло неожиданно совсем наоборот. Володя был через 2—3 недели освобожден и приехал к нам в Подольск и даже с заграничным паспортом в кармане. Оказалось, улик не было найдено: Владимир Ильич и Цедербаум, арестованные вместе, были признаны виновными лишь в неразрешенной поездке в Петербург.

Брат рассказывал нам, как все вышло. Они поехали вдвоем с корзиной литературы в Питер и доехали бы, может быть, благополучно, если бы не переконспирировали. А именно, они решили, для того чтобы замести следы, пересечь по пути на другую железнодорожную

линию, но упустили из виду, что пересели на дорогу, идущую через Царское Село, где жил царь, и слежка была поэтому много строже. В охранке над ними подтрунили за эту конспирацию. Но все же сразу их не арестовали. Корзину удалось сбить по приезде, и навесить кое-кого они успели, не приведя хвостов. На ночлег они устроились где-то в Казачьем переулке у Екатерины Васильевны Малченко, матери их товарища, инженера, сосланного по общему делу в Архангельск. Но только что вышли они утром, как были схвачены на улице шпиками. Владимир Ильич рассказывал: прямо за оба локтя ухватили, так что не было никакой возможности выбросить что-либо из кармана. И на извозчике двое весь путь за оба локтя держали. Так же был схвачен и повезен на другом извозчике Цедербаум.

Владимир Ильич беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханову, написанное на почтовом листке с каким-то счетом. В этом письме сообщалось о плане общерусской газеты, и оно выдало бы его с головой. И все три недели он не знал, проявлено ли письмо. Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно. Но оказалось с этой стороны благополучно: на листок не обратили внимания, и он был в этом же виде возвращен брату. Владимир Ильич приехал к нам в Подольск сияющий. Заграница для них обоих, а следовательно, и план общерусской газеты, не отпала.

Мы переехали тогда с ранней весны в Подольск, где сняли вместо дачи квартиру в доме Кедровой, в конце города, на берегу реки Пахры. Володя пробыл у нас с неделю, если не больше, принимая участие в наших прогулках пешком и на лодке по живописным окрестностям Подольска, играл с увлечением в крокет на дворе. Приезжал к нему туда Лепешинский, приезжали Шестернин с женою Софьей Павловной. Последние ночевали у нас, и я помню, как горячо обрушился Володя на позицию защищаемой ими заграничной группы «Рабочее

дело». Приезжал и еще кто-то. Со всеми Владимир Ильич договаривался насчет шифра, убеждал в необходимости правильного корреспондирования в намечавшуюся общерусскую газету, о которой он говорил лишь с наиболее близкими.

До отъезда за границу у Володи было еще желание: съездить в Уфу, повидаться с женой, Надеждой Константиновной, которая должна была отбывать еще до марта 1901 года срок гласного надзора.

Похлопотать об этой льготе поехала в Петербург мать. К удивлению нашему, и это удалось. Мать сказала в департаменте полиции, что поедет вместе с сыном. И вот, мы втроем выехали по железной дороге в Нижний, с тем чтобы продолжать путь на пароходе.

Путешествие это я хорошо запомнила. Был июнь месяц, река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе. Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов. Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького парохода, двигавшегося по Каме и по Белой. Мать спускалась утомленная в каюту. Редкие пассажиры исчезали еще раньше. Палуба оставалась лишь для нас двоих, и вести конспиративные разговоры среди затихшей реки и сонных берегов было очень удобно. Владимир Ильич подробно, с увлечением развивал мне свой план общерусской газеты, долженствовавшей сыграть роль лесов для построения партии. Он указывал, как постоянные провалы делают совершенно невозможными съезды в России. Как раз в апреле того года огромные провалы на всем Юге вырвали чуть ли не с корнем несколько организаций, между прочим редакцию «Южного рабочего» в Екатеринославе. Там был арестован и самарский приятель Владимира Ильича И. Х. Лалаянц, приезжавший к нему как раз для переговоров о подготавливаемом II съезде партии еще в феврале, когда

брат по пути в Псков остановился на несколько дней у нас в Москве...

В Уфе Владимир Ильич виделся с местными товарищами. Помню из них Крохмалю, с которым он уславливался в шифре; знаю, что из некоторых уездов приезжали ссыльные повидаться с ним. Мы с матерью уехали через 3 дня; он же оставался дольше и назад поехал по железной дороге, причем делал остановку в Самаре. Везде он договаривался о корреспонденциях, о шифре. По возвращении в Подольск собрался скоро за границу. Недели через две после него выехала туда же и я.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ПИСЬМАМ
В. И. ЛЕНИНА К РОДНЫМ
(1910—1916 годы)»

Осенью 1911 года, в октябре — ноябре, мне удалось побывать за границей, и я провела недели две в Париже, у Владимира Ильича. Нашла, что он живет плохо в материальном отношении, питается недостаточно и, кроме того, сильно обносился. Я стала убеждать его пойти со мною на следующее утро в магазин, чтобы купить необходимое ему зимнее пальто. Но он категорически отказался, и я, уже не ожидая его, была удивлена, когда услышала из-под окна моей комнаты, выходящей во дворик, его оклик в условленный час. Оказалось, что Надя после моего ухода убедила его принять мое предложение. При покупке Владимир Ильич отказывался от всего более дорогого и только убеждения приказчика, что одно пальто является «inuisable» («неизносимым»), заставили его остановиться на нем. Но тужурку, которую я считала тоже необходимой ему, он решительно отказался покупать.

Заметила я также в это посещение Владимира Ильича, что и настроение его было менее жизнерадостным, чем обычно. Как-то раз во время прогулки вдвоем он сказал: «Удастся ли еще дожить до следующей революции?» И вид у него был тогда печальный, похожий на ту фотографию, что была снята с него в 1895 году в охранке. Это было время тяжелой реакции, симптомы возрождения, как факты выхода «Звезды»¹ и «Мысли»², только еще намечались.

Выяснив условия посылок съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасы). По поводу домашней запеченной ветчины он выразился в одном не сохранившемся письме, что это «превосходная еда», из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым ему приходилось питаться в Париже. В Австрию пересылка мясного не разрешалась, и поэтому по переезде его в Краков я посылала ему рыбное (икру, балык, сельди и т. п.) и сладкое, которое он сам, конспиративно от Надеины, просил послать ей. Об этих «гостинцах» упоминают в письмах от 1912 и 1913 годов и он, и Надежда Константиновна.

¹ «Звезда» — большевистская легальная газета, издавалась в Петербурге в 1910—1912 годах.

² «Мысль» — большевистский легальный философский и общественно-экономический журнал, издавался в Москве в 1910—1911 годах.

РЕЧЬ НА ВЕЧЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ
«ЛЕНИН И ОКТЯБРЬ» В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА
29 октября 1927 года

Я не собиралась говорить и не приготовила своих воспоминаний, поэтому они будут представлять из себя небольшие отрывочки.

Я не могу говорить о партийной работе в то время, потому что не принимала в ней участия. Коснусь периода немного более раннего. В последний раз я видела Владимира Ильича в Париже в 1911 году. Это были годы реакции, тогда еще не начинала выходить «Правда», глухая реакция была, и я помню, в разговоре с Владимиром Ильичем у него мелькнули печальные нотки, он сказал: не знаю, удастся ли нам чего другого дожидаться. Потом я уехала.

Революция пронеслась так быстро, так волшебно. Я тогда начала работать секретарем в «Правде», в первые послереволюционные дни. Мы ждали с нетерпением приезда Владимира Ильича, и, когда узнали, что он едет,

как-то все не верилось, что он может открыто приехать, — с большим нетерпением ожидали его. Я встретила его на Финляндском вокзале, и эти моменты оставили у меня впечатление чего-то большого и яркого, было какое-то общее настроение подъема. Это было вечером. На Финляндском вокзале я встретила массу народа, рабочих. Они шпалерами выстроились около поезда, на котором приехал Владимир Ильич, и встречали его с большой радостью. Помню дружественные, восторженные лица рабочих. Мы вместе пошли на вокзал, где, как вы знаете, Владимир Ильич выступил, содержания его речи я передать не могу, помню только настроение общего большого подъема, которое вызвала эта его речь.

Потом он выступил на броневике, на площади Финляндского вокзала, тут были красные факелы, настроение было какое-то особенно торжественное и подъемное, с одной стороны, а с другой стороны, как-то немножко страшно было, что это действительно он может так свободно говорить, или это только так кажется.

Владимир Ильич остановился у нас в квартире, на Широкой улице, очень много товарищей к нему приходило туда, очень много было разговоров, но опять-таки из этих разговоров помню лишь отрывочки, помню, что многие товарищи, которые не совсем стояли на большевистской пораженческой точке зрения, которые считали, что как же это возможно кончить войну, после этих бесед очень скоро убеждались, личное слово Владимира Ильича убеждало чрезвычайно.

Жизнь пошла очень сутолочная, очень горячая, каждый день сидели в «Правде», где я с ним работала. Народу бывало очень много. Он ездил на собрания...

В июле, когда начались выступления, он ушел от нас с квартиры. Одно время он думал, чтобы дать себя арестовать. Помню, он сказал тогда, что если арестуют, то очень вероятно, что с ним покончат, потом они, может быть, даже слезы прольют, крокодиловы слезы, скажут, как это нельзя было удержать, но все же постараются

расправиться таким образом. Все это внушало страх за него. Особенно в этом пришлось убедиться, когда к нам стали приходиться с обысками. Было восемь обысков, причем они происходили не так, как в царской России. Как только откроешь дверь, являются солдаты со штыками на винтовках, солдаты эти измученные, исхудалые, озлобленные, они бежали по коридору и стремились найти того, кого им надо было. Они не искали книжек, как раньше, не смотрели их, а они штыками прокалывали матрацы, диваны, открывали сундуки, словно он где-либо мог лежать там. Мало, конечно, они давали себе отчет в том, что происходило. В тот раз, как говорила Надежда Константиновна, когда они забрали моего мужа, ее и прислугу, дело происходило так, что прислуга эта была деревенская примитивная женщина, она отперла дверь, а сама повернулась и пошла, через кухню, за хлебом что ли. Но пришедшие с обыском, которые искали Владимира Ильича, решили, что она прячет его и пошла предупредить, и стали обыскивать весь дом. Это был второй обыск. А во время первого обыска была такая история. Тут был один шпион, который утверждал, что знает Владимира Ильича. Когда оказалось, что Владимира Ильича здесь нет, они стали искать его карточку в альбоме. Нашли карточку и смотрят на моего мужа, и хоть он совсем был непохож, говорят: «Вот он!» И Марка Тимофеевича забрали и повезли на грузовике, потом уже все разъяснилось. Но эта прислуга имела глупость и второй раз также уйти, когда пришли с обыском. Отперла дверь и пошла куда-то. Они побежали за ней и стали искать по всему двору этого дома, часа три искали, потому что дом большой был, все углы облазили, искали, где Владимир Ильич. Оставили у нас сидеть двух солдат, тогда Надежды Константиновны не было дома, она, подходя к дому, увидела, что неблагополучно, и ушла. А мы с сестрой сидели за чаем в столовой и с этими двумя солдатами чай пили. Они были очень озлоблены. Один из них сказал: «Если бы я его увидел, я бы

его своими руками убил». Мария Ильинична начала разговор с ними. Налили им чаю, дали бутербродов. Мария Ильинична спрашивает: «Почему вы думаете, что он подкуплен, откуда это видно? Он столько лет работал нелегально, столько пострадал от царизма». Когда они слушали этот разговор, они как-то смякли, и один из них сказал: «Значит, тогда Керенский¹ подкуплен». — «Почему же обязательно должен кто-нибудь быть подкуплен?» — говорит моя сестра.

Потом еще три раза приходили искали, и после этого весь дом на этой Широкой улице был до глубины души возмущен нами и требовал, чтобы мы ушли с этой квартиры, такие вредные люди. Это вот мои личные воспоминания.

А потом относительно Октября тоже очень небольшие отрывочки. Помню, что было как-то чрезвычайно жутко за него, как он может вернуться, каким образом, после того как его так тщательно искали, настолько ли перевернулось настроение солдат, чтобы можно было не бояться ареста? Увидела я его уже в Смольном. Вследствие конспирации он скрывался на квартире, куда лишних людей не пускали, поэтому я увидела его только в Смольном. Особенно ярко вспоминаю день 25 октября, когда был совершен переворот, это заседание, когда был прочитан манифест о земле и о прекращении войны и об основании социалистической республики. Все это было так неожиданно и такое яркое и подъемное настроение было, что верилось и не верилось, казалось, что какую-то сказку переживаешь.

Помню, как затем в связи с выступлением Краснова было очень тревожное настроение, и когда я пришла в Смольный, тов. Розмирович сказала мне, что у нас в военных делах только один человек понимает. Я решила, что этим человеком был муж ее, тов. Крыленко,

¹ А. Ф. Керенский — глава буржуазного Временного правительства в 1917 году.

тогдашний наш военный комиссар. «Нет, — говорит она, — не он, один Владимир Ильич понимает только у нас в военных делах». Я говорю: «Как же это может быть, он ведь никогда этим делом не занимался». И я пошла к нему в кабинет. Тут было масса карт, он был весь окружен картами, и я особенно обратила внимание на выражение его лица: он сидел такой бледный и какой-то углубленный, глубоко углубленный, что мне как-то страшно стало за него, и я подумала: «Как же это он с военными делами сможет разобраться?» И стало страшно за него, вид у него был очень утомленный.

Если ограничиться только Октябрем, то это самое яркое воспоминание у меня осталось, как он сидел и работал над военными картами и как страшно утомлен был. Потом он так же страшно утомлялся, когда ему приходилось на заседаниях Совнаркома решать самые мелкие дела.

Вот то, что я могу сейчас вспомнить кратко об октябрьских днях.

**ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ
УЛЬЯНОВ**

Дмитрий Ильич Ульянов, младший брат Владимира Ильича, родился в 1874 году. Он был профессиональным революционером (партийные клички: Андреевский, Герц, Юноша). Вступил в Коммунистическую партию в 1903 году. Врач по специальности, Дмитрий Ильич вел партийную работу в Москве, Туле, Киеве, Симбирске, Крыму, Одессе. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

Во время первой мировой войны вел революционную работу среди солдат.

После победы Октябрьской революции Дмитрий Ильич был на партийной и советской работе в Крыму. В 1920—1921 году он член Крымского ревкома, потом обкома партии. Впоследствии, уже в Москве, работал в учреждениях здравоохранения.

Дмитрий Ильич принимал активное участие в работе Центрального музея В. И. Ленина, написал ряд воспоминаний, статей и очерков о Владимире Ильиче Ленине.

Умер Дмитрий Ильич в 1943 году и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ОБ ИЛЬЕ НИКОЛАЕВИЧЕ

Наш отец, Илья Николаевич Ульянов, в бытность свою в Симбирске директором народных училищ, выписывал из Москвы или из Петербурга различные наглядные учебные пособия.

Так, например, он выписал астрономический прибор, состоящий из лампы, которая играла роль солнца и освещала землю и луну — маленький глобус (земля) и серебряный шарик (луна). Глобус приводился во вращательное движение вокруг собственной оси и по эклиптике вокруг солнца при помощи особого часового механизма. В определенных фазах луны прибор демонстрировал солнечное или лунное затмение, полное или частное, в зависимости от того, в тень или полутень входила земля.

Прежде чем демонстрировать прибор в школах, он показывал его своим детям у себя на квартире. Он выписывал также из Москвы или из Петербурга политехнические выставки, например хлопчатобумажное производство, производство из льна, шелковичные коконы, веревочное производство из пеньки и т. д. и т. п.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

ДОМ, ДВОР И САД

Мои детские воспоминания, если не считать самых ранних, отрывочных и очень смутных, связаны с жизнью нашей семьи в доме на Московской улице, который купили родители в 1878 году.

Фасадом дом выходил на Московскую улицу, тогда пыльную и грязную, с деревянными тротуарами. Если идти от центра города на запад, к реке Свияге, дом стоял с левой стороны улицы.

Дом был деревянный, одноэтажный, с антресолями. Внизу находилось пять больших комнат (с востока на запад): зала, кабинет отца, так называемая проходная, мамина комната и столовая, кроме того, две прихожие (с востока и с запада). Внизу же помещалась кухня, через холодные сени.

Наверху в антресолях были четыре маленькие комнаты, выходившие окнами во двор, — две к западу (Ани и детская) и две к востоку (Саши и Володи). Обе эти половины антресолей имели две внутренние лестницы, связывавшие верх с низом через две прихожие. Летом

же обе половины антресолей соединялись между собой также балконом между Аниной и Сашиной комнатами.

Около дома (на юг) был большой двор, покрытый мелкой зеленой травой; продолжением двора был сад, выходявший непосредственно на соседнюю Покровскую улицу через калитку в заборе. Калитка всегда запиралась на замок. Сад отгораживал от двора невысокий заборчик с калиткой. Около этой садовой калитки на дворе был колодец, из которого вода для поливки сада качалась ручным насосом. Вода в этом колодце была очень жесткая и годилась, кроме поливки сада, только для мытья полов. Питьевая вода доставлялась с реки Свяги водовозом. Слева от колодца стоял небольшой флигель в три окошечка, выходявшие в сад. Около флигеля — небольшая кухонька под особой крышей. Флигель обычно сдавался внаймы; только одно лето, во время ремонта дома, флигель занимали мы, а кухоньку при нем Саша использовал под химическую лабораторию.

Через весь сад, от садовой калитки до Покровской улицы, шла так называемая большая аллея, делившая сад на две половины. Она вся была обсажена серебристыми тополями, только в конце аллеи росла одна осинка с вечно трепещущими листьями. Аня ее почему-то очень любила, и мы прозвали ее «Анина осинка». Кроме этой большой аллеи, вокруг всего сада вдоль заборов с соседними участками были четыре узенькие аллейки с прочно установившимися у нас в детстве названиями: «Черный бор» — с густою сиренью и развесистыми вязами, «Желтый бор» — с густой акацией, «Красный бор» — с большим деревом колючего боярышника и даже «Грязный бор» — ввиду обилия там благодаря неопрятному соседству всякого мусора — бумажек, пустых бутылок и пр. В центре сада был цветник — детище мамы, с единственной в саду беседкой. В этой беседке иногда устраивались общие вечерние чаепития.

Кроме серебристых тополей и единственной осинки, в саду росли несколько ветвистых вязов, на которые мы

все охотно лазили во время своих игр, много кустов сирени, но больше всего обыкновенной желтой акации, которой был обсажен по краям весь сад.

Из фруктовых деревьев были преимущественно яблони. Больше всего аниса (приволжский сорт яблок), затем белый налив, апорт и несколько деревьев с очень вкусными яблоками под названием «черное дерево». Помню, что яблоки с этого «черного дерева» мама всегда берегла, главным образом для папы. Росла еще одна яблоня в конце сада, под названием «дичок», у детей переделанное на «дьячок». Дерево обычно было густо усыпано маленькими, но очень вкусными плодами. Бывало, кто раньше утром встанет, первым бежит собирать урожай, т. е. упавшие на землю яблоки, и потом делится с другими. С деревьев рвать не полагалось до определенного срока. И я не помню с нашей стороны ни одного нарушения в этом смысле. Кроме яблонь, были две-три груши и несколько вишневых деревьев, густой малинник, кусты крыжовника и смородины. Для сбора ягод мамой устанавливались правила для детей. Было также несколько грядок клубники, с которыми мать подолгу возилась, пересаживая кустики, удобряя землю и поливая. В поливке сада, а иногда и в уборке его принимали участие все дети. Это была, так сказать, общественная нагрузка, от которой никто никогда не отказывался, наоборот, скорее было соревнование.

Около колодца во дворе стояла большая кадка, другая такая же кадка стояла в цветнике. От нас требовалось, особенно в жаркое летнее время, чтобы обе эти кадки были заблаговременно наполнены водой, чтобы можно было поливать цветы рано утром, что часто делала мать сама. По вечерам же брались за работу все вместе. Обычно один кто-нибудь качает воду из колодца, другие с лейками и ведрами разносят ее к месту назначения. Бывало, приходит иногда отец, и работа кипит вовсю. Если качаешь воду из колодца, не хочется уступать другому, покуда не натрешь мозолей на руках, лишь бы больше наполнить бочку водой, не отстать от других.

Дружная, спорая бывала работа!

Когда решали пить чай в беседке, то также дружно брались все за работу: Саша, бывало, тащит в сад самовар; другие несут, что кому под силу; дети по несколько раз бегают в дом и обратно в сад, в беседку. Обычно было принято прислугу не беспокоить, а все делать самим. Обычно в нашей семье вечерний чай соединялся с холодным ужином, так что возни с этими чаепитиями в беседке было немало. По окончании чаепития на всех также хватало работы — девочки помогали матери мыть посуду, мы уносили из беседки все обратно домой.

ИГРЫ

На дворе и в саду у нас было много разных детских игр. Вспоминаю из раннего детства игру в лошадки, когда мы носились по двору и по аллеям сада, один за кучера, другой за лошадь, соединившись веревочкой друг с другом. Володя был старше меня на четыре года, поэтому, когда он бегал за кучера, постегивая меня хлыстиком, все было хорошо, когда же я впрягал его в виде лошади, он очень быстро вырывался и убегал от меня. Догнать его я не мог, и тогда, помню, однажды я безнадежно сел на траву и стал говорить, что так играть нельзя: он сильнее меня и, когда ему вздумается, убегает от меня, что никогда, мол, не бывает, чтобы лошадь убегала от кучера, и поэтому он должен бегать за кучера, а я за лошадь. На это Володя ответил:

— Лошадь всегда сильнее человека, и ты должен уметь подойти к ней с лаской, покормить ее чем-нибудь вкусным, например черным хлебом с солью, что лошади очень любят, и тогда лошадь не будет убегать от тебя и будет послушной.

Впоследствии, помню, я бегал в лошадки чаще с кем-нибудь из сверстников или с сестрами. На этом дворе играли мы всей нашей компанией, с Аней и Са-

шей, в черную палочку, причем тот, кто «водил», должен был, начиная искать, громко возглашать: «Черная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет». Помню, что я часто ждал в этой игре, чтобы меня «выручил» Саша, который выбегал из своей засады обычно последним.

Вспоминаю игру в «брыкаски», которую выдумал, очевидно, Володя, когда ему было около восьми лет. Играли он, сестра Оля и я. Это, собственно, не была игра в обычном смысле слова — никаких правил, ничего твердо установленного. Это была импровизация, фантазия в лицах и действиях. Конечно, главным действующим лицом был Володя, его фантазия, его инициатива. В эту фантастику он вовлекал нас, младших, — меня и Олю. Какую роль мы играли, что должны были делать? Заранее ничего не было предусмотрено. Володя сам свободно фантазировал и осуществлял эту фантазию в действиях. Что такое «брыкаска»? Это не то человек, не то зверь. Но обязательно что-то страшное и, главное, таинственное.

Мы с Олей сидим на полу в полутемной зале нашего симбирского дома и с замиранием сердца ожидаем появления «брыкаски». Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть «брыкаска» — Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, «брыкаска» сердитая, злая: от нее нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может быть, она только по виду страшная, а на самом деле добрая, и от нее совсем не надо бегать, можно даже с ней подружиться и приласкать ее. Этого никто не знает. Все зависит от ее настроения. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках... Оно рычит и хватает тебя за ногу. Страшно! Возня, визг, беготня, грозное рычание «брыкаски» то под диваном, то на диване, то в зале, то в совершенно темной прихожей (передней). Затем внезапно обнаруживается, что «брыкаска» добрая, не ку-

сается и не шипается и ее можно спокойно погладить по шерстке. И уже нисколько не страшно, даже очень весело, «брыкаска» выделяет удивительные номера и подплясывает, мы за ней кто во что горазд...

Ясно, что для такой игры было совершенно необходимо, чтобы старших не было дома, а то всякий интерес пропадает: внесут в залу лампу, велят вылезать из-под дивана, а «брыкаске» в вывернутой шубе определенно влетит.

И вот помню, когда Володя или Оля таинственно общаются мне как большую радость, что сегодня вечером папа с мамой куда-то уходят и мы будем играть в «брыкаски».

Вообще у Володи в детстве была богатая фантазия, которая проявлялась в самых разнообразных играх. У меня остался в памяти, между прочим, такой случай: сидим мы вечером за большим столом и мирно и спокойно занимаемся какой-то стройкой домиков. Я соорудил из карт высокий дом, что-то, как мне показалось, необычайное, и стал хвастаться. В это время входит няня и заявляет, к моему великому огорчению, что мама велит мне идти спать. Мне не хочется, начинаются обычные пререкания. Вдруг Володя, чтобы поддержать няню, произносит отчетливо с напускным важным видом примерно следующую фразу: «Инженер мистер Дим перед своей поездкой в Америку представил нам замечательный проект многоэтажного здания, рассмотрением которого мы должны сейчас заняться. До свидания, мистер Дим!» Польщенный похвалой, я без всякого дальнейшего протеста отправляюсь с няней спать.

В большом ходу была у Володи и Оли игра в «индейцев», иногда и я принимал в ней участие. Научились читать Володя и Оля почти одновременно и читали в детстве одни и те же книжки. Вот под влиянием чтения про индейцев у них и создавалась такая игра, когда они, изображая индейцев, то и дело прятались от взрослых и шушукались между собой, как бы скрывая что-то.

Помню, как-то однажды я забрел в глухой, заросший со всех сторон уголок нашего сада и увидел там Олю, сидящую в каком-то шалаше из хвороста, низ шалаша был устлан травой. Около шалаша лежала кучка мелко наломанного хвороста, посыпанного огненно-желтыми листиками шафрана. Это должно было изображать горящий костер, на котором в каком-то котелке или горшочке готовился обед. Над головой у Оли пристроен большой зеленый лопух, изображавший головной убор индейца. Володя где-то промышлял охотой, она в ожидании его стерегла жилище и готовила еду. Оля дала мне понять, что все это тайна и рассказывать об этом старшим нельзя. Вскоре вернулся с охоты Володя, вооруженный луком и стрелами и тащивший какой-то косятый корень, долженствующий изображать убитого зверя. Володя рассказывал в подробностях, как он измучился в борьбе с этим зверем, как тот покусал и поцарапал его, прежде чем меткая стрела заставила наконец зверя свалиться замертво. При этом Володя рычал и ревел, как убитый им зверь, показывая нам этим, как было страшно и с каким трудом досталась ему победа. Кроме того, мы узнали из его рассказа, что ему причинили много хлопот также «белые» люди, которые ловили Володю арканом и хотели его убить или взять в неволю, что, пожалуй, еще страшнее смерти. Володя изображал, каким он подвергался опасностям и как в конце концов он устал и проголодался. Необходимо было сейчас же достать черного хлеба с солью для восстановления сил, и я был послан поэтому на кухню, но со строгим наказом не выдавать ничего «белым» людям и скрываться. Помню, с какой таинственностью и важностью я выполнял данное мне поручение и как, посолив два куса черного хлеба, я крался с этой добычей к шалашу, замечая свой след и уверенный, что никто меня не видит. Володя потом, подкрепившись, показывал нам свою новую стрелу, стреляя высоко в воздух, а я приносил ему обратно его замечательную стрелу с

легкой лопаточкой на одном конце и тяжелым куском черного вара на другом.

Иногда, особенно в дождливую погоду, эти игры в индейцев переносились на сеновал, в каретный сарай и даже на чердак дома.

В правом углу двора, почти примыкая к саду, стоял так называемый каретный сарай. Раньше он, вероятно, служил прямому своему назначению, но при нас, так как у отца не было ни лошади, ни экипажей, он был просто складом для всякой всячины. Этот сарай, большой и просторный, служил нам для детских игр. Редко кто из взрослых заходил в него, и поэтому мы чувствовали себя в нем уединенно и очень уютно. Там довольно низко висела трапеция, на которую, кроме Володи, лазили и мы с Олей, но главным образом на ней упражнялся Володя.

К нам в Симбирск приезжали иногда странствующие цирковые артисты, которые проделывали на площади Старого Венца различные аттракционы, вроде, например, хождения по канату на большой высоте. Этот номер произвел на всех нас большое впечатление, и Володя с Олей решили проделывать то же самое у нас в каретном сарае. Достали толстую веревку, натянули ее метра на два над землей и затем упражнялись поочередно в хождении «по канату», причем обязательно подошвы натирались густо мелом и употреблялся шест для балансирования, как у настоящих актеров.

В каретном сарае Володю можно было часто застать за работой — он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки, которые дарил младшей сестре, Мане. Там же он мастерил себе при помощи топора и пилы ходули, на которых любил потом расхаживать большими шагами. Выпиливанием по дереву лобзиком Володя в противоположность Саше не занимался. Он не играл также в бабки, чем увлекались тогда почти все гимназисты, и в том числе я.

На дворе, между каретным сараем и погребом, были устроены «гигантские шаги», на которых все мы иногда катались. Чтобы Володя увлекался ими, я не помню. Скорее, это можно сказать по отношению к крокету, в который Володя с Олей научились играть лучше других. Когда отец купил крокет, помню, как мы под руководством Володи взялись правильно устанавливать его. Между красным и черным колышками Володя туго натянул бечевку и потом, вымеривая точно расстояния молотком, намечал места для установки дужек и как особенно тщательно он устанавливал потом мышеловку.

Игроей в крокет одно время увлекались мы все — играли и Аня, и ее подруга, молодая учительница, и даже папа, только Сашу очень редко удавалось оторвать от серьезной книги. Играли, строго придерживаясь установленных правил, из-за толкования которых иногда возникали горячие споры (как вообще часто случается в этой игре). Помню, что Володя играл лучше других и бывал непреклонен к нарушителям правил, но в то же время беспристрастным судьей в спорах.

Когда партия затягивалась до темноты, прибегали к помощи бумажных фонариков, которыми освещали дужки. Употреблялись специальные выражения в соответствии с папиной службой — «Шар отправился в уезд» или: «Угнать этот шар подальше в губернию».

Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свягия купаться...

Володя взялся научить меня плавать в три урока. «Только делай так, как я буду учить», — и показал мне, что делать руками и ногами под водой. Затем посадил меня на глубокое место и сказал: «Плыви, как я учил». Мне залилась вода и в нос, и в рот, но после второго урока я уже поплыл самостоятельно, а затем стал плавать с ним и Сашей на ту сторону реки Свягии.

Дмитрий и Мария Ульяновы — младшие брат и сестра Владимира Ильича. 1880 г. Симбирск.

Зимой на Свяге устраивались общественный каток и высокие ледяные горы. Каждый день после обеда мы уходили туда с Володей кататься на коньках. Иногда нас сопровождали сестры: Оля также каталась на коньках, а маленькую Маню мы катали по катку в кресле. На нашем дворе также была ледяная гора с длинным ледяным раскатом — дорожкой. Горы мы делали сами около садового забора, рядом с колодцем, а раскат доводили до самого дома. В морозные вечера ходили с Володиёй качать воду из колодца и поливали гору и раскат. У Володи были настоящие железные санки для катания с гор, на них можно было кататься лежа и управлять руками. На деревянных санках катались с горы всей гурьбой, вываливаясь обычно в сугроб. Крику и смеху было немало, и иногда, когда мы очень расшалимся, нас загоняли домой.

Не могу не вспомнить вечер в нашем доме в детстве, когда мне было пять — семь лет. Везде и на всем лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своем кабинете. Наверху в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу в столовой, за большим столом, сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же, около нее, с книгами и тетрадями сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбегит вниз и начнется шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слышал!» — и все опять стихнет. В крайнем случае, отец берет провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу. Порядок, в общем, был строгий.

ИГРА В СОЛДАТИКИ

В Симбирске у нас была в детстве в большом ходу игра в солдатики. В нее в разное время играли братья Саша, Володя, сестры Оля, Аня и я, но учил нас этой игре и вырезыванию солдатиков из бумаги старший брат, Саша. Фигурки солдатиков имели подставки и, таким образом, держались вертикально. Аналогично вырезывались и кони, на которых можно было прилаживать солдатиков верхом. Получались всадники (конница). Игра была очень проста и напоминала собою детские кегли. Каждый играющий должен был выставлять по условию на полу комнаты в ряд по 10—15 солдатиков, и они сбивались маленьким резиновым мячиком, какой употребляется при игре в лапту. Сбитые фигурки заменялись новыми, из запаса. Играли обычно в столовой, где расстояния были промерены. Интересно, что Сашина армия были итальянцы под предводительством Гарибальди. Володина — американцы Авраама Линкольна из гражданской войны Севера с рабовладельческим Югом, под командой генералов Гранта и Шермана. У Ани и Оли были испанские стрелки, боровшиеся с Наполеоном Бонапартом. В боях не нужно было, чтобы противник соответствовал обязательно истории: американцы могли драться с испанцами, итальянцами, русскими и т. д., как в шахматной партии.

В детской литературе того времени отображалась очень ярко борьба негров против рабства, и тут характерно только то, что Володя своим выбором выражал симпатии Линкольну и его революционным генералам Гранту и Шерману, боровшимся против рабства негров в Южных штатах Америки. У Володи и Оли настольной книгой в то время была повесть Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

О ДОМЕ УЛЬЯНОВЫХ В СИМБИРСКЕ¹

Мать посещала церковь в большие праздники, но религиозной не была... В последние годы своей жизни была уже совсем неверующей. Она часто говорила мне, когда я был студентом, что попы обманывают, и перестала ходить в церковь.

Одевалась мама всегда очень просто, скромно и опрятно. В костюмах ее преобладали темные тона, а после смерти папы она сделала себе траурный костюм и в нем ходила уже до самой смерти.

О ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЯХ

У Александра Ильича было две золотые медали. Одну он заложил, чтобы помочь нуждающемуся товарищу. Другую медаль заложил, чтобы купить азотную кисло-

¹ Из ответов Дмитрия Ильича на вопросы работников Музея В. И. Ленина в г. Ульяновске в 1941—1942 годах.

ту для приготовления бомб. О медали Ольги Ильиничны — куда она девалась — я не помню.

Александр Ильич, когда учился, давал уроки и в Симбирске и в Петербурге, чтобы меньше брать у отца денег на свое содержание.

ДУБОВЫЕ СТУЛЬЯ

Дом был куплен вместе с участком. Во дворе лежало большое дубовое бревно. Решили это бревно использовать на поделки. Оно было распилено на несколько досок. Из них отец заказал двенадцать стульев, их сделали складными из отдельных планок.

Стулья ничем не красились и не лакировались. Дуб оставался в натуральном виде. Они были поставлены в столовой вокруг обеденного стола, но так как эти стулья были малоудобны, то из столовой их убрали, а вместо них поставили венские. При отъезде в Казань мать их продала.

ДИВАН В КАБИНЕТЕ ОТЦА

В кабинете отца стоял не такой диван, как сейчас, а оттоманка с тремя подушками. На ночь эти подушки убирались внутрь дивана в ящик. Спал отец в кабинете на оттоманке. Постель себе он стелил и убирал всегда сам. Обита оттоманка была темно-синим кретоном в клетку.

МАМИНА КОМНАТА ПОСЛЕ СМЕРТИ ОТЦА

После смерти отца мы жили в одной половине, в той, которая к Свяге. Дверь в комнату, где сейчас портретная, была заделана досками. У постельщика и у нас были

отдельные парадные входы. Сначала в той половине, которая к Волге, жил молодой врач. Он жил недолго (несколько месяцев), а потом квартиру сдали присяжному поверенному Багряновскому.

В маминой комнате жили мы с Володей, а мама жила наверху, в комнате Анны Ильиничны.

Володина кровать стояла на месте, где сейчас стоит комод, а моя — около двери в портретную комнату. Между моей и Володиной кроватью стоял комод. Около двери в столовую стоял шкаф с книгами (классиков). В углу на месте гардероба стоял письменный стол и около него два стула — для меня и Володи.

В столовую проходили через дверь в прихожую. Полотняная занавеска была убрана. Окно на лето затягивалось металлической сеткой. В этой комнате мы жили с Володей зиму 1886/87 года и лето 1887 года до июня, когда мы уехали в Казань. В этой же комнате летом 1886 года вместе с Владимиром Ильичем жил Александр Ильич, приехавший на каникулы из Питера.

КТО РАЗБИЛ ГРАФИН?

Владимир Ильич с малолетства был очень правдивый мальчик и терпеть не мог, когда кто-нибудь из окружающих лгал или хвастался. Сестра его Анна Ильинична описывает такой случай из раннего детства Володи. Мы ездили из Ульяновска в Казань на пароходе, а оттуда на лошадях в деревню нашего деда — Кокушкино, где летом собиралось много его внуков и внучек, которые вместе играли. Вот однажды Володя был в Казани в городской квартире своих родственников, хозяйкой там была наша тетка, «тетя Аня», как звали ее все дети. Когда старшие ушли, дети разбегались и расшалились; кто-то уронил графин с водой, и он разбился. Вошла тетя Аня и спрашивает:

— Кто разбил графин?

Все отвечают: «Не я, не я», и Володя маленький отвечает за другими: «Не я». По возвращении в Ульяновск мама как-то вечером обходит детские кровати, смотрит, как спят, не болит ли у кого что-нибудь. Подходит к Володиной кровати, а он лежит не спит и плачет.

— Отчего ты плачешь? — спрашивает мать.

А Володя в ответ:

— Я обманул тетю Аню. Ведь это я разбил графин, а сказал, что не я.

Мать успокоила его и сказала, что напишет тете Ане и скажет, что он сознался.

И в детских играх Володя никогда не врал и не мошенничал, так что сверстники его потом писали в воспоминаниях, что у Ульяновых играют честно и жульничать не позволяют никому.

СЛОВО К ШКОЛЬНИКАМ

Обращение. Ребята, недавно прошли ленинские дни. Какие это дни? Что они знаменуют? Я думаю, что многие из вас уже знают это.

Восемь лет тому назад, в 1924 году, 21 января, умер Владимир Ильич, и этот день отмечен особым трауром, особой скорбью рабочими и крестьянами нашего Советского Союза, а также и трудящимися всех стран земного шара. Почему это так? Потому что, идя во главе с товарищем Лениным и его партией, рабочие и крестьяне Советского Союза завоевали Великой Октябрьской революцией свободу от рабства, прогнали угнетавших их капиталистов и помещиков и взяли власть в свои руки. Потому что трудящиеся других стран поняли, что для своего освобождения они должны идти тем путем, который указал товарищ Ленин.

Вы все, ребята, немного уже знаете, слышали о де-

лах товарища Ленина, в будущем вы познакомитесь с этим ближе и лучше. Всем вам интересно и нужно знать, как жил и боролся этот великий человек. Сегодня я расскажу вам немного о нем. Ведь вам хочется знать, каким он был маленьким. Должен предупредить вас, однако, что я был моложе его на четыре года и помню его, когда ему было уже лет девять-десять. Володя был резвый, бойкий мальчик, но в то же время сдержанный, на особые шалости никогда не шел...

Володя был очень правдивый мальчик и с ранних лет не любил хвастунов. Зашел как-то раз к нам во двор мальчик, посмотрел, как мы играем, и давай расписывать, как он хорошо умеет и то и другое делать и в цель попадает. Я и уши развесил, а Володя ему: «А ну, пади-ка камнем с трех раз в ту доску, как ты говоришь». Тот раз — мимо, два — мимо, три — мимо. «Вот видишь, — сказал Володя, — ничего ты не умеешь, только хвастаешь. И во всем, должно быть, так — только болтать умеешь. Хвастунишка ты, больше ничего». И взрослым Ильич не терпел хвастовства, всегда вспоминал поговорку: «Не хвались, едучи на рать!» А сам всегда очень скромн. На охоте другой раз промажет по птице и говорит: «Ну, хороший охотник на моем месте двух бы уложил».

Помню, как мы с Володей катались на коньках. Мне было, должно быть, уже лет девять-десять. Я хотел прыгнуть обеими ногами, как делали это другие, и расшиб себе нос. Посторонние смеются. Он подъезжает, видит кровь на моем носу и на льду и утешает меня: «Не беда, приложи снег, это пройдет. Падать не будешь — не научишься никогда хорошо кататься». Это — совершенно верное правило... Сестра мне рассказывала, что, когда она училась ездить на велосипеде, очень боялась упасть и действовала очень нерешительно. Владимир Ильич тогда сказал ей: «Ты так никогда не научишься ездить, надо действовать смелее и решительнее. Упадешь раз-другой — не беда, без этого нельзя».

Как учился товарищ Ленин. В школе Володя учился прекрасно, отзывы учителей о нем всегда были хорошие. Семнадцати лет он окончил гимназию с золотой медалью (гимназия — это среднее учебное заведение в царское время). Правда, Володя от природы был очень способный мальчик, но звание лучшего, первого ученика он получил не только благодаря своим способностям, а, главным образом, благодаря своей настойчивости и труду. Все задаваемое на дом он проделывал аккуратно и тщательно, а письменные работы всегда писал сначала начерно, а потом переделывал и исправлял их, прежде чем писать набело.

Эту аккуратность и четкость в работе он требовал и от других. Один раз младшая сестра (Мария Ильинична) принесла показать ему нарисованную ею географическую карту (кажется, Европы), что им задали на дом. Он сказал: «Хорошо нарисовала, но не совсем, можно лучше». И дал ей указание, как это сделать, посоветовав взять циркуль для более точного измерения расстояний. Вообще он никогда не отказывался помочь нам и своим товарищам по гимназии.

Тогда, в царские времена, мальчиков заставляли изучать латинский и древнегреческий языки. Это были для всех нас самые противные и трудные уроки. Учили их только по необходимости. Однако и эти древние языки Владимир Ильич изучал также старательно и уже в 15—16 лет хорошо овладел ими. Тут вот особенно и требовалась его постоянная помощь товарищам, а также и мне.

У Владимира Ильича, когда он учился, всегда оставалось достаточно времени для чтения. Читал он, помню, очень много и часто ходил в библиотеку менять книги.

Владимир Ильич рос в то время, когда о власти рабочих и крестьян можно было только мечтать. Вся власть была в руках царя, его чиновников и полицейских. Они защищали богатых — помещиков и капиталистов, а трудящихся (рабочих и крестьян) угнетали, брали с бедня-

ков непосильные налоги, держали их в невежестве, в незнании. А тех из них, кто пробовал бороться против богачей и ненавистных царских порядков, и тех, кто хотел помочь трудящимся в этой борьбе, безжалостно преследовали — сажали в тюрьмы, ссылали в сибирскую глушь на каторжные работы.

Товарищ Ленин еще в юные свои годы возненавидел эти общественные порядки, это всеислие богачей, это бесправие и угнетение трудящихся и твердо и непреклонно решил беспощадно бороться, отдать на эту борьбу все свои силы и жизнь.

Но враг был страшно силен, борьба предстояла трудная и долгая. Надо было прежде всего вооружиться знаниями, хорошо изучить врага, ознакомиться с опытом борьбы в других государствах, чтобы найти правильный, верный путь и не сбиться с него.

Со свойственным ему упорством и настойчивостью в достижении намеченной цели Владимир Ильич взялся за дело. Он понял, что свалить всеисильного врага могут только трудящиеся массы и только тогда, когда во главе их встанет передовой отряд (лучшие, передовые борцы), т. е. партия. Над созданием такого передового отряда — нашей Коммунистической партии много и долго пришлось работать товарищу Ленину. И в этом величайшая его заслуга, потому что Октябрьская революция привела к власти Советов только благодаря руководству Коммунистической партии, за которой пошли рабочие массы.

Вот, ребята! Заканчивая свое слово, я пожелаю вам в вашей учебе, в вашей общественной работе, в вашей борьбе за окончательное укрепление социализма у нас и во всем мире иметь перед собой всегда пример товарища Ленина, идти по его стопам, работать, бороться и жить, как делал это он.

КАК РАБОТАЛ ЛЕНИН В МОЛОДЫЕ ГОДЫ

У Ленина мы учимся по его литературным трудам, по его сочинениям, изучая различные вопросы ленинизма. У Ленина мы учимся на всей истории нашей партии — с ее основания до 1924 года.

Мы должны также учиться у Ленина тому, как надо работать.

В работе у Ленина всегда бросались в глаза редкая настойчивость и упорство. Работал он не от случая к случаю, а систематически, изо дня в день. Поэтому результат его работы всегда отличается поразительной ясностью и четкостью мысли. Он работал всегда с особенной тщательностью, придавая громадное значение качеству работы.

Этого обычно он требовал и от других; не раз приходилось слышать от него: «Сделано неплохо, но может быть сделано еще лучше!»

Будучи учеником гимназии, он прекрасно учился, имея по всем предметам только одну отметку: отлично. Переходил из класса в класс с первыми наградами и окончил гимназию в 17 лет с золотой медалью.

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как делало большинство его товарищей-гимназистов. Наоборот, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу — смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее.

Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, Владимир Ильич никогда в гимназии не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие нити.

Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику 12—13 лет, очень нравилось следить

за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения; я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро первая половина листа заполнялась все новыми и новыми строчками.

Преподавателем словесности у Владимира Ильича и первым оценщиком его сочинений был тогдашний директор симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец известного эсера¹. Тот восхищался сочинениями Владимира Ильича и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом.

Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нравится в сочинениях Владимира Ильича продуманная система, обилие мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения Владимира Ильича, но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д. они все потерялись.

В своих ученических сочинениях уже тогда Владимир Ильич придерживался хорошего правила древних: чтобы мыслям было просторно, а словам тесно.

Исключенный из университета за участие в студенческих беспорядках, Ленин обычно летом жил в деревне. В большом запущенном саду, около садовой скамьи, он устроил себе рабочий стол. Туда ежедневно после завтрака он уходил с книгами и тетрадями и усаживался за серьезную работу часов на пять, пока не позовут обедать. Эти занятия были настолько систематичными, что я с трудом могу вспомнить единичные случаи, когда Владимир Ильич изменял этому обычаю. Если принять во внимание его возраст — в те годы ему было около 20 лет, — то приходится поражаться выдержке и настойчивости этого человека.

Когда Ленин был арестован в Петербурге в декабре

¹ А. Ф. Керенского.

1895 года, он взялся в тюрьме за серьезную литературную работу. Пользуясь книгами и статистическими сборниками, которые посылались ему с воли, он с обычным для него упорством, изо дня в день сидел за изучением и подбором материалов, составлением цифровых таблиц и т. п.

И, таким образом, за 14 месяцев своего сидения в одиночке закончил вчерне свою большую работу «Развитие капитализма в России».

Когда в начале 1897 года он услышал на свидании, что его дело закончено и скоро предстоит освобождение и высылка в Сибирь, он воскликнул: «Рано! Я не успел еще собрать все нужные мне материалы!»

О ВЫБОРЕ ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ ФАКУЛЬТЕТА

Надежда Константиновна вспоминает рассказ Владимира Ильича о своих гимназических годах: «Когда мы кончали гимназию, один из товарищей предложил мне пойти на прогулку, с тем чтобы поговорить о нашем будущем. Но когда этот товарищ стал говорить о выборе факультета и дальнейшей нашей работе, я понял, что речь идет только о карьере и совершенно не касается революционной деятельности. Я тогда махнул рукой на этого товарища».

Из этого факта определенно вытекает, что Владимир Ильич хотел говорить тогда с товарищем не о карьере, а по поводу революционной деятельности, что он тогда, *еще до университета*, интересовался вопросом о выборе путей революционного движения.

На это указывает совершенно определенно такой момент, как выбор Ильичем факультета. Сверстников его

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, Владимиръ ^{Ильичъ} ~~Ивановъ~~ Ульяновъ, въроисповѣданія Православнаго, родившійся 10 Апрѣля 1870 г., съ разрѣшенія С. Министра Народнаго Просвѣщенія, подвергался испытанію въ Юридической испытательной комиссіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ университетѣ въ Апрѣль, Маѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ и Ноябрьѣ мѣсяцахъ 1891 года.

По представленіи сочиненія и послѣ письменнаго отвѣта, признанныхъ весьма удовлетворительными, оказали на устномъ испытаніи слѣдующіе успѣхи: по **Догмѣ римскаго права. Исторіи римскаго права. Гражданскому праву и судопроизводству, Торговому праву и судопроизводству. Уголовному праву и судопроизводству. Исторіи русскаго права. Церковному праву. Государственному праву. Международному праву. Полицейскому праву. Политической Экономіи и Статистикѣ. Финансовому праву. Энциклопедіи права и Исторіи философіи права**—весьма удовлетворительные.

Посему, на основаніи ст. 81 общаго устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ университетовъ 23 Августа 1884 года, Владимиръ Ульяновъ, въ засѣданіи Юридической испытательной комиссіи 15 Ноября 1891 г., удостоенъ диплома **первой** степени, со всеми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 устава и въ У и. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного въ 23 день Августа 1884 года мѣнія Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ Владимиру Ульянову, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа. Городъ С.-Петербургъ, *Влад. Ильичъ* 14 дня 1892 года.

Протоколъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. 1892 г.

Представитель Юридической
испытательной комиссіи

В. С. Вильямс

Протоколъ Канцелярскій *С. С. Смирновъ*

№ 534.

Диплом первой степени, выданный Владимиру Ильичу по окончании Петербургскаго университета. 1891 г.

очень удивил тот факт, что Владимир Ильич остановился на юридическом факультете. Они считали тогда, что на юридический факультет идут, главным образом, карьеристы. Они не поняли тогда, что юридический факультет может быть интересным и людям, ставящим перед собой задачу изучения буржуазного общества, его экономической структуры, изучения его права; изучение всего в целом современного общества, борьбу с которым они поставили целью своей жизни.

Как известно, и Карл Маркс избрал юридический факультет; и это не случайность, что как тот, так и Владимир Ильич, поступая в университет, остановились оба на одном факультете.

О КОКУШКИНЕ¹

В 1887 году, в декабре, числа 6-го или 7-го, Владимир Ильич в сопровождении околоточного надзирателя был привезен из Казани в Кокушкино.

Числа 15 декабря в Кокушкино приехала моя мать, Мария Александровна, с Ольгой Ильиничной и няней Варварой Григорьевной. Я учился в это время в четвертом классе казанской гимназии, зимой был болен, и мать взяла меня с собой в Кокушкино.

Мы с Володей жили в одной комнате, где стояли две койки с обыкновенными жесткими матрацами. Моя кровать была железная, у Владимира Ильича — простая, деревянная. Койки стояли близко к печке. На койках было по одной подушке, и покрывались они сероватыми байковыми одеялами с каймой. Пол простой, из широких толстых досок, некрашенный: на полу лежали половики деревенской работы.

¹ Запись беседы с Дмитрием Ильичем.

В комнате у окна стояли простой рабочий стол Владимира Ильича и несколько стульев. В углу комнаты — верстак; на стене была прибита деревянная рейка, за которую были заложены стамески, долото, коловорот, буравчик и пр. На полке над верстаком лежали фуганок, рубанки.

На столе у Владимира Ильича лежали книги, журналы...

В комнате, где жила Анна Ильинична, стояла кровать и Ольги Ильиничны, которая зимой (1887/88 год) жила в Кокушкине недолго, около полутора месяцев. Обстановка в комнате была простая, на окнах висели на веревочке белые занавески.

В комнате Марии Александровны находилась кровать Марии Ильиничны; в этой комнате была русская печь с плиткой, здесь пекли лепешки и готовили пищу.

В большой комнате дома стояли бильярд и фортепьяно, на котором играли Ольга Ильинична и Мария Александровна, они обе очень любили музыку.

На террасе дома стоял стол, покрытый клеенкой, на террасе были цветы. У дома был большой сад, в саду росли кусты сирени, березы и липы. Беседки в саду не было. Напротив дома стояла трапеция и к ней — наклонная лестница для гимнастических упражнений, которыми любил заниматься Владимир Ильич.

Читать Владимир Ильич в теплую погоду чаще уходил на берег реки Ушни, где и располагался под кустиками в тени.

На реке Ушне была очень неважная купальня, вернее, место, где раздевались перед купанием. Купальня представляла огороженный досками плот, который держался на воде на пустых бочках. Там же была старая лодка, сделанная из досок.

ИЗ САМАРСКОГО ПЕРИОДА (1889—1893 годы)

В АЛАКАЕВКЕ

В начале лета 1889 года наша семья и Владимир Ильич переехали из Казани в Самару и поселились на хуторе близ деревни Алакаевки, где мать купила небольшой участок земли. Мы жили в небольшом деревянном доме, к которому примыкал густой, запущенный сад, отделенный от поля рвом. В северо-западном углу сада был «Володин уголок» — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10—15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до двух часов без перерыва. В течение пяти лет, с 1889 по 1893 год, это был настоящий рабочий кабинет Ильича. Занятия были настолько систематичны, что я с трудом могу вспомнить то утро, когда он не работал там. Шагах в пятнадцати от столика он устроил себе гимнастику, как он назы-

вал — рэк. Это нечто вроде трапеции, только без веревки, круглая, неподвижно укрепленная на двух столбах палка. Владимир Ильич любил в те годы упражняться на рэке; он его устраивал из кленовой, хорошо оструганной палки и укреплял на высоте около сажени, так, чтобы, поднявшись на носки, едва касаться палки концами пальцев. Небольшой прыжок... Хватает палку руками, подтягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезать на рэк не животом, а спиной — долго ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался проделать его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я наконец сбалансировал. Гляди!» И трудный номер удается вполне: Владимир Ильич, тяжело дыша, с довольным лицом сидит на рэке. Номер состоял в том, чтобы, подтянувшись и повиснув на коленках, продвигаться вперед сначала бедрами, а потом спиной, не теряя равновесия, и затем сесть. Мне эта штука так и не далась, хотя, впрочем, я и редко упражнялся на его рэке.

Алакаевка расположена верстах в пятидесяти на восток от Самары. Общий характер местности — степной, но под самой Алакаевкой тогда были леса: крестьянский — под названием «Муравельный» и бывший Удельного ведомства — «Гремячий». Из города в деревню мы часть пути ехали по железной дороге до станции Смышляевка Самаро-Златоустовской железной дороги, другую часть, верст тридцать, — на лошади, на своей Буланке. Довольно часто выезжал на станцию я. Когда приходилось возить Володю, надо было держать ухо востро: он отмечал время по часам и в сухую погоду требовал ехать быстро. Для этого надо было настраивать ленивую Буланку при помощи кнута и все время следить за ней. Править лошадей сам Володя не любил, и вообще у него никогда не замечалось особого пристрастия к ло-

шадям. Вся дорога шла степью и полями, и только под Алакаевкой начинался лес. И какой же чудный воздух был там, особенно после пыльной Самары!

Реки близко от Алакаевки не было, но вблизи дома находился большой пруд, сильно заросший, особенно по берегам, водяными растениями. Сюда мы ходили раза по два в день купаться, для чего у нас была приспособлена на чистом месте дощатая раздевалка. Володя хорошо умел плавать и артистически лежать неподвижно на воде, подложив руки под голову. Я ходил на пруд ловить карасей и стрелять уток. Ильич не любил рыбной ловли, а охоту признавал только тогда, когда она соединялась с хорошей прогулкой. Поэтому на охоту в алакаевский период мы ходили с ним в соседние леса, главным образом за тетеревами.

Однако Володя чаще предпринимал прогулки без ружья, ходил один, или с кем-нибудь из нас, или компанией с сестрами, с матерью, с Марком Елизаровым, когда последний живал в Алакаевке.

По вечерам обычно Владимир Ильич и все мы устраивались на терраске вокруг большой лампы, около которой в изобилии кружились ночные бабочки и жуки. Кто читал, кто играл в шахматы. Здесь я видел у Володи Рикардо на английском языке, которого он читал при помощи словаря. Затем Гизо в русском переводе — «История цивилизации во Франции», многотомный труд, который он брал, кажется, в Самарской городской библиотеке.

В Самаре в эти годы жил В. В. Водовозов — сын известной писательницы Е. Н. Водовозовой, автора книги «Жизнь европейских народов». Перед Самарой Водовозов был в административной ссылке в Шенкурске, Архангельской губернии. В первое время нашей жизни в Самаре он частенько заходил к нам, но потом почти перестал бывать. Владимир Ильич недолюбливал его. У этого Водовозова была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкапами, все книги были чистенькие, в новых перепле-

тах. Он очень дорожил своей библиотекой, и казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией. К нему приходилось заходить не из-за него самого, а из-за его книг. Мне передавали, что, когда старший брат, Александр Ильич, был арестован по обвинению в покушении на жизнь царя, первыми словами Водовозова были: «Ах, как жаль, он взял у меня такую-то ценную книгу, она, пожалуй, теперь пропадет...»

Как-то в начале 90-х годов был уволен со службы некий губернатор Косич (кажется, саратовский); про него говорили, что он был большой либерал и благоволил к политическим ссыльным. Об этом, в частности, рассказывал Водовозов, и от него и его группы исходило предложение поднести адрес названному Косичу от политических и вообще левых элементов. Это предложение вызвало споры в Самаре. Когда же Ильич узнал о нем, он категорически и очень резко высказался против. Так, кажется, и не был поднесен адрес.

Из товарищей брата по самарскому периоду хорошо помню Скляренко Алексея Павловича, Лалаянца Исаака Христофоровича, которого Марк Тимофеевич Елизаров прозвал «Колумбом» — он так и остался под этой кличкой в последующие годы революционной работы, — Июнова Вадима Андреевича, рано умершего. Помню также Марию Петровну Голубеву, часто бывавшую у нас и принимавшую живое участие в спорах на политические темы.

У Скляренко гимназисты и семинаристы старших классов получали полулегальную литературу: Писарева, Чернышевского и т. п. Он для нас, юнцов, был окружен какой-то особой таинственностью. Внешностью он также импонировал нам — высокий, сильный, неразлучная суковатая палка и темное пенсне.

Владимир Ильич в эти годы много работал по статистике крестьянского хозяйства. Статистические данные (распределение крестьянских хозяйств на группы по количеству рабочего скота, размеру посева, аренды земли и пр.) говорили о росте экономического неравенства в крестьянской среде, о расслоении крестьянства на состоятельную, экономически крепкую группу и бедноту, на сельскую буржуазию и пролетарскую или полупролетарскую массу крестьян. Эти выводы разбивали народническую утопию об однородности крестьянства, они доказывали с очевидностью факт развития капитализма в России. Эти выводы подтверждали правильность марксистской линии в политике русских революционеров...

* * *

...Владимира Ильича в Самаре часто можно было видеть за разработкой статистических материалов. Он доставал земские статистические сборники, где сосредоточивались сырые цифровые данные о крестьянских хозяйствах, производил выборки, часами щелкал на счетах и подсчитывал в процентах. Подойдешь, бывало, к его письменному столу и в таблицах видишь бесконечные графы: «безлошадные, однолошадные, двухлошадные, многолошадные», столько-то хозяйств, затем то же в процентах. Далее опять крестьянские хозяйства по другим экономическим признакам, снова цифры, проценты и т. д. В результате видишь, примерно 10 процентов богатых крестьян, 20 процентов бедноты и т. п.

Как-то по Самаре разнесся слух, что Вадим Андреевич Ионов арестован, отвезен в Питер по распоряжению департамента полиции и посажен в Петропавловскую крепость. Недели через две-три Ионов, однако, как ни в чем не бывало вернулся в Самару. В чем было дело, никто ничего не знал, так как Ионов упорно отмалчивался. Значительно позже мне рассказал Владимир Ильич, что у Иопова самарские жандармы нашли при

обыске какую-то его рукопись и по распоряжению департамента полиции отправили его в сопровождении двух полицейских агентов в Питер. Ионову в пути удалось заметить, что рукопись находится в чемоданчике полицейских спутников. На последнем перегоне из Москвы в Питер Ионов ночью притворился спящим. Один из агентов спал, другой дежурил и не ложился; в коридоре топилась железная печурка (в те времена на железных дорогах не было еще центрального отопления). Дежурный агент «клевал носом», а под утро захрапел сидя. Через несколько минут Ионов крепко заснул, а злополучная рукопись догорала в печке.

В Самаре мы жили зиму 1889/90 года в доме Каткова на Заводской улице под горой у самого берега Волги. Красный каменный дом, снимали весь второй этаж.

С мая 1890 года до отъезда из Самары в августе 1893 года жили на углу Сокольничьей и Почтовой улиц в доме Рытикова, деревянный двухэтажный дом. Верхний этаж снимали мы, комната Владимира Ильича выходила на Почтовую (север), третье окно от угла. Здесь Владимир Ильич болел тифом сравнительно в легкой форме, очевидно так называемым теперь паратифом, помнится, осенью 1890 года.

Из знакомых брата помню *Скляренко* Алексея Павловича, *Ионова* Вадима Андреевича, *Лалаянца* Исаака Христофоровича, *Голубеву* Марию Петровну (теперь *Яснева*). Семенова плохо помню, он, кажется, редко бывал у нас...

Об Ионове много говорили в связи с его арестом и отправкой в Питер.

СЛУЧАЙ С КУПЦОМ АРЕФЬЕВЫМ

В начале 90-х годов мы жили всей семьей в Самаре вместе с матерью. Владимир Ильич был помощником присяжного поверенного. Мы с Марией Ильиничной учи-

лись в гимназии. С нами жили также Анна Ильинична и ее муж Марк Тимофеевич Елизаров, занимавший какое-то небольшое место, помнится, в казенной палате.

Летом 1892 года Владимир Ильич вместе с Елизаровым был в Сызрани. Оттуда они собрались проехать на несколько дней в деревню Бестужевку, где брат Марка Елизарова крестьянствовал. Для этого надо было проехать на левый берег Волги.

В то время в Сызрани переправу через Волгу монополично арендовал богатый купец Арефьев. У него был небольшой пароходик с баржей, на которых перевозились и люди, и лошади, и повозки. Купец запрещал лодочникам заниматься переправой, ревниво оберегая свои монопольные права. Поэтому каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его лодку по распоряжению Арефьева нагонял пароходик и отвозил всех обратно.

Владимиру Ильичу не хотелось ждать перевоза, и он уговорил Марка Елизарова ехать на лодке. Лодочники не соглашались везти, боясь купца и заявляя, что все равно он воротит их обратно. Однако Владимиру Ильичу удалось-таки уговорить одного из них поехать, причем он энергично доказывал, что если Арефьев вернет лодку, то будет предан суду за самоуправство.

Сели в лодку и двинулись на перевал. Арефьев, увидев с пристани, где он сидел за самоваром на балконе, крикнул Марку, с которым был знаком как земляк:

— Бросьте, Марк Тимофеевич, эту затею. Ведь вы знаете, что я за переправу аренду плачу и не позволяю лодочникам перевозить на ту сторону. Идите лучше со мной чай пить и знакомого вашего ведите. Все равно поедете на пароходе, велю вас воротить.

Владимир Ильич стал настаивать, теперь еще более решительно, продолжать путь и не слушать самодура. Лодочник уныло говорил:

— Все равно воротит, зря едем, сейчас пароход нагонит, баграми нас к борту, и вас ссадят на пароход.

— Да поймите вы, — сказал Владимир Ильич, — что

он не имеет права этого делать. Если он лодку задержит и силой заставит нас вернуться, будет сидеть в тюрьме за самоуправство.

— Сколько раз он так проделывал, и никогда суда не бывало. Да и кто станет с ним судиться: очень большую силу забрал в Сызрани, и судьи-то у него, должно быть, все свои. Он, слышь, откупил Волгу у города, аренду платит, а нам вот что хочешь, то и делай.

Лодка по настоянию Владимира Ильича продолжала свой путь на левый берег, хотя было совершенно ясно, что Арефьев приведет свою угрозу в исполнение. Едва лодка достигла середины реки, послышался свисток пароходика, который, отцепив баржу, быстро погнался за лодкой.

— Ну вот вам и переехали, — произнес лодочник. — Сейчас обратно поедете. И никакой суд ничего сделать не может, он всегда правый будет.

Пароход, догнав лодку, остановил машину. Два-три матроса, привычно работая баграми, подтянули лодку к борту и предложили пассажирам перебраться на пароход.

Владимир Ильич стал разъяснять служащим, что они не имеют права задерживать их и будут преданы суду за самоуправство, за что грозит тюрьма.

— Никакого значения, — доказывал он, — не имеет то обстоятельство, что Арефьев арендовал переправу через реку, это его дело, а не наше, и это ни в коем случае не дает права ни ему, ни вам бесчинствовать на Волге и силой задерживать людей.

На это капитан возразил:

— Ничего мы не знаем: нам приказал хозяин парохода, и мы обязаны слушаться и исполнять его распоряжения. Пожалуйста, пересаживайтесь, мы не дадим вам ехать дальше.

Пришлось подчиниться. Но Владимир Ильич сейчас же записал имена и фамилии всех служащих, принимавших участие в задержке лодки, а также лодочника и других свидетелей.

На сызранском берегу пришлось ждать некоторое время перевоза, и опять слышно было, как Арефьев в победном тоне продолжал свои рассуждения о том, что он платит аренду, что лодочники не имеют права перевозить на тот берег, а потому он задерживает лодки и возвращает людей обратно.

Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, что купец действует незаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам. Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы.

Нужно было Владимиру Ильичу столкнуться всего на несколько часов с этим стоячим обывательским болотом, чтобы основательно встряхнуть его, наказать главного виновника и научить лодочников, как надо бороться за свои права.

По возвращении через несколько дней в Самару Владимир Ильич подал жалобу на Арефьева, обвиняя его в самоуправстве. Суть дела была ясна до очевидности, ни один юрист не мог рассматривать его действия иначе как самоуправство, а за самоуправство по тогдашним законам полагалась тюрьма без замены штрафом.

Однако добиться этого Владимиру Ильичу стоило еще немало хлопот. Дело разбиралось у земского начальника где-то под Сызранью, верст за 100 от Самары, куда должен был поехать Владимир Ильич в качестве обвинителя. Несмотря на совершенную ясность дела, земский начальник под каким-то предлогом отложил разбор дела. Второй раз, уже холодной осенью, дело было вновь назначено к слушанию. Владимир Ильич опять поехал туда, но и на этот раз при помощи разных формальных крючкотворств земский отложил дело.

Очевидно, Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело. Ему и его защитникам казалось, что бросит же наконец этот бес-

покойный человек ездить за сотню верст без всякой для себя выгоды, без всякой пользы, с их точки зрения. Не знали они, что этот человек не меряется обычной меркой, доступной их пониманию, что, чем больше препятствий встречает он на своем пути, тем тверже и непреклоннее становится его решение.

На третий разбор дела Владимир Ильич получил повестку уже зимой, в конце 1892 года. Он стал собираться в путь. Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояли бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать.

Действительно, в третий раз земскому начальнику не удалось отложить решение дела: он и защитник Арефьева встретили во Владимире Ильиче серьезного противника, хорошо подготовившегося к предстоящему бою, и земский начальник волей-неволей вынужден был согласно закону вынести приговор: месяц тюрьмы.

Года два спустя после описанной истории я, проезжая в поезде близко от Сызрани, случайно встретил в вагоне одного из сызранских знакомых Марка Елизарова. В разговоре он расспрашивал про него и его семью и чрезвычайно интересовался Владимиром Ильичем.

— А ведь Арефьев-то просидел тогда месяц в арестном доме. Как ни крутился, а не ушел. Позор для него, весь город знал, а на пристани-то сколько разговора было. До сих пор не может забыть.

ШАХМАТЫ

Играть в шахматы Владимир Ильич начал лет восьми-девяти. Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом, Александром Ильичем, затем впоследствии с нами, меньшими, — сестрой Олей и со мной.

Для меня он был учителем, и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно.

У Владимира Ильича было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать, взялся за фигуру — ею и ходи. У любителей это правило очень часто нарушается, ходы берутся назад, положения переигрываются. Этот скверный обычай страшно портит и игру, и игрока. Вместо того чтобы, не касаясь фигур, продумывать тщательно различные ком-

бинации, что и дает интерес игре, приучает точно рассчитывать за несколько ходов вперед, люди тыкают фигуры, не подумав, торопятся, придают игре нервность, азарт.

Помню как анекдот следующий случай на шахматном вечере в Самаре. Играли на нескольких досках, некоторые наблюдали за игрой. За одной из досок сидели двое толстяков, брали ходы назад, спорили, горячились, шумели.

Один нечаянно подставил под бой свою королеву, другой в мгновение ока схватил ее и сжал в кулаке. Поднялся невообразимый шум и крик, оба вскочили из-за стола, и потерпевший старался отнять свою фигуру. При общем хохоте Владимир Ильич крикнул: «Спрячьте ее в карман!»

Он обыкновенно играл серьезно и не любил так называемых «легких» партий. Играя со слабейшими игроками, чтобы уравновесить силы, давал вперед ту или другую фигуру. Когда же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич обычно заявлял: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться». Он даже предпочитал быть несколько слабее того, кому давал вперед.

Когда без туры я стал выигрывать у него чаще и просил перейти на коня, он поставил условие: «Выиграй подряд три партии, тогда перейдем».

Обычно наблюдается обратное — больше нравится выигрывать, хотя бы и без особых усилий и труда. Владимир Ильич смотрел иначе: у него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые. Бывало, когда сделаешь в игре глупость и этим дашь ему легкий выигрыш, он говорил, смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл».

Пятнадцать лет Владимир Ильич стал обыгрывать отца. Помню, как Илья Николаевич (зимой 1885/86 года), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с NN и с ним играть» (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске. У нас он не бывал).

Летом 1886 года Владимир Ильич много сражался в шахматы со старшим братом, Александром. Они объявили между собой матч. Каковы были условия матча и результаты его, я, к сожалению, не помню. Борьба была ожесточенная, оба молча сидели, часами не отрываясь от шахматной доски. Для меня тогда их игра была совершенно непонятна, слишком трудна, к тому же у них за игрой не было ни споров, ни азарта, что могло бы привлечь малейшее внимание, ни даже каких-нибудь разговоров.

О силе их игры в то время можно судить отчасти по следующему факту. Тем же летом Александр Ильич, живя в Кокушкине, Казанской губернии, с успехом играл, «не глядя на доску», с игроком, которому тогдашняя первая категория в Казани давала ладью вперед. Интересно, что одновременно с этой шахматной партией «не глядя» Александр Ильич играл на бильярде в пять шаров и вел счет своим очкам.

Во время своего состязания братья играли только по вечерам. Несмотря на то что это было в каникулярное время, когда оба они были свободны, я не помню ни одного случая, чтобы они играли в шахматы до обеда. Утренние часы посвящались серьезным занятиям. Поэтому, этот факт чрезвычайно показателен и характерен для них обоих, особенно если вспомнить, что старшему было 20 лет, а Владимиру Ильичу — всего 16.

В это лето, первое после смерти отца, мы занимали одну половину нашего дома (по Московской улице), ту, которая к Свияге, другая же, к центру города, сдавалась квартирантам. Там внизу, в маленькой комнатке, обра-

щенной во двор, и происходило обычно шахматное состязание между старшими братьями.

Вспоминаю, между прочим, такой случай: они сосредоточенно сидели в этой комнате за шахматной доской, освещенной лампой, окно было открыто, но засетчено проволочной сеткой. Мы, ребята, играли во дворе и в освещенное окно видели неподвижные и молчаливые фигуры шахматистов. Одна девочка лет двенадцати подбежала к окну и крикнула: «Сидят, как каторжники за решеткой»... Братья быстро обернулись к окну и серьезно посмотрели вслед убежавшей проказнице. Настоящей железной решетки они еще не знали, но, должно быть, она уже чувствовалась ими как что-то неминуемое и совершенно неизбежное в те времена.

Зимой 1888/89 года Владимир Ильич много играл в шахматы и ходил в клуб с одним из двоюродных братьев. Тогда мы жили в Казани на Первой горе, в доме Орлова. Однажды в то время Владимир Ильич попробовал свои силы, «не глядя на доску». Он позвал меня к себе в комнату и сказал, что, не давая ничего вперед, будет играть со мной, не глядя на шахматы. Никогда не видевши такой игры и полагая, что это чрезвычайно трудная штука, я уверенно уселся за шахматы и решил сбивать его необычными ходами и разными «шпильками», авось не заметит. Он уселся на кровать и стал диктовать свои ходы. Несмотря на все свои выкрутасы, я был разбит очень скоро в пух и прах. Вообще же Владимир Ильич не любил играть «не глядя», и в дальнейшем я уже не помню таких партий. Следует, между прочим, сказать, что этот способ игры, несмотря на свою эффективность, чрезвычайно вреден, качество игры безусловно понижается, и в то же время требуется большое напряжение мозга.

В ту же зиму Марк Тимофеевич Елизаров организовал партию по переписке между Владимиром Ильичем и сильным самарским шахматистом А. Н. Хардиным. Ходы передавались по почте, обыкновенно открытками. После

одного своего хода Владимир Ильич, ожидая ответного письма, несколько раз расставлял шахматы и говорил: «Интересно, что же он теперь сделает, как выпутается из этого положения, я, по крайней мере, не нахожу удовлетворительного ответа»... Пришел наконец ответ, которого долго ждали... Немедленно были расставлены шахматы. Мне, уже заинтересовавшемуся их игрой, ход Хардина казался нелепым. Владимир Ильич вначале тоже недоумевал, но потом очень скоро продумал положение и сказал: «Нда, это игрок — чертовская сила!» Нужно сказать, что Хардин был действительно очень крупной шахматной величиной. В 80-х годах он побил лучших московских игроков, а затем с большим успехом состязался с Чигориным¹. Хотя Хардин и не выступал на больших турнирах, Чигорин считал его одним из лучших шахматистов в России... Владимир Ильич партию по переписке проиграл, затем, после переезда из Казани в Самару (весной 1889 года), лично познакомился с Хардиным, и тот давал ему первое время коня вперед. Через год-два Владимир Ильич стал побеждать, и они перешли на пешку и ход, но при таком соотношении Владимир Ильич чаще проигрывал.

Андрей Николаевич Хардин был присяжным поверенным и страстно любил шахматы. Он выписывал массу иностранной шахматной литературы и мог часами просиживать один за доской. По его словам, он выучился хорошо играть благодаря тому, что, попав куда-то в глушь и имея много досуга, целыми днями просиживал за шахматной литературой и теорией этой игры. В течение приблизительно года или немного больше он ни с кем не играл, а после этого сидения, встретившись с Чигориным, показал себя первоклассным игроком.

Зиму 1889/90 года мы жили всей семьей в Самаре на Заводской улице, в доме Каткова, у самой Волги; в это

¹ М. И. Чигорин — выдающийся шахматист, основатель русской школы шахматной игры.

время Владимир Ильич, больше чем когда-нибудь, увлекался шахматами. Он играл главным образом с Хардиным, но также и с другими самарскими шахматистами. Был организован турнир с участием восьми—десяти человек. Играли, давая фигуры вперед, так как участники были разной силы. В первой категории (разряде) был один Хардин, во второй—Владимир Ильич и еще один игрок, остальные—в третьем и четвертом разрядах. Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей. Никакой вещи они не купили, а один из участников принес призеру эти деньги. Владимир Ильич категорически отказался их взять, и по его предложению они были пожертвованы на что-то.

Владимир Ильич любил бывать у Хардина—первое время больше из-за шахмат, а потом, когда он сдал экзамены по юридическому факультету и записался у Хардина помощником присяжного поверенного, их связывали также общие дела судебного характера.

Лучшего партнера в шахматы, чем Хардин, нечего было и желать, и Владимир Ильич, конечно, мог бы скоро сравняться с ним и пойти дальше, если бы он серьезно взялся за шахматную литературу, если бы, например, летние месяцы, которые он в эти годы проводил в деревне Алакаевке, он посвятил шахматам и теории этой игры. При своей систематичности, настойчивости и по своим умственным силам он бы в несколько лет сделался крупнейшей шахматной величиной, это несомненно. Но Владимир Ильич всегда относился к шахматам только как к развлечению, к игре. Вспоминаю, как я, находясь в гимназии под гнетом идиотской латыни и греческого языка, сказал ему как-то за игрой, что лучше бы вместо этих древностей в гимназии ввели шахматы для упражнения мозга. «Ну, этим ты поправишься, как говорится, из кулька в рогожку; не надо забывать, что шахматы все-таки только игра, а не дело». К шахматной литературе, как известно очень обширной, Владимир

Ильич почти не прикасался, если не считать концов партий, которые он хорошо знал, и некоторых общеупотребительных в то время дебютов. Во всяком случае, он никогда не пробовал изучать теорию шахмат систематически, что совершенно необходимо для каждого крупного игрока.

Здесь сказывается его общность в оценке шахмат с Карлом Марксом и Вильгельмом Либкнехтом, которые тоже увлекались этой игрой в свое время. В воспоминаниях о Марксе В. Либкнехт, отец известного Карла Либкнехта, писал: «Вообще, шахматная игра отошла у нас на задний план, так как мы снова приступили к правильным занятиям. Сам я, пользовавшийся в нашем маленьком кругу славой шахматного игрока, убедился в верности лессинговского приговора о шахматной игре: «Для игры — слишком много серьезности, для серьезности — слишком много игры». Я был приглашен на состязание известными игроками; в их обществе, обществе специалистов, я скоро узнал, что открытые мною ходы, которыми я гордился, уже сотни лет до меня были известны; я очутился в положении того крестьянина с Пиренеев, который во времена Людовика-Филиппа вновь изобрел изобретенные уже 4 века тому назад башенные часы. Я узнал, что существует большая шахматная литература и что я, если хочу преуспевать в шахматной игре, должен изучить эту литературу и совершенно отдался шахматам. Но сделать шахматы задачей жизни — на это я не мог решиться...»

...Когда Владимир Ильич жил в Алакаевке, утро было занято более серьезной работой. В старом запущенном саду среди густой листвы у него были стол и скамейка, там раскладывались с раннего утра книги, рядом была утоптанная дорожка шагов в 10—15, по которой он шагал, обдумывая прочитанное. Ни о каких шахматах, ни о каком развлечении здесь не могло быть речи. Здесь нужно было работать, учиться, готовить себя не для шахмат, а для другой, более серьезной борьбы. За все

пять лет, которые мы провели в Алакаевке, я с трудом могу вспомнить три-четыре дня, когда Владимир Ильич нарушил свой порядок и изменил своему столику в саду с книгами и утоптанной дорожке...

Последний раз я играл с Владимиром Ильичем в 1903 году в Женеве. Дома у него не оказалось даже шахмат, мы нашли какую-то кофейню, где и уселись за игру. Владимир Ильич спросил меня, что я буду пить; я высказался за мюнхенское пиво. Он подозвал кельнершу и заказал кружку пива и стакан черного кофе. «Пива что-то не хочется», — сказал он с хитрым огоньком в глазах...

Играли четыре с лишним часа одну партию, при том так сосредоточенно, что окружающие начали под конец посмеиваться над нами.

После революции Владимир Ильич почти совершенно не играл в шахматы, говоря, что это слишком утомительно; он предпочитал в свободное время городки, прогулки, охоту.

«БЕССМЕРТНАЯ ПАРТИЯ» ЛЕНИНА

В августе 1893 года, расставшись навсегда с Самарой и Волгой, мы ехали на пароходе в Нижний — мать, Анна Ильинична, Мария Ильинична и я направлялись в Москву, Владимир Ильич — в Питер. Поездка была превосходная, какая-то радостная и светлая. Впереди чувствовалось что-то большое, красивое, необъятное.

Я читал Добролюбова и беседовал с Владимиром Ильичем о Роберте Оуэне. Под шум колес уселись удобно... на палубе за шахматы. Рассматривали, между прочим, известную партию Андерсена, названную за свою красоту и силу «бессмертной».

Родные волжские берега бежали назад, оставались позади. Для Владимира Ильича оставались позади первые страницы его жизни, страницы учебы и подготовительной работы. Впереди рисовалось большое дело революционной работы, основные вехи которой были им уже

намечены. Страница перевертывалась, и начиналась новая глава великой книги. Пароход резал тихую гладь реки...

Для Владимира Ильича было уже все ясно. Он уже тогда отчетливо наметил основные вехи будущей работы. До сих пор он вооружался, готовился к бою, теперь ему предстояло начать этот бой, начать ту войну против царизма и капитализма, которой он потом посвятил всю свою жизнь, все свои силы без остатка, весь гений своей души. «Шахматы» были расставлены, и надо было начинать «гамбит», в котором жертвуется не пешка, не деревянный конь или слон, а вся жизнь игрока. Противник колоссально силен, предстоит страшно упорная борьба, борьба долгая на много-много лет, на всю жизнь.

Мало пожертвовать самого себя — многие тысячи жертвовали собою, начиная «гамбит» против царизма. Решаясь на это, необходимо понять, что для выигрыша «партии» надо одухотворить неподвижные фигуры, заставить их мыслить и действовать, надо организовать разрозненные их силы, объединить их в единой воле, надо единому порыву их против «черного короля» и его присных, против всей системы царизма и капитализма взять в сильные руки «маэстро» — вождя. И, смяв противника на одном фланге, использовать положение для полного и окончательного разгрома его, довести «партию» до полного «мата».

«Шахматы» были расставлены, «маэстро» начинал великую «партию» против всех и всяческих «черных королей» и угнетателей народов. «Партия» кончилась блестящей победой, и трудящиеся всего мира могут с гордостью назвать ее «бессмертной партией» Ленина.

ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ

Мальчиком Владимир Ильич учился играть на рояле. У него, по словам матери, был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки.

Однако, поступив в гимназию, он в первых же классах совершенно бросил рояль. Почему? Во всяком случае, не гимназические занятия и вечернее приготовление уроков были этому причиной. У Владимира Ильича были прекрасные способности, и учение в гимназии давалось ему чрезвычайно легко. В младших классах он почти не готовил уроков по вечерам, так как все необходимое усваивал в классе при объяснениях учителя, при этом получал по всем предметам пятерки. Мать рассказывала впоследствии, что Илья Николаевич, отец наш, говорил ей даже о своем опасении, как бы Володя не изленился благодаря своим исключительным способностям.

Вернее всего, что причиной того, почему Владимир Ильич бросил рояль девяти или десяти лет, были рутин-

ные взгляды того времени, что на рояле должны учиться играть девочки, а для мальчиков это занятие неподходящее. Трудно допустить, конечно, чтобы отец смотрел таким образом, но возможно и вероятно, что он все же и не поощрял Владимира Ильича к музыке, а тот как-нибудь стороной, может быть от товарищей по гимназии и т. п., уловил и воспринял этот взгляд. Кроме того, старший брат Александр Ильич не играл на рояле, и это также могло оказать влияние на Владимира Ильича.

Вспоминаю случай, имевший место в том же Симбирске, где учился Владимир Ильич, годами десятью позже. Знакомый мальчик, сын педагога, увлекся роялем. Отец мальчика не только не поощрял сына в этом занятии, но прямо запретил ему играть на рояле. Это, однако, не остановило юного музыканта, и он тайно от отца, при поддержке матери скоро обогнал в музыке свою старшую сестру и стал прекрасным пианистом.

Как бы то ни было, Владимир Ильич бросил рояль, и только мать очень жалела об этом и не раз говорила, как он хорошо играл для своего возраста.

В 1883/84 году мне подарили гармонику. Ни я, ни старшая сестра, Ольга Ильинична, не умели приступить к этому инструменту, и только Владимир Ильич быстро освоился с ним и подобрал несколько мотивов, в том числе довольно удачно «Вот мчится тройка удалая вдоль по дорожке столбовой». Вообще же гармоника не заинтересовала его.

Зимой 1888/89 года в Казани я был с Владимиром Ильичем в опере. Ставили «Дочь кардинала»¹. Места наши были где-то высоко на галерее. Мне очень ярко врезался в память этот вечер. Помню, как мы пешком возвращались из театра, как ужинали дома молоком с хлебом, не хотелось спать. Владимир Ильич все время находился под впечатлением услышанной музыки, напевал «Рахиль, ты мне дана...», еще что-то и главным образом другую

¹ Опера французского композитора Ж.-Ф. Галеви.

арию Елеазара: «Христиан я ненавижу, их решил пре-зирать, но теперь я прибыль вижу — можно денежки до-стать!» Это место ему особенно понравилось, и дома за ужином он тихо, так как другие спали, все время по-вторял его.

В этот вечер Владимир Ильич был в чрезвычайно при-поднятом настроении, что объяснялось, по-видимому, тем обстоятельством, что он из глухой деревушки, где находил-ся под гласным надзором полиции (Кокушкино, Лаишев-ского уезда, Казанской губернии), попал в оперу.

Все, кто близко знал Владимира Ильича, помнят, как менялось у него настроение: то веселый, смеющийся зара-зительно, как ребенок, увлекающий собеседника быстрым бегом своей мысли, хохочущий без конца, до слез, то мрачно сдержанный, строгий, ушедший в себя, сосредото-ченный, властный, бросающий короткие, резкие фразы, уг-лубленный в разрешение какой-то трудной, важной задачи.

В 1888—1890 годах Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, име-ла голос и умела петь. О ней мало известно, между тем в годы детства и юношества это был самый близкий, луч-ший товарищ Владимира Ильича. Она была моложе брата на полтора года, но не отставала от него по развитию. Восемнадцати лет она владела немецким, французским, английским и шведским языками. Шведский она изучила с той целью, чтобы ехать учиться в Финляндию в высшее учебное заведение (преподавание велось на шведском язы-ке). Она читала массу книг, серьезные — конспектировала, приступила к изучению первого тома «Капитала» Маркса, любила математику, которую знала для своего возраста прекрасно. Она отличалась редким трудолюбием и отры-валась от книг только для музыки, которую очень люби-ла, но и музыкой она занималась серьезно (в Казани учи-лась в музыкальной школе роялю и теории музыки). Про Ольгу Ильиничну можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. В мае 1891 года она умерла от брюшного тифа.

Владимир Ильич поражался ее трудолюбию и способностям.

Они пели дуэтом «Нелюдимо наше море». И помню последний куплет:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

Любил Володя «Свадьбу», кажется Даргомыжского:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь средь мрачного бора!

Затем он пел «Чудесные глазки». Слова Гейне: «Du hast Diamanten und Perlen...»:

У тебя есть алмазы и жемчуг,
Все, что люди привыкли искать,
И еще есть прелестные глазки,
Милый друг, чего больше желать...

Дальше:

Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего ж больше искать.

«Погибаю» — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, вытянув ее: «Уже погиб, погиб совсем». В его репертуаре была еще песня: «Так и рвется душа из груди молодой, просит воли она, просит жизни другой». Далее в песне оказывалось, что «воля и другая жизнь» — это сидеть вместе с милым дружкой и т. д. и т. п. Владимир Ильич смеялся: «Вон, оказывается, куда душа-то рвется!» Но, как говорится, из песни

слова не выкинешь. Пелось ведь не для этого, не только для слов. Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаля, высокий подъем, призыв!

Он пел в это время также арию Валентина из «Фауста»¹: «Бог всеильный, бог любви...» Пел то, что положено по нотам, произнося те слова, которые нельзя выкинуть из песни, но одно место из этой арии у него вышло лучше, красивее — конечно, не благодаря его голосу, а потому, что он невольно вкладывал в это частицу своего боевого духа:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

И постоянно, когда я слушал, и теперь, много лет спустя, слушая арию Валентина в опере, на концерте и т. д., мне всякий раз вспоминается далекое время, как Владимир Ильич пел это место.

Летом 1889 или 1890 года я в первый раз услышал «Интернационал». Тот «Интернационал», который теперь знают все, который тогда в России, можно сказать, не знал никто. Было это на хуторе около деревни Алакаевки, Самарской губернии. Ольга Ильинична играла на рояле и закончила свою музыку «Марсельезой». Я подбежал к роялю и просил ее повторить. Вдруг неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам и сказал, что надо спеть «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски: «*Debout, les damnés de la terre! Debout, les forçats de le faim...*» На мою просьбу перевести Владимир Ильич спел: «Вставайте, каторжники мира...» — и затем:

¹ Из оперы Ш. Гуно «Фауст».

Это будет последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Некоторое время они путались с припевом, но потом наладились.

Мария Ильинична говорила мне, что в это время, в начале 90-х годов, Владимир Ильич выражал сожаление, что он не научился играть на рояле или на скрипке.

Гимназистами в старших классах в Самаре мы пели хором обычные, ходовые в то время песни, вроде «Коперника», «Быстры, как волны», «Из страны далекой» и т. д. Владимир Ильич добавил нам куплет к «Копернику»: «Монах стучится в двери рая, апостол Петр ему в ответ: «Куда ты, харя проклятая, здесь для тебя ведь места нет». Кто-то из товарищей научил нас новой песне:

Молодой кузнец гуляет
Вдоль по кузнице своей,
Себе молот выбирает
И зовет своих друзей.
Стук, стук, стук!
Стук, стук!
В десять рук, в десять рук!
Приударим, братцы, вдруг!

Владимир Ильич неожиданно захлопал из своей комнаты, где сидел за работой, и просил повторить. Мы, весьма польщенные его похвалой, повторили и спели также другой куплет из той же песни: «Богач золотом гордится и не терпит бедняка, а бедняк день-ночь трудится из-за насущного куска». Мотив песни веселый, бравурный. После я несколько раз слышал, как Владимир Ильич насвистывал его.

Он насвистывал особенно, сквозь зубы, при едва открытом рте. Вероятно, многие помнят это насвистывание, чрезвычайно характерное у него. Насвистывал он только тогда, когда был в веселом или хорошем настроении. При игре в шахматы, когда его дела шли хорошо или он

выдумывал хорошую, красивую комбинацию, он задорно, смеющимися глазами смотрел на партнера и, улыбаясь, продолжал насвистывать.

В начале 1900 года Владимир Ильич, вернувшись из сибирской ссылки, привез оттуда, между прочим, новые революционные песни. Любимой его в то время была «Вековые устои»:

Вековые устои качнулись,
Пошатнулся старинный уклад
С тех пор, как от сна мы проснулись
И сбросили старый наряд.

Припев:

Встань, поднимайся, рабочий народ!
Встань на врага, люд голодный.
Раздайся, раздайся, клич мести народной,
Вперед, вперед, народ!

И сила и мощь капитала
По стране разлилися родной,
К фабрикантам дворянство пристало,
Им служит сам царь головой.

Припев.

Но, теснимый кругом капиталом,
Стал умнее рабочий народ,
Вся та клика в смятенье немало
Скоро песни не те запоем.

Припев.

Беспольные смолкнут проклятья,
Смолкнет плач наших жен и детей,
Все рабочие встанут, как братья,
За свободу отчизны своей!

Припев.

И поднимется красное знамя,
Не помогут тюрьма и штыки.
Разгорится мятежное пламя,
Побегут перед нами полки.

Припев.

Другую песню Владимир Ильич называл «Туруханской», так как слова ее принадлежат, очевидно, туруханским ссыльным, мотив ее старый, кажется, украинский.

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В шуме ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, други, смело,
И над долей злой
Песней насмеемся
Удалой!

Там в России люди очень пылки,
Там к лицу геройский им наряд,
Но лишения, годы долгой ссылки
Скоро позолоту соскоблят.

И глядишь, плетется
Доблестный герой
В виде мокрой курицы
Домой.

Утомляют нас годы лишений,
Стоит ли до старости дожить,
Чтоб у юных, дерзких поколений
Чудом ископаемых прослыть...

Без расчета тратьте
Сил своих запас.
Все равно Сибирь
Схоронит нас.

Пусть же, други, сей науки трудной
С полным мы успехом курс пройдем,
А творцов системы этой чудной
Словом благодарным помянем.

В день победы нашей
Отблагодарим —
Гильотиной знатной
Их почтим...

Владимир Ильич пел в это время также польские революционные песни: «Красное знамя» («Червоны штандар»), «Варшавянку» и менее известную «Время настало в темной России, дружно, рабочий, выступи в бой!..». Он говорил в то время, что у нас нет еще своих рабочих,

революционных песен, так как рабочее движение еще слишком молодо, нет еще массовых политических выступлений, как в Польше и на Западе. Но такие песни должны быть, и, пока они не сложатся в ходе борьбы, нужно распространять переводные польские и пр.

В последние годы, перед своей болезнью, Владимир Ильич как-то не интересовался уже музыкой. Я почти не помню, чтобы он ездил в оперу или на концерт. Казалось бы, что именно в это время, при его крайне напряженной работе, музыка могла бы дать известный отдых, несколько отвлечь его внимание, приостановить, хоть совсем ненадолго, нечеловеческую работу мозга и его артерий.

Но именно здесь его целеустремленность достигла крайних пределов, внимание целиком было сосредоточено на одном деле, отвлечь или ослабить его было нельзя.

Как-то он собрался в Колонный зал, где предстоял вечер с концертным отделением при участии Шаляпина. Владимир Ильич не собирался выступать, а поехал с единственной целью — встряхнуться. Однако, несмотря на то что программу изменили и Шаляпина пустили первым, Владимир Ильич не дождался конца его пения и уехал домой...

Во время болезни Владимира Ильича его часто возили в кресле по парку. Иногда, как мне передавали близкие товарищи, он тихо насвистывал что-нибудь. Между прочим, слышали у него напев «Долины Дагестана»¹:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

¹ Романс М. А. Балакирева на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон».

СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ В МОСКВЕ

(1893—1898 *годы*)

Весной 1893 года я окончил гимназию. Летом мы жили, как и в прежние годы, на хуторе Алакаевка, но, так как я подал заявление в Московский университет, нам предстояло ехать в Москву.

Решили так: мама, я, сестры — Анна Ильинична и младшая Маня (Мария Ильинична) — поедем в Москву, а Владимир Ильич поедет в Петербург. Выехали мы все вместе на пароходе и вместе ехали до Нижнего Новгорода. Владимир Ильич решил, что в Нижнем сделает остановку, потому что хотел там повидать, как он говорил, коекого из марксистов...

Во время поездки на пароходе ничего интересного не было, разве только можно отметить, что мы несколько раз играли с Владимиром Ильичем на палубе в шахматы.

Затем он остался в Нижнем, а мы проехали из Нижнего на поезде в Москву.

В Москве первая наша квартира была в Большом Пашевском переулке — близко от Сытина переулка, район Большой и Малой Бронной, около Тверского бульвара. Помню, что дом церковный. Тогда номера домов в Москве в ходу не были, и я помню, что Владимир Ильич еще смеялся, говорил: «Что же Москва еще номеров не ввела — дом купца такого-то или дом купчихи такой-то». Адрес ему такой еще попался: «Петровский парк, около Соломенной сторожки». Он возмущался: «Черт знает что за адрес, не по-европейски».

В этой нашей первой квартире Владимир Ильич не был.

Затем мы переехали на Покровку, в квартиру Фролова. Сняли целую квартиру и там жили, причем как раз на этой квартире впервые появилось у мамы пианино — это историческое пианино, которое затем всюду переезжало вместе с мамой — вместе с ней было сначала в Москве, затем в Вологде, затем в Саратове и Самаре.

С этой квартиры на Покровке мы переехали в Вознесенский тупик. Находится он на Ново-Басманной улице, сразу же налево за железнодорожным мостом. В эту квартиру мы переехали весной 1894 года. Помню, что тогда Марк Елизаров купил себе первый велосипед, весил этот велосипед 53 фунта. Он интересен тем, что именно на нем научился ездить Владимир Ильич.

Я тогда был студентом первого курса, Марк служил на железной дороге счетоводом, и мы вместе с ним учились ездить на велосипеде. Летом 1894 года наши — мама и Елизаровы — сняли дачу около станции Люблино. Дачу сняли вместе с сослуживцем Марка — Буланже...

Тогда на этой даче жили Мария Александровна Ульянова, Анна Ильинична и Марк Елизаровы, я и Маня.

Туда летом приехал Владимир Ильич из Петербурга. Зимой 1893/94 года пробыл он в Петербурге, а на лето, так как его очень звала мать, приехал к нам и прожил с нами на даче около месяца...

В Люблине Владимир Ильич научился ездить на вело-

сипеде. Я выбрал дорожку, которая шла под уклон шагов на 100, и решил его учить. Там же научился Буланже, и потом Владимир Ильич стал учиться и скоро научился. Иногда мы ездили в окрестностях на велосипеде, но так как велосипед был один на двоих и один ехал, а другой шел, то чаще ходили гулять с палками, без велосипеда. Часто ходили к Москве-реке — там, где Перерва.

Помню один наш разговор. Как-то мы идем, и я говорю Владимиру Ильичу:

— У нас очень много товарищей, старых, известных нам, почему не взяться и не создать террористической организации? — Это у меня еще народовольческая отрыжка была.

Владимир Ильич быстро остановился на ходу:

— А для чего это нужно? Предположим, удалось бы покушение, удалось бы убить царя, а какое это имеет значение?

— Как какое значение — оказало бы громадное влияние на общество.

— На какое общество? Какое ты общество имеешь в виду? Это то общество либеральное, которое играет в картишки и кушает севрюгу под хреном и мечтает о куцей конституции? Это общество ты имеешь в виду? Это общество не должно тебя интересовать, оно нам не интересно, мы должны думать о рабочем человеке, о рабочем общественном мнении. Вот Карл Маркс в Западной Европе стал во главе рабочего класса именно потому, что рабочее — это самый революционный элемент капиталистического строя.

Больше уж я об этом и не заикался.

Внизу на даче у Буланже была пишущая машинка «ремингтон», и, когда Владимир Ильич привез с собой «Эрфуртскую программу» Каутского и комментарии к ней и перевел программу на русский язык, я пошел вниз и начал печатать ее на машинке, печатал для себя, просто так.

А Владимир Ильич спрашивает:

— Ты вниз ходил, там печатал? Это неудобно, я тебе программы больше не дам.

— Почему неудобно?

— Люди посторонние, чужие нам, а ты печатаешь; видно, что программа социал-демократической партии. Это неконспиративно. Если можно взять машинку сюда, тогда давай, но туда, вниз, я не дам.

Я притащил машинку наверх, и ночью, помню, мы долго не ложились, и Владимир Ильич начал щелкать на этой машинке. Он старался быстро писать, я говорю: «Напутаеть».

— Ничего, напутаеть — исправим. Печатать — так надо быстро, а то лучше я буду писать пером.

* * *

Когда мы переехали с дачи, то поселились на квартире около Курского вокзала в Яковлевском переулке, рядом с Казенным, — в доме Бажанова, и там жили всю зиму 1894/95 года. Жили в том же составе — Елизаровых двое и нас трое: мать, Мария Ильинична и я. Мария Ильинична еще училась в это время в гимназии.

Зимой 1895 года мы получили письмо от Володи, что он болен, доктор говорит, что воспаление легких, — сперва был грипп, а потом гриппозное воспаление одного легкого. Мать ездила в Питер, и Владимир Ильич вскоре поправился — у него легко прошла эта болезнь.

В апреле 1895 года он приехал к нам в Москву, на квартиру Бажанова.

Здесь он остановился и здесь же встретился с Лаянцем — его бывшим самарским товарищем, участником марксистского кружка, который отбыл год тюремного наказания в Крестовской тюрьме.

Тут Владимир Ильич рассказывал нам относительно третьего тома «Капитала», который прочитал по-немецки — русского перевода еще не было. Помню, тогда еще пришел к нам Масленников из Московского комитета —

товарищ Анны Ильиничны, и он рассказывал нам о стремлении капиталистического общества к равной норме прибыли и о ренте, о так называемой дифференциальной ренте.

Это было как раз после выхода книги Бельтова¹, все мы прочли или начали читать первый том «Капитала» и с большим интересом слушали его рассказ о содержании третьего тома...

¹ Имеется в виду книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная в 1895 году под псевдонимом «Н. Бельтов».

ГИМНАСТИКА В ТЮРЬМЕ

К лету 1900 года относится следующий интересный разговор с Владимиром Ильичем. Во время одной из прогулок в окрестностях Подольска (жили мы тогда в Подольске в доме Кедровой на краю города) мы коснулись некоторых медицинских вопросов. Речь шла о вреде сидячего образа жизни и необходимости физических упражнений. Владимир Ильич рассказывал об условиях тюремной жизни: прогулки тогда в тюрьмах были, как известно, пустяковые — по 15—20 минут в день. Владимир Ильич рассказал, что в предварилке он всегда сам натирал пол камеры, так как это было хорошей гимнастикой. При этом он действовал, как заправский полотер, — руки назад — и начинает танцевать взад и вперед по камере со щеткой или тряпкой под ногой. «Хорошая гимнастика, даже вспотеешь...»

Особенно Владимир Ильич жаловался на бессонницу. Хорошим средством от этого он считал именно физические упражнения на чистом воздухе, прогулки.

— Но вот как в тюрьме с этим бороться? Какие еще средства есть?

Мудрено мне было ответить на такой вопрос. Помню только, я сказал:

— На что это тебе теперь? Как будто ты опять собираешься сесть в тюрьму, ведь ты уезжаешь за границу.

— Ну, это ничего не значит. В тюрьму всегда можно попасть, а то еще и на каторгу... Вот потому и надо заранее подумать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ

...В начале 1900 года Владимир Ильич возвращался из Сибири после трех лет ссылки, которую отбывал в селе Шушенском, Минусинского уезда, Енисейской губернии. Возвращался он один, без Надежды Константиновны, у которой еще не окончился срок ссылки. Она доехала с Владимиром Ильичем до Уфы и осталась там отбывать гласный надзор полиции.

Получив извещение о времени выезда Владимира Ильича, я встретил его в 50 верстах от Москвы, в Подольске, где тогда жил. Нашел его в вагоне третьего класса дальнего поезда; по всему видно было, что публика ехала из холодных стран — меховые шубы, дохи, сибирские шапки с наушниками, валенки, бурки и т. д. были разбросаны по вагону. Владимир Ильич выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после предварилки. Прежде всего он расспросил про

семейных, про здоровье матери, стал спрашивать о новостях, но скоро выяснилось, что он гораздо богаче меня новостями, несмотря на то что ехал из ссылки, а я жил под Москвой.

Затем разговор перешел к наделавшей в то время много шума книге немецкого социал-демократа Э. Бернштейна — самого откровенного и беззастенчивого тогда ревизиониста и оппортуниста. Владимир Ильич жестоко критиковал и ругал, конечно, этого Бернштейна и говорил, что это — очень опасное искажение Маркса и с ним поэтому необходима самая решительная и беспощадная борьба. Попутно он обрушился на наших русских оппортунистов, на так называемый «экономизм», на органы этого направления — «Рабочее дело» и «Рабочую мысль».

Когда по прибытии в Москву мы ехали с Владимиром Ильичем на извозчике к своим, на Бахметьевскую улицу¹, я был счастлив и горд тем, что я на полтора часа раньше других его встретил и что я «привезу» его к ним.

Владимиру Ильичу было предоставлено право выбрать себе для жительства любой город, кроме столиц, университетских городов и, кажется, фабрично-заводских центров. Он остановился на Пскове. Псков, где он никогда не бывал и никого там не имел, был выбран, по-видимому, только благодаря его близости к Петербургу, который в то время, конечно, был центром внимания Ильича. Из Пскова легче можно было производить наезды в Питер, следить за ходом рабочего движения, сноситься с непосредственно работающими товарищами и влиять на движение. У него готов был план уехать за границу, чтобы осуществлять свою цель — руководство рабочим и революционным движением в России. Он решил... создать за границей печатный орган, руководящий движением, про-

¹ На Бахметьевской улице, куда мы приехали, жили во втором этаже небольшого домика Мария Александровна, Марк Елизаров и Мария Ильинична; где была тогда Анна Ильинична — не помню. (Примеч. автора.)

возглашавший, что пролетариат должен быть гегемоном надвигающейся русской революции.

И вот один или два раза Владимиру Ильичу удалось благополучно съездить туда и видаться с кем надо. Но в последний свой приезд он попался опять в руки полиции...

Хорошо, что сидение здесь продолжалось не более двух недель. Владимир Ильич очень беспокоился, чтобы у него не отобрали заграничного паспорта, который был уже в кармане, а с этим паспортом был связан дальнейший план действий: ехать за границу и приступить к изданию большой политической газеты — будущей «Искры», которая должна стать органом революционной социал-демократии в противовес «экономизму» и пр., которая должна тесно связаться с местами и стать центром собиранья и организации партии пролетариата.

По освобождении Владимир Ильич поехал в Подольск, где мы жили с матерью. Его сопровождал от самого градоначальства полицейский чиновник, который и доставил Владимира Ильича по назначению — прямо к исправнику Подольского уезда. Исправник, некий Перфильев, старый чиновник, любивший при случае метнуть гром и молнию, но трус по существу, потребовал у Владимира Ильича документы. Тот предъявил свой заграничный паспорт. Перелистав и просмотрев его, исправник положил документ к себе в письменный стол и сказал: «Теперь вы можете идти, а паспорт останется у меня». Самое страшное для Владимира Ильича случилось: у него отобрали заграничный паспорт, и кто отобрал? Какой-то уездный исправник! «Документ мне нужен, — сказал Владимир Ильич, — возвратите его мне». Исправник величественно ответил: «Вы слышали: документ останется у меня, а вы можете идти». Владимир Ильич протестовал и заявил, что он не уйдет, пока не получит обратно паспорт. Исправник стоял на своем. Тогда Владимир Ильич повернулся к выходу и заявил: «В таком случае я принужден жаловаться на ваше незаконное действие в департамент

полиции» — и вышел. Исправник струсил, последняя фраза произвела свое действие. Он вскричал: «Послушайте, г. Ульянов, вернитесь назад! Вот ваш паспорт, возьмите его».

Владимира Ильича ждали дома с нетерпением. Как только он перешагнул порог, он внес с собой живость и веселье. Начал рассказывать о своих последних злоключениях, и прежде всего об этом «старом плуте и дураке» — исправнике. Он был еще возбужден после этой схватки: «Хотел отобрать у меня заграничный паспорт, старый дурак, так я его так напугал департаментом полиции...» — и Владимир Ильич весело захохотал.

* * *

...Попутно он рассказал о случае в Сибири. Исправник вызывает его к себе, не приглашает садиться и начинает что-то говорить величественным тоном. Владимир Ильич берет стул, садится и заявляет, что он теперь слушает. Исправник выпячивает глаза перед такой «дерзостью», бледнеет, но тем не менее проглатывает пилюлю, успокоившись, продолжает...

Жили у Кедровой на краю города. Мы часто ходили тогда на прогулку в Дубровицы, версты 3—4 от Подольска, при слиянии Пахры с другой речушкой. Отправились с Владимиром Ильичем туда же. С нами был какой-то старый социал-демократ. Я поспорил с ним, говорю, что надо вести и антирелигиозную пропаганду, если... «Вот это неверно, этого вопроса не нужно совершенно касаться». Обращаемся к арбитру — авторитету Владимира Ильича. «Рабочим нужно говорить всю правду. Напирать на антирелигиозную пропаганду не стоит, главное — объяснять связь экономической эксплуатации с политическим бесправием...»

Говорят, что характер человека обнаруживается в игре. Помню в то время нашу игру в крокет в саду у Кедровой. Позвали как-то Владимира Ильича, он согласился,

и начался бой в шесть шаров, трое против трех. В нашей партии играли: Владимир Ильич, я и одна девица. Владимир Ильич хорошо рассчитывал в игре:

— Сейчас вы будете играть, потом шар противника такой-то, потом такой-то, потом...

Он хотел все охватить, (точно) уяснить, иметь план борьбы. В крокет многие плохо рассчитывают, больше придавая значение технике, хорошему меткому удару. Но вот промах, и положение сразу ухудшается. Владимир Ильич часто говорил:

— Не надо рисковать без толку! Нужно рассчитать...

Расчет у него был великолепный. Часто за игрой его можно было видеть созывающим своих партнеров и горячо и в то же время в должной мере конспиративно доказывающим, что надо делать. Тут у него была система своего рода, рискованных предприятий он не одобрял, разве только в отчаянных положениях. Очередь была за нашей девицей, ей предстояло проходить дужку с хорошей позиции. Она уже собралась проходить, как внезапно ее остановил Владимир Ильич:

— Что вы хотите делать?

— Проходить дужку, что же мне еще делать!

— А дальше что? Что толку, что вы пройдете, после вас играет такой-то, потом такой-то... Нет, вы не должны проходить, вы там только поможете противнику. Вы должны идти обратно к тому нашему шару, при помощи вашего шара он сейчас может выйти в разбойники и разгромить противника.

Девица стала артачиться, Владимир Ильич подозвал меня, я вполне поддержал его, и мы заставили ее подчиниться большинству голосов!.. План Владимира Ильича блестяще оправдался, и мы выиграли партию. При этом, когда наш «разбойник» начал «громить» противника, Владимир Ильич принимал в этом живейшее участие:

— Этого можно не в столь отдаленные места, это не опасный шар, а вот того необходимо как можно дальше

в отдаленнейшие места, лучше в ту сторону и посильней сколько можно!..

Когда этот «опасный» шар летел (далеко) в ссылку, Владимир Ильич радовался, но сейчас же вновь делал озабоченный вид и говорил: а как лучше сейчас? где выгоднее встать разбойнику — там или здесь? и т. д. Владимир Ильич никогда не играл бесстрастно, он лучше совсем бы не стал играть, он вносил в игру всю свою жизнь, веселье, страсть, азарт борьбы. Когда кто-нибудь из партнеров мазал на близком расстоянии и этим разрушал ближайший план, он, смеясь, махал рукой:

— Рассчитали-то хорошо, ну посмотрим, что будет дальше.

Даже в трудных, почти безнадежных положениях он никогда не отчаивался, а продолжал строить всевозможные комбинации.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О II СЪЕЗДЕ РСДРП

ВСТРЕЧА В ЖЕНЕВЕ

Наконец около двух часов дня я приехал в Женеву и отправился искать квартиру Владимира Ильича, которая находилась на окраине города в рабочем поселке. Вместо каких-нибудь двадцати минут для знающего человека я потратил, должно быть, не менее двух часов на розыски, объясняясь с большим трудом по-французски с прохожими. Очень часто я абсолютно не понимал, что они говорили, и шел по направлению, куда они показывали пальцем или головой. Таким образом, топчась то в одну, то в другую сторону со своими пожитками (корзиной, связанной веревкой, и подушкой в грязной парусиновой наволочке), я наконец набрел на тот номер дома, который был нужен. Дома была одна Елизавета Васильевна, мать Надежды Константиновны...

Уже стемнело, когда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной усталые вернулись с прогулки. (У ме-

Женева. Общий вид.

ня осталось впечатление, что Надежда Константиновна не очень охотно участвовала в воскресных прогулках и делала это исключительно для Владимира Ильича. Во всяком случае, в следующее воскресенье мы отправились с Владимиром Ильичем вдвоем...)

Владимир Ильич предоставил мне наверху маленькую комнату, где я наслаждался среди груды всякой нелегальщины...

Зная прежнюю любовь брата к шахматам, я предложил ему как-то сыграть. Он согласился, но оказалось, что шахмат у него нет.

— Как же нет, ведь мама тебе послала папины шахматы?

Наш отец сам выточил из пальмы на токарном станке эти шахматы, мы все в них много играли и любили их. Мама послала их за границу Владимиру Ильичу, но они где-то затерялись...

Отправились в город, исходили несколько кофеен, прежде чем нашли в какой-то шахматы. Расставляя фигуры, Владимир Ильич сказал:

— Надо что-то выпить, так неудобно сидеть, только за шахматами. Ты чего хочешь, кофе или пиво?

Я ответил, что предпочитаю *une canette Munich*, т. е. кружку мюнхенского пива. Он заказал кельнерше стакан черного кофе и кружку мюнхенского пива, после чего взглянул на меня с лукавой улыбкой — мое, мол, питье лучше для серьезной партии... Выиграл я и, конечно, ликовал, так как Владимиру Ильичу обычно я проигрывал. Моя тренировка в Самаре с хорошими шахматистами, и особенно с А. Н. Хардиным, помогла. Владимир Ильич, когда мы шли домой, твердил:

— Реванш, завтра же реванш.

В субботу он заявил:

— Я разбужу тебя завтра в 6 часов, сядем на поезд и отправимся на Доль.

Доль — это хорошая гора, около версты над уровнем моря, шли мы на нее почти целый день, остановившись лишь в одной кофейне, чтобы выпить по стакану кофе и немного закусить...

Перед вечером мы сидели на вершине Доля и любовались открывшимся видом.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ИЗ ТЮРЬМЫ

Владимир Ильич, как известно, в 1914 году жил в Кракове. Когда началась война, я получил известие, что он арестован как русский подданный призывного возраста. В то же время сообщения из действующей армии гласили, что в районе Кракова русские энергично продвигаются вперед. У меня явилось некоторое опасение ареста Ильича русскими властями...

Я написал одному товарищу, бывшему военным врачом в наступавшей армии на этом участке фронта, о своем опасении.

Когда я рассказал это Владимиру Ильичу, он ответил мне:

— А ты знаешь, как я был освобожден из краковской тюрьмы и уехал в Швейцарию? За меня взялся хлопотать известный австрийский социал-демократ, депутат рейхсрата Виктор Адлер (отец). Он поехал к ми-

нистру, от которого зависело мое освобождение, и изложил свою просьбу; при этом как аргумент привел следующее соображение, что Ленин, известный русский революционер и социал-демократ, — решительный враг русского царизма. «А вы уверены в том, что он действительно серьезный, непримиримый враг русского царизма?» — «Убежден, ваше превосходительство, что он гораздо более серьезный враг его, чем такой, как вы».

«ПОБЕГ» ИЗ КРЕМЛЯ

Конец 1919 и начало 1920 года я жил у Владимира Ильича в Кремле. У дверей его квартиры, как ведущей к Совнаркому, так и выходящей во двор, стояли часовые. На стенке около постов был вывешен список, кого можно пускать в квартиру; там было указано 5—6 лиц (Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич, Анна Ильинична и А. Сысоева, помогавшая по хозяйству). При посещении квартиры другими лицами часовой звонил, и кто-либо из вышедших давал разрешение на вход. При выходе Владимира Ильича из квартиры часовые давали сигналы к другим постам и к караульному начальнику, причем, если Владимир Ильич выходил совсем из здания (к автомобилю или на прогулку), за ним следовали на известном расстоянии охраняющие его товарищи. К этим мерам предосторожности обязывала, понятно, тогдашняя ситуация. Владимир Ильич не

мог возражать против них, но несомненно, что иногда это тяготило его.

Среди московских обывателей очень часто упоминалось о «кремлевском узнике». Интеллигентная кадетствующая публика потихоньку посмеивалась над Лениным, который не может выйти из Кремля, который, несмотря на свое могущество, боится появиться открыто на улицах... Какими дураками они были! Сидя у своих печурок с горшками вареной картошки или пшенной каши, они и подумать не могли, что Ленин, сам Ленин, свободно гуляет по улицам, проходит мимо их окон, достигает далеких окраин Москвы, никем не знаемый, без всякого страха и боязни, что ему было вообще совершенно несвойственно.

Однажды в воскресный (праздничный) день зимой 1919 года часов в 5 вечера он подошел ко мне и сказал:

— Пойдем гулять, мне хочется немножко встряхнуться, только чтобы никто не знал, чтобы нас не сопровождали.

Чтобы не быть узнанным часовым, Владимир Ильич закутал лицо башлыком, и в таком виде, в валенках и меховых куртках, мы прошли через заднюю дверь во двор ВЦИКа. Часовой не узнал его и поэтому не сигнализировал, куда следует. Через Троицкие ворота мы не пошли, чтобы не быть замеченными публикой, а направились к Спасским.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ГОРКАХ¹

I

Владимир Ильич приехал в Горки в первый раз в 1918 году осенью, после ранения. 30 августа 1918 года правая эсерка Каплан стреляла в него, и он после этого лежал месяц-полтора дома в Кремле. Сначала его состояние было серьезным, но в больнице он не был. После покушения он лежал дома, а потом отыскивали ему это помещение. До революции Горки были имением А. А. Рейнбота и Морозовой. Рейнбот в свое время был московским градоначальником, у него было имение, и он жил в нем с Морозовой — какая это Морозова, я не знаю. Все имение принадлежало им.

Владимир Ильич сначала отдыхал здесь некоторое время, может быть, месяца полтора, а потом врачи разрешили ему переехать в Москву. После этого он приезжал в Горки только по выходным дням...

Я приехал в Горки впервые в 1919 году в начале июля; вернулся из Крыма в Москву.

¹ Стенограмма беседы с Дмитрием Ильичем.

Когда я приехал в Москву, поехал к Владимиру Ильичу в Кремль, прошел к нему в кабинет. Он работал в известном сейчас всем кабинете в здании Совнаркома. В Музее В. И. Ленина есть его макет. Этот кабинет отошел в область истории, там никто из последующих председателей Совнаркома не работал; этот кабинет так и сохранился. Там у Владимира Ильича была библиотека русских классиков.

Владимир Ильич сказал, что я буду жить у него в Кремле в комнате Надежды Константиновны, которая в это время была в агитпоездке на Волге. Он сказал — это было дня три до субботы: «В субботу поедем на дачу, покажу очень хорошие места». И в субботу мы приехали в Горки. Это было числа 10—12 июля 1919 года, когда я впервые приехал сюда. Владимир Ильич показал мне дом, балконы, террасы — тут ведь четыре террасы, четыре больших балкона с каждой стороны. Об этих террасах я буду говорить отдельно...

В первую ночь ночевали в доме здесь, Владимир Ильич спал у себя в комнате. Я лег спать в другой комнате. Картины тогда висели так же.

Рано утром встал и, боясь разбудить его, взял сапоги и прошел в столовую в носках. Там надел сапоги и пошел гулять.

В то время охрана Владимира Ильича размещалась внизу, занимала весь нижний этаж, и в большом зале, где пальмы стоят, там тоже помещалась охрана. Телефон тогда находился в той же комнате, где и сейчас телефон, — в комнате при раздевалке. Когда установили телефон, точно не помню, но телефон-автомат, как мы называли его, или вертушка, как он сейчас называется, уже существовал. С самого начала, когда только создали эту внутреннюю телефонную сеть, так сейчас же был установлен аппарат в Горках, потому что Владимир Ильич избегал оставаться без телефона; он не ездил на дачу, если не было связи с центром, с Москвой.

Об этом воскресном дне я не помню подробностей,

помню только, что мы много гуляли. Кажется, в следующий выходной день мы, Владимир Ильич, я и кто-то из охраны, попробовали пойти на охоту, т. е. взяли ружья. Вышли через парк в лес, но ничего не нашли, так как не знали совершенно мест. Надо было искать тетеревов; позднее мы уже узнали, где здесь водятся тетерева. Помню, Владимир Ильич спросил у одного крестьянина из деревни Сияново, такого благообразного старика с седой бородой и в очках: «Хотим тетеревов найти, поохотиться». — «Где же вы ищете тетеревов? Это не тут. Нужно пройти на Горелый пень — это в лесу». Надо было перейти поле и пройти в лес.

Но в этот сезон мы не знали еще, где тетерева, и удачно не охотились, не видели даже птицы.

У Владимира Ильича была двустволка, дробовое оружие. Он ходил обычно в синей косоворотке и в каком-нибудь пиджаке. Я был одет примерно так же...

В последующие разы, когда мы приезжали в Горки, Надежда Константиновна уже вернулась из своей поездки; Владимир Ильич жил в своей комнате, Надежда Константиновна в своей.

Примерно в это же время Владимир Ильич показал мне устройство замков здешних балконов. Обычно, если вы хотите открыть дверь, вы нажимаете ручку вниз, между тем здесь, для того чтобы открыть дверь, нужно ручку поднять кверху. Но все всегда нажимают вниз и этим замыкают себе выход. А как будто замок тот же самый. Кроме того, ключ поворачивается не направо, а обратно — налево. Владимир Ильич мне говорит: «Ну, открой балкон». Я начинаю открывать, т. е. делаю шиворот-навыворот. Он смеется: «Не можешь открыть балкон!» Когда секрет мне был раскрыт, я уже знал, как открывать дверь. Владимир Ильич смеялся и говорил, что Рейнбот, который здесь жил, выдумал такую хитрость для того, чтобы не могли застигнуть его врасплох. Кроме того, между домом и кухней был подземный ход...

...Вскоре я начал ловить рыбу на маленьком пруду; тут были удочки Рейнбота, и я начал ловить карасей. Когда я приезжал в Горки, видел, что караси плавают, правда мелочь, но большими стаями. Думаю, значит, должны быть и большие караси, но когда стал удить первый раз, то поймал пиявку и лягушку. Все очень смеялись — тут нет рыбы! Но я устроил прикорм (мне раньше приходилось ловить рыбу) и наловил однажды утром десятка полтора больших карасей. К завтраку были готовы жареные караси. Владимир Ильич спросил: «Где это ты наловил? На маленьком пруду?! Интересно, я думал, что там только лягушки и пиявки».

Сам он не любил этого занятия, пробовал раз или два, но неудачно. Он не любил рыбной ловли удочкой вообще. В детстве тоже не любил и никогда не ловил рыбу. У Анны Ильиничны в ее воспоминаниях написано, что он бегал на реку с удочками; по-моему, это не точно. Может быть, с кем-нибудь из мальчиков, которые были одних лет с ним или даже постарше, но со мной он никогда не ходил. Когда я уже достиг такого возраста, что мог сам ловить рыбу, то у Володи не оказалось ни крючков, ни удочек; привязывать он не любил и относился к этому презрительно даже в детстве.

Он как-то здесь пробовал удить. Пришел раз, когда я сидел у пруда, и говорит: «Дай удочку, я попробую». Я ему дал. Он поймал маленького карасика: «Стоит из-за этого сидеть!» Я говорю, что надо ловить рыбу ранним утром или вечером, тогда чаще бывают крупные. Но он бросил удочку. Лодки на пруду не было, был только плот, сбитый из бревен, и на этом плоту мы иногда катались, отталкиваясь шестами. Помню, что я пробовал глубину — везде 3—3,5 метра. Довольно глубокий был пруд, но давно не чистился, и дно покрылось илом. Позднее появилась лодочка маленькая, но на ней Владимир Ильич не ездил. Это была такая неустойчивая лодочка, только молодежь рисковала садиться в нее. Да и ездить было негде, только крутишься на одном месте...

...Первые годы—1918, 1919 и 1920-й—забора вокруг парка не было; забор появился в 1922 году, когда Владимир Ильич уже заболел. Тогда забором был обнесен весь парк, сперва с северо-восточной стороны, потом он был продолжен до пруда, и весь участок был огорожен. Кое-где были устроены калитки и будки для дежурных; одна будка была около ворот.

Раньше белых грибов было много. Еще не был огорожен парк, и хотя сюда мало кто ходил, но все-таки некоторые старики и старушки заходили и, пользуясь случаем, собирали в парке грибы.

Владимир Ильич любил собирать грибы, но мало собирал. Главным образом любила грибы собирать Мария Ильинична, отчасти Анна Ильинична и изредка Надежда Константиновна. Иногда Владимир Ильич, гуляя вместе с Надеждой Константиновной, находил несколько белых грибов.

В одну из весен в парке стали проводить чистку, против чего я протестовал. Я говорил, что надо только листья сметать и ничего больше, но позднее, кажется в 1935 или в 1936 году, взялись энергично чистить парк, причем чистили железными граблями, и после этого летом 1937 года грибов почти совсем не было. Я тогда дал строгий наказ директору — железными граблями листья не убирать, не драть почву, потому что грибница как раз под листьями и заводится. У нас была популярная книжка по ботанике профессора Галенкина о грибах. Он писал о строении грибниц, и достаточно было прочесть, чтобы понять, что этими железными граблями сдирается верхний слой почвы, где находится грибница...

Раньше, когда Владимир Ильич был здоров, он часто находил белые грибы в лесу на охоте и давал кому-нибудь нести. Очень часто кто-нибудь из охраны нес на спине рюкзак, и все подходили и бросали туда дичь или белые грибы; обыкновенно меньше было дичи, чем грибов, а вернее сказать, только грибы и были.

Дмитрий Ильич. 20-е годы. Горки.

Сейчас очень трудно найти грибные места, потому что лес сильно вырубали. Эти места совершенно изменились с тех пор, как я помню.

Владимир Ильич любил больше всего эту дачу (Горки). В начале болезни Владимира Ильича ему подыскивали дачу под Москвой. Совсем недолго он жил в других местах — Горки-2 и Горки-3, но больше всего Владимир Ильич любил Горки, любил именно это место, любил самый дом. Нравилось ему и высокое расположение дома, эти широкие открывающиеся перед ним горизонты. Ему очень нравился вид на запад; тут виден влево город Подольск, сейчас он загорожен деревьями, а когда пройдете вниз по дорожке к большой сосне, то там виден железнодорожный мост и виден Подольск. Он вообще любил живописные места с широким горизонтом; здесь есть открытые высокие места, которые ему нравились.

Особенно любил Владимир Ильич дорожку к большой сосне, куда во время болезни он ездил кататься. Парк здесь очень глухой, производит впечатление мрачного, в нем очень много тени, мало открытых мест. Поэтому во время болезни он предпочитал ездить к большой сосне. Дорожка ведет к прудам, оттуда открывается прекрасный вид на Подольск — на птичий полет километров десять в юго-западном направлении, а дорогами, конечно, дальше. Подольск стоит на той же реке Пахре, которая протекает и здесь. Летом 1919, 1920 и 1921 годов Владимир Ильич любил ходить купаться на Пахру. Обыкновенно он приходил и говорил мне перед обедом или вечером: «Пойдем купаться», или же я звал его купаться. Он шел в косоворотке, без пояса, одетый совершенно по-дачному. Мы направлялись на Пахру (это прямо на юг, туда можно пройти или проехать)...

Я всегда брал с собой полотенце. Помню, один раз взял два полотенца, видя, что у Владимира Ильича нет полотенца. Говорю ему: «Я для тебя принес». — «Зачем же полотенце?» — спрашивает он. «Обтираться, вытереть

голову, лицо». — «Нет, так лучше, свежесть дольше остается». Он не признавал полотенец и прямо на мокрое тело надевал рубаху.

На Пахре была лодка, но Владимир Ильич не любил кататься на лодке. Вспоминаю поездки с Марией Ильичичной, иногда и Владимир Ильич ездил с нами, но вообще он этим не увлекался...

Когда Владимир Ильич отдыхал, то, главным образом, ходил на прогулки, а работал он обычно по утрам.

После завтрака он выходил на балкон — который так и называли Володиным балконом, — балкон на северной стороне, теневой. Солнца туда попадает очень мало. Он велел поставить туда простой деревянный столик и табуретку, садился там, и иногда интенсивная, усидчивая работа была именно на этом балконе. Скажешь: «Пойдем погулять или на охоту». — «Я, знаешь, сейчас не могу, у меня срочная работа, я пишу тезисы». Пишет тезисы к определенному заседанию ЦК, Политбюро и т. п. На этом северном балконе, отгороженный от солнца, он сидит и пишет, причем еще с гимназических лет у него сохранилась привычка: когда он пишет пером или карандашом и ему что-нибудь нужно сделать, он берет карандаш губами. Кажется, такая же привычка была у отца, но в этом я не уверен, а у Владимира Ильича определенно была. Когда ему были нужны руки, он клал карандаш не на стол, как мы обыкновенно делаем, а обязательно брал — и не только карандаш, но и ручку — как-то особенно между губами.

Стол на балконе был простой, деревянный, на четырех ножках; может быть, он сохранился, но едва ли.

Здесь в Горках Владимир Ильич на велосипеде совсем не ездил, не то что в былые годы. В теннис мы не играли: в годы нашей молодости это была игра аристократическая. Бывали городки и велосипед, но тенниса я совершенно не знаю. В крокет мы играли, и в детстве Владимир Ильич играл и потом продолжал играть. Когда

мы были десять дней в Подольске, то там мы играли в крокет. Но увлекался крокетом Владимир Ильич, будучи мальчиком. Когда отец купил крокет, то он, сестра Оля и другие — все играли в крокет в Ульяновске на дворе. Этого я касаюсь немного в описании детских игр в майском номере журнала «Красная новь». Об этом в воспоминаниях Марии Ильиничны и Анны Ильиничны ничего нет. Мария Ильинична говорила, что была у нас в детстве еще игра, тоже шумная; она писала, что Владимир Ильич любил шумные игры. Это не всегда было так. Была, например, игра в индейцев, и они шушукались с сестрой, играли тихо; он был почти ровесником Ольги Ильиничны, а я на четыре года моложе. Детских лет Владимира Ильича я не помню, я был совсем маленьким, хотя, по-видимому, мои воспоминания доходят до 3—4-летнего возраста. Если взять этот снимок¹, то Владимиру Ильичу здесь лет десять, а мне шесть; четыре года в таком возрасте — это разница громадная.

Затем Дмитрий Ильич рисует план парка и расположения комнат в большом доме и объясняет:

Тут балкон, на котором занимался Владимир Ильич, а с южной стороны — такой же балкон Надежды Константиновны; вот дверь, где замок с секретом, а тут подземный ход.

Террасы расположены со всех сторон дома.

Здесь столовая, в которой мы обычно завтракали, обедали и ужинали. Определенного места у Владимира Ильича не было, а внизу во время болезни Владимира Ильича у него было определенное кресло, на котором никто никогда не сидел.

Товарищ Стаклис² покажет вам лавочку, на которой любил сидеть Владимир Ильич и часто сидел с Надеждой Константиновной.

¹ Имеется в виду фотография всей семьи Ульяновых, сделанная в г. Симбирске в 1879 году.

² К. Стаклис — сотрудник охраны Владимира Ильича. После смерти Ленина — комендант Большого дома в Горках.

Владимир Ильич произносит речь на открытии временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу на площади Революции. 7 ноября 1918 г. Москва.

Тут раньше была каменная калитка, через которую мы ходили на охоту. Здесь проходит прямая дорога, и сейчас же за дорогой — овраг и лес.

Машина для Владимира Ильича обычно подавалась всегда здесь¹, а теперь машины подъезжают с противоположной стороны.

Владимир Ильич говорил с вечера, что завтра он выезжает без четверти десять или в полдесятого. За 5—10 минут Гиль² подавал машину, и Владимир Ильич точно, как часы, выходил вниз и садился в машину. Бывало, Анна Ильинична задерживается: человек немножко копотный. Владимир Ильич спрашивает: «Кого нет?» — «Анны Ильиничны нет». — «Где она? Скажите Анне Ильиничне, что мы сейчас едем». За ней бегут, и она приходит.

Он очень спокоен, смеется, но сам всегда очень точен, хоть часы проверяй. И раз ты едешь с ним, старайся к этому моменту быть готовым, чтобы не заставлять его сидеть в машине и ждать.

II³

Вопрос. Не можете ли вы рассказать о периоде после ранения Владимира Ильича в 1918 году?

Ответ. Это время надо разделить на два периода. Первый период — до болезни Владимира Ильича и второй период — во время болезни.

Он приехал сюда в 1918 году после ранения его на заводе «Михельсон» эсеркой Каплан. Тогда, после некоторого хирургического лечения в Москве, ему искали дачное помещение и остановились на этой даче, принадлежавшей ранее Морозовой и Рейнботу.

¹ Дмитрий Ильич имеет в виду фасад Большого дома.

² С. К. Гиль — шофер, возивший Владимира Ильича с 1917 по 1924 год.

³ Из ответов Дмитрия Ильича на вопросы участников экскурсии в Центральном музее В. И. Ленина.

Владимир Ильич приехал сюда осенью, приблизительно в сентябре 1918 года, расположился он тогда наверху во втором этаже, в той комнате, которую вы, вероятно, видели. С ним приехали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Надежда Константиновна поселилась рядом с его комнатой, Мария Ильинична — в другой половине дома, тоже наверху. Столовая была в той комнате, которой я сейчас пользуюсь как столовой. Здесь внизу, в частности в этой комнате и других, располагалась охрана из ВЧК. Я помню время, когда здесь стояли койки, как нары, товарищи тут спали; потом это была комната команды для них, начальник назначал их на дежурство, ставил наружную охрану, при Владимире Ильиче и т. д. Тут есть комната, где жил товарищ Покалн, назначенный ВЧК, и он лично неотступно находился при Владимире Ильиче; он был начальником всей охраны.

Лечение тогда было такое: одно время делали ванны для руки, где было прострелено плечо; но главным образом Владимира Ильича привезли сюда для того, чтобы он мог пользоваться чистым воздухом, природой вне Москвы.

Я приехал сюда летом 1919 года. Я был тогда на фронте гражданской войны на юге. Приехал сюда и застал Владимира Ильича в Москве в своем кабинете в Совнарком. Там я первый раз с ним встретился, и он сказал мне, где поселиться и что под выходной день — а тогда выходные дни были в воскресенье, — в субботу, мы поедем на дачу. Он сказал: «Я тебе покажу хорошую дачу, мне она очень нравится, место высокое, по-моему малярии там нет и комаров мало». Так он охарактеризовал Горки.

Я приехал 8 июля, а числа 9—10-го мы отправились сюда на машине. Шоссе было щебневое, конечно, не сравнить с тем, что сейчас. Сейчас шоссе гудронировано.

Вез нас в первый раз шофер Гиль, он почти всегда возил Владимира Ильича. Машина была французской системы «Долнебель-Виль», открытая коляска. Мест в ней было вместе с шофером на семь человек. Владимир Ильич

обычно садился не с шофером, а сзади. Там было два передних места, на одно он садился сам, на другое — человек, бывший тогда в охране, или я. Сзади сидели Надежда Константиновна, Мария Ильинична и кто-нибудь, кто ехал вместе с ним из ближайших товарищей, которые приезжали сюда довольно часто.

Я говорил, что дорога была тогда щебневая, избитая, старая; тогда и год был такой, что не до шоссе было, не говоря уже про технику. Сейчас дороги делают машины, катки хорошие. Шоссе было такое, что на этой машине здорово трясло, бросало.

Дорогу Владимир Ильич переносил хорошо. После Москвы, после 5—6 дней работы, когда он, бывало, очутится в машине, он наслаждался свежим воздухом, природой, полями, лесами... Помню, счетчик показывает 60 километров в час, я говорю: «Владимир Ильич просит поскорее ехать», а шофер отвечает: «Чего же скорее, 60 километров в час, вы видите. Я боюсь за шины, летом они лопаются, от солнца нагреваются, а тут еще нагрев от хода. Полопаются шины». Иногда он из «милости» прибавлял ходу, с 60 километров дойдет до 80-ти. Я не помню у него большей скорости в те времена...

...Он¹ больше любил охоту, движение, побродить по лесу. Ему доставляло больше удовольствия пострелять из ружья, он еще в сибирской ссылке развлекался охотой. Охотником, знающим дело, он не был никогда. Это я вспоминаю по охоте в Самарской губернии. Таким он и остался до последнего времени. Кто-то из охотников писал, что, когда они были на охоте, там, где стоял Владимир Ильич, вышла лиса и сразу убежала. «Что же вы не стреляли, Владимир Ильич?» Тот ответил якобы: «Она очень хорошая, красивая, жалко стрелять». Насколько это верно, не знаю. Я знаю, что на охоте, там, где нужно было стрелять, он добросовестнейшим образом стрелял. Попадет не попадет, но стрелял добросовестнейшим образом...

¹ Владимир Ильич.

*Мария Ильинична, Дмитрий Ильич и Надежда Константиновна
в кремлевской квартире Дмитрия Ильича. 1936 г. Москва.*

Вопрос. Ограда была разобрана в период гражданской войны или позже?

Ответ. Эта ограда была до революции при Рейнботе. Тут была надпись: «Посторонним лицам вход воспрещается». При Владимире Ильиче и Надежде Константиновне никаких ограничений не было, кто хотел, тот приходил в парк, кто с платочком, кто с корзиночкой грибы собирать...

Вопрос. Вы сказали, что возвратились с фронта летом 1919 года. Владимир Ильич был в Москве. Значит, он с осени 1918 года жил в Горках?

Ответ. Я сказал, что я вернулся летом 1919 года. Потом уточнил, что приехал первый раз в Москву

8 июля, увиделся с Владимиром Ильичем и через пару дней приехал сюда в Горки. В 1918 году он жил здесь. На зимнее время переезжал в Москву, а на лето приезжал всем семейством сюда.

Вопрос. Может быть, вы нам расскажете насчет «вездеходов»?

Ответ. Это так называемые автосани; зимой это шасси заменялось. Здесь и летом проехать было трудно, а зимой невозможно, и вот завели автосани, т. е. специальный автомобиль. Передние колеса ставились в прорезь лыж. Благодаря этим лыжам колеса не проваливались в глубокий снег, лыжи скользили по снегу, а задние колеса действовали как обыкновенные ведущие колеса.

В зимнее время мы ездили сюда в Горки и за Горки на этих автосанях, причем Владимир Ильич, бывало, говорит шоферу: «Вы что, дорогу ищете, вы без дороги поезжайте. Направо сугроб — поезжайте сюда». А тот отвечает: «Я ямы боюсь». Владимир Ильич: «Направляйте туда прямо в яму. Что вы по дорожкам едете? Эти автосани должны ходить по снегу, по степи, по полю». Бывало, действительно яма, эти автосани спускаются в нее и вылезают как танк.

Потом этими автосанями заинтересовался товарищ Ворошилов. Как-то во время маневров Гиль подал автосани, и Ворошилов на них разъезжал по снегу. По рассказу шофера, он говорил: «Это интересная вещь для нас в военном деле». Товарищ Ворошилов ездил на них так же, как и Владимир Ильич: «Ты поезжай не по дорогам, а напрямик полем, по снегу». Он обыкновенно сам выезжал на них. В гараже особого назначения Кремля было двое автосаней: одни держались для Владимира Ильича, а на вторых выезжали М. И. Калинин и некоторые другие товарищи...

**МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА
УЛЬЯНОВА**

Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, родилась в 1878 году и была самой младшей в семье.

Видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, профессиональный революционер (партийные клички: Медведь, Мимоза, Карл Карлович), она вступила в партию в 1898 году.

Мария Ильинична активно участвовала в работе ленинской «Искры», работала в секретариате ЦК партии большевиков. За революционную работу много раз подвергалась арестам и ссылкам.

С марта 1917 года и до весны 1929 года Мария Ильинична была членом редакционной коллегии и ответственным секретарем газеты «Правда». Много сил она отдала сплочению вокруг газеты рабочих корреспондентов, была одним из организаторов и руководителей рабселькоровского движения. По ее инициативе был создан и под ее руководством издавался журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент».

Мария Ильинична написала ряд воспоминаний о Владимире Ильиче, книгу «Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов», очерк о матери, ярко рисующие общественную обстановку того времени и нравственную атмосферу семьи Ульяновых. Мария Ильинична собрала и подготовила к печати письма Владимира Ильича к родным.

Мария Ильинична работала в Центральной контрольной комиссии ВКП(б), была членом коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, членом ЦИК СССР.

Человек беспрдельно преданный революции, Мария Ильинична была широко образованным, жизнерадостным, веселым человеком, прекрасным товарищем, внимательно и чутко относившимся к людям.

После победы Октября она жила вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной.

Умерла Мария Ильинична в 1937 году, урна с ее прахом захоронена в Кремлевской стене.

МОЙ ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ

(Автобиография)¹

Я родилась 18(6) февраля 1878 г. в Симбирске, где отец мой был в то время директором народных училищ. Будучи младшей в семье, я мало испытала на себе влияние отца, который умер, когда мне не было еще 8 лет. Не могла я отнестись вполне сознательно и к причинам гибели старшего брата Александра, повешенного в 1887 г. за покушение на Александра III. Но во всяком случае эта гибель, отношение к ней родных и особенно Владимира Ильича, разговоры, которые велись в связи с ней как среди родных, так и среди знакомых, оставили на мне свой след, дали сильный толчок к более сознательному отношению к окружающему. Трагедия 1887 г. дала новое направление всей нашей семье. Почти все старые связи были порваны: симбирское общество явно после этого побаива-

¹ Написано в 1935 году.

лось, избегало, сторонилось нас. Например, преподаватели женской гимназии перестали раскланиваться с Ольгой Ильиничной, узнавать ее, хотя отношение их к ней, бывшей все время обучения первой ученицей, раньше было очень хорошее.

По делу Александра Ильича старшая сестра Анна получила 5 лет ссылки в Восточную Сибирь, но благодаря хлопотам матери эта ссылка была заменена ей высылкой в деревню Кокушкино Казанской губернии, где находилось небольшое имение деда со стороны матери. В то же время Владимир Ильич, окончивший в 1887 г. гимназию, поступил в Казанский университет и вся наша семья переехала в Казань. Чтобы старшей сестре не очень тоскливо было жить одной в деревне, с ней отправили меня, и там мне впервые пришлось столкнуться с полицией в виде станового пристава, которому было поручено следить за сестрой, как находящейся под гласным надзором полиции. С этой целью он нередко «навещал» нас. В декабре того же года в Кокушкино был выслан и Владимир Ильич, исключенный из университета за студенческие волнения. В день его высылки я была в Казани и помню, как поразило меня, что кибитку, в которой мы ехали с братом в деревню, провожал до городской черты местный пристав.

С детских лет я любила Владимира Ильича больше всех других братьев и сестер, и влияние его на меня во все поры моей жизни было очень велико. До осени 1893 г., когда Владимир Ильич переехал в Петербург, а вся наша семья в Москву, мы жили с ним вместе сначала в Казани, а затем в Самаре и Самарской губернии на хуторе Алакаевка. Владимир Ильич много возился со мной, как младшей в семье, позднее занимался со мной, давал указания, что читать, беседовал со мной на разные темы. Кроме него, большое влияние оказали на меня и наши новые знакомые. После переезда из Симбирска это были главным образом знакомые старшего брата и сестры, а также М. Т. Елизарова — мужа Анны Ильиничны, представители передовой революционной интеллигенции того времени.

Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична в автомашине после окончания парада частей Красной Армии на Ходынском поле. 1 мая 1918 г. Москва.

Во время ареста Владимира Ильича в 1895—1897 гг. мне еще ближе пришлось столкнуться с революционными социал-демократами, познакомиться и с революционной нелегальной литературой.

С этого времени, сначала в Москве, где я училась на Высших женских курсах, а затем за границей, где я слушала лекции в новом Брюссельском университете, мне удавалось оказывать партии некоторые мелкие услуги. Осенью 1899 г. я была арестована в первый раз и выслана под надзор полиции в Нижний Новгород. Начиная с 1900 г. я принимала уже активное участие в работе

партии и вскоре была арестована по делу Московской организации РСДРП и после 7-месячного заключения выслана под гласный надзор полиции в Самару. Там, а затем в Киеве я работала в русской организации «Искры». В начале зимы 1904 г. я была арестована в Киеве по делу Центрального Комитета партии и после выхода на свободу уехала в конце 1904 г. в Женеву, где в то время жил Владимир Ильич. В годы первой революции я работала в Петербурге в качестве секретаря Петербургского комитета, секретаря Василеостровского районного комитета, организатора, а затем секретаря большевистского центра и подвергалась аресту. В 1909 г. я снова провела около года за границей, живя вместе с Владимиром Ильичем сначала в Женеве, а затем в Париже, куда он в то время переехал. Вернувшись в Россию, работала в Москве, где была арестована в 1910 г. В 1912 г. я была арестована по делу Саратовской социал-демократической группы и выслана в Вологодскую губернию на три года. Некоторую работу удалось вести и в Вологде, и в 1914 г. я подверглась там аресту при полицейском участке на один месяц. Позднее я работала в Москве и накануне Февральской революции в Петербурге, поддерживая все время тесную связь с заграничной организацией и в частности с Владимиром Ильичем.

После Февральской революции я с первого дня возобновления «Правды»¹ работала в ее редакции. Эту работу я продолжала и в Москве с перенесением туда Центрального Органа партии. Одновременно я вела работу среди женщин, редактируя некоторые органы по женскому движению, а также работу среди рабселькоров, являясь членом редколлегии «Рабоче-крестьянского корреспондента»².

¹ «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета, выходящая с 5 мая 1912 года.

² Журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент» издается в Москве редакцией газеты «Правда» с 1924 года. Журнал был создан по предложению Марии Ильиничны.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

АВТОРИТЕТ ВОЛОДИ*

С самых детских лет я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе с своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка. И если я позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, если я только подозревала, что Владимир Ильич может меня видеть или слышать. Уже не говоря о том, чтобы я проявляла какую-нибудь тень непослушания по отношению к нему. А между тем он никогда не выказывал никакой строгости ко мне, даже, наоборот, баловал меня, как младшую в семье.

Я думаю, что такой полный авторитет он завоевал себе благодаря высоте своего нравственного облика. Дети ведь очень чутки к тому, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы взрослые не оперировали с двоякого рода моралью: одною, применяемою к детям, а другою — к себе. Брат

всегда делал хорошо все, за что бы он ни брался, кроме того, он очень рано научился владеть собой. А между тем от природы он был вспыльчивым и нужно было немало воли, чтобы сдерживать себя. Повторяю: я не помню, за малыми исключениями, чтобы он был нервен в то время, чтобы он проявлял себя резко по отношению к кому бы то ни было.

Возможно, что моя привязанность к Владимиру Ильичу усугублялась еще тем, что я перенесла на него любовь к отцу, который умер, когда мне еще не было восьми лет. Отец очень любил возиться, бегать и играть с нами, детьми. Много возился он и со мной, как с младшей. У Владимира Ильича было такое же отношение к детям, как и у отца. В этом отношении было то, что особенно завоевывает детей. Он подходил к ним просто, ласково и, я бы сказала, как равный, как к всамделишным людям, хотя и маленьким. В его тоне и обращении с ними не было ни пренебрежительности, которая так часто чувствуется у взрослых по отношению к детям, ни особого подлаживания под детей и под детские интересы. Владимир Ильич сам слишком много детского, в лучшем смысле этого слова, сохранил до последних дней своей жизни, что выражалось в удивительной чистоте, искренности, жизнерадостности, способности увлекаться, скажем, охотой, прогулкой, игрой и пр., как ребенок, а также в умении предаваться самой беззаботной веселости. Как же тут было не завоевывать симпатии детей!

ЕЛКА В ГОРКАХ*

И всегда, когда Владимиру Ильичу приходилось встречаться с детьми, у него очень быстро устанавливались с ними самые дружеские отношения, с оттенком влюбленности со стороны детей. Знакомство завязывалось быстро, и через некоторое время слышались уже громкий хохот, возня и беготня.

Владимир Ильич стоял всегда за предоставление детям наибольшей свободы и в более поздние годы останавливал нас, когда замечал, что мы «обдергиваем» их: «сиди смирно», «не вертись», «не озоруй» и т. п. Это отношение его к детям проявилось и незадолго до его смерти. На рождество 1923 г. я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников. Владимир Ильич приехал (сверху) на своем кресле и с удовольствием смотрел на игры детей и слушал их хоровое пение. Но когда под конец я раздала ребятам подарки и они на радостях слишком расшалились и разбегались, я стала их останавливать, боясь, как бы весь этот шум не утомил слишком Владимира Ильича. Но он тотчас же знаками попросил меня не останавливать детей в их играх.

Никакого «обдергивания» не было никогда со стороны Владимира Ильича и по отношению ко мне, когда я была ребенком, а он молодым человеком (он был старше меня на восемь лет).

Отношение его ко мне было всегда простое и ласковое и как-то поднимало меня всегда в собственных глазах.

В симбирский период нашей жизни разница лет между мною и Владимиром Ильичем, о которой я говорила выше, была особенно ощутительна.

Но я слишком забежала вперед.

РОДНОЙ ДОМ*

Из жизни в Симбирске, до смерти отца, у меня сохранились такие воспоминания. Мы жили в большом, поместительном доме с антресолями, на которых помещались мы, дети. К дому примыкал большой, покрытый травой двор, на котором летом устраивались всегда разные игры, вроде жмурок, пятнашек и пр., а зимой сооружали ледяную гору. За двором тянулся большой фруктовый сад, который выходил на параллельную Московской, на кото-

рой был наш дом, Покровскую улицу. Этот сад был очень хорош. Вокруг него шли дорожки, обсаженные сиренью, акацией и пр. На них было очень много тени. Посредине тоже были дорожки, которые разделяли сад на четыре равные части. Эти четвертушки были засажены всевозможными ягодными кустами, яблонями и т. п. Без особого разрешения нам не позволялось рвать что-нибудь в саду. «Пастись» на грядках с клубникой, в малиннике и пр. разрешалось только после того, как были сделаны запасы варенья и когда набегу ребят на кусты и гряды не могли уже плачевно сказаться на последствиях. Запрещение это выполнялось нами, детьми, очень строго. И я помню, как поразили меня слова одной знакомой, которая в разговоре с мамой выразила удивление, что в саду все цело. «Мои, мол, ребята, все обрывают». Я не помню, чтобы запрет рвать ягоды и пр. был для нас особенно труден, мы всегда получали ягоды за столом, кроме того, запрета, например, на крыжовник, когда он созревал, не было совсем, да и на другие ягоды запрет скоро снимался, как я указала выше.

В этих ягодных кустах, помню я, мелькала иногда фигура Владимира Ильича. Помню и чаепития в беседке посреди сада, куда собиралась после обеда вся семья. Но в те годы разница лет между мною и Владимиром Ильичем (восемь лет) была особенно ощутительна: я была еще совсем маленькой, а брат — гимназистом старших классов. Но некоторые картинки у меня ярко запечатлелись в памяти. Вот я еще совсем маленькая. В доме у нас была собачка, по кличке Сагҫон¹, которую наша старушка няня, жившая у нас в доме и вынянчившая всех детей, начиная с Владимира Ильича, называла Кальсонкой. Раз вечером кто-то из мальчиков — у нас жили в то время дети Персианиновых — гимназисты — зовет меня наверх, в их комнату, чтобы посмотреть фокус. Я иду вместе с няней и, затаив дыхание, смотрю на ящик от маминной машинки, который сам двигается по полу то в одну, то

¹ Мальчик.

в другую сторону. Изумлению моему нет конца, но изумление это переходит в отчаяние, когда ящик приподымают и под ним оказывается наша собачонка. Я заливаюсь горькими слезами, и даже обещание няни дать Кальсонке сейчас же говядинки плохо способствует моему успокоению. Но тут появляется Владимир Ильич, и его уверение, что с собакой ничего не произошло, оказывает свое действие.

А вот зима. И мы летим с Владимиром Ильичем на санках с высокой ледяной горы, устроенной на дворе. В те годы Ильич называл меня «пичужкой» и часто высоко поднимал меня над головой, взяв сзади за локти.

ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ*

В 1886 г. (12 января) умер отец, а 8 мая 1887 г. был повешен в Петербурге старший брат, Александр.

Я уже рассказывала в своей речи на Московском Совете 7 февраля 1924 г. о том, какое впечатление произвела на Владимира Ильича казнь старшего брата, и приводила его слова: «Не таким путем надо идти, мы пойдем не таким путем». Выражение лица при этом у него было такое, точно он жалел, что брат слишком дешево отдал свою жизнь, не использовав ее так, как можно было это сделать на благо рабочего класса.

Летом 1887 г. мы переехали в Казань, продав дом и распроставшись совсем с Симбирском. Сестре Анне ссылка в Восточную Сибирь была заменена Казанской губернией, и она поселилась там в имении тетки — в Кокушкине. Младший брат¹ был переведен в казанскую гимназию, а Владимир Ильич поступил в Казанский университет. Два месяца, что он пробыл в университете, я жила вместе с сестрой в деревне, а за несколько дней до его высылки из Казани приехала с кем-то в город. Помню зимний морозный вечер. Вместе с Ильичем мы в кибитке

¹ Дмитрий Ильич Ульянов.

с бубенчиками едем в Кокушкино, а сзади на санках нас провожает какой-то полицейский чин. Это было мое первое знакомство с полицией. Город кончается, мы выезжаем в поле, и тогда наш провожатый поворачивает обратно. В Кокушкине Володя проводит все время за книгами в своей комнате за письменным столом, и я захожу в эту комнату с каким-то особенным чувством уважения. А когда он берется заниматься со мной — что, впрочем, в этот период случалось редко, — я испытываю глубокую радость и мне кажется, что все занятия идут у меня куда лучше. Гулять мы отправлялись обыкновенно на речку по льду. Владимир Ильич охотился за зайцами, но, должно быть, неудачно, и сестра часто поддразнивала его этими неудачами. Зимой в деревне жилось невесело, к тому же дом, в котором мы жили, был довольно холодный. Общества — никакого, и мне казалось, что брат тяготился жизнью там. За границу его не пускали.

В СИМБИРСКЕ

Вы просите, ребята, рассказать вам о товарище Ленине? Вы говорите, что знаете о нем как о вожде рабочего класса, вожде мировой социальной революции, но вам так мало приходилось слышать о нем как о человеке и вы хотели бы больше знать о его жизни. Вы правы, когда задаете такие вопросы, потому что товарищ Ленин был большим человеком не только по своему уму, по той роли, которую он играл в нашей революции, по той огромной работе, которую он вел во имя освобождения и улучшения жизни всех обездоленных, угнетаемых капиталом людей во всем мире. Не только эту работу должны мы все изучать, мы должны хорошо знать товарища Ленина и как человека, потому что это поможет нам и самим стать лучше.

Я постараюсь рассказать вам поподробнее о нем, потому что знаю Владимира Ильича не только по книгам

и рассказам других людей, но знаю его близко и по совместной жизни с ним.

Слушайте же.

Наши детские годы прошли на Волге, в городе Симбирске, который теперь в честь Владимира Ильича, настоящая фамилия которого была Ульянов, переименован в Ульяновск. Это был (в значительной степени он остался таким и теперь) небольшой провинциальный город, тихий и спокойный. Там не было фабрик и заводов, не было трамваев и даже конок, к Симбирску не была в то время проведена еще железная дорога. Зимой сообщаться с другими городами было поэтому особенно трудно: можно было ездить только на лошадях, а это ведь такой неудобный и долгий способ передвижения! Но с весны, с открытием навигации, Симбирск несколько оживал. Он лежит на большой судоходной реке, и, когда она сбрасывала с себя ледяные оковы, на пристани города закипала жизнь, раздавались свистки пассажирских и буксирных пароходов, оживала торговля и сообщение с другими городами становилось более удобным — на пароходах. Симбирск, теперешний Ульяновск, расположен на высоком гористом берегу Волги, в нем много зелени и фруктовых садов, которые расположены по горе. Весной, особенно в ледоход, вид на Волгу с горы, Венца, как называется там бульвар над обрывом, был очень красивый. Река поднимается из своих берегов, делается шире, а льдины несутся вниз по воде, набегаая одна на другую, треща и образуя местами заторы. И борются одна с другой, пробивая себе дорогу, отталкивая более мелкие или с грохотом разбивая их. Мы любили смотреть на эту картину, любили прогулки по Венцу, с которого ледоход, возрождающееся движение по реке, был особенно хорошо виден.

Но в Ульяновске есть и другая река, Свияга, которая впадает в Волгу. Дом, в котором мы жили, был ближе к Свияге, и мы чаще ходили туда гулять, купаться и кататься на лодке. Можно было там и рыбачить, что особенно любил мой младший брат, Дмитрий Ильич.

Жили мы в довольно большом, поместительном доме, который отец наш, служивший директором народных училищ, купил в 1878 г. К дому примыкали большой, покрытый зеленой травой двор и сад, который выходил на другую, параллельную Московской улице, на которой был наш дом, Покровскую улицу. На Покровскую улицу выходила калитка, и этим выходом мы пользовались обыкновенно, когда ходили купаться и гулять на Свягу: это был кратчайший путь до нее. Для купанья у нас был определенный час в купальне, принадлежавшей одним знакомым, и в этот час должно было успеть выкупаться как мужское, так и женское поколение нашего дома. Заранее уславливались, кто пойдет раньше, отец с братьями или мы с матерью. И нередко, придя к купальне, мы видели, как братья бултыхаются в воде. Ящик в купальне не удовлетворял их, они выплывали обыкновенно из купальни в реку и уплывали иногда довольно далеко от нее. Приходилось иногда и братьям поджидать, пока мы, сестры, выкупаемся. У купальни была скамеечка, на которой обычно и располагались ожидающие.

На дачу, за город, мы обычно не выезжали, когда жили в Симбирске, и только иногда уезжали на некоторое время в Казанскую губернию, в село Кокушкино, где жили две наши тетки со стороны матери.

Часть этого имения, принадлежавшего отцу нашей матери, перешла по наследству к ней, но долго проводить там время было неудобно, ибо отец не мог на долгое время отлучаться со службы, но старшие дети жилали там иногда и одни. Это был очень живописный и хороший уголок, с речкой, на которой можно было рыбачить и кататься на лодке, со старым парком, в котором раздавались всегда голоса детей — их собиралось в Кокушкине много по летам. Был недалеко и лес, куда мы ходили гулять.

Поездку в Кокушкино мы, дети, очень любили, уже одна поездка на пароходе до Казани, чтобы потом пересесть на лошадей, была для нас удовольствием. Пленяла, конечно, и компания двоюродных братьев и сестер,

которые, как я уже говорила, собирались на летние каникулы в большом количестве в Кокушкине. Удовольствием этих поездок пользовались, впрочем, больше старшие братья и сестры, а мы, меньшие, чаще оставались с матерью в Симбирске или ездили туда только на сравнительно короткий срок. Мать неохотно отпускала нас без себя, а сама она тоже не уезжала надолго, чтобы не оставлять отца одного.

В ГИМНАЗИИ

*Из речи на траурном заседании Моссовета
7 февраля 1924 г.*

В старших классах гимназии Владимир Ильич проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которой была заполнена вся его последующая жизнь.

Особенно памятно мне время после окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и Самаре, до отъезда в Петербург...

Целые дни проводил Владимир Ильич за книгами, отрываясь только для прогулки и для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые, так же как и он, готовили себя к революционной работе. Это умение работать, это упорство сохранилось у него на всю жизнь.

И в ссылке, и за границей он пользовался каждым свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. Сохранилось много тетрадок и выписок Владимира Ильича, и по

ним можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания было им проштудировано. Он всю жизнь учился. Изучал великих мыслителей и живую жизнь, теорию и практику, факты и цифры. Гимназия была только началом.

При всей своей природной одаренности Владимир Ильич не был бы тем, чем он был, если бы не работал так упорно над собой в течение всей своей жизни, начиная с гимназических лет.

КАК? БЕЛУЮ ТЕТРАДКУ ЧЕРНЫМИ НИТКАМИ?

У Владимира Ильича с самых детских лет была очень характерная черта: все, за что он ни брался, он выполнял очень хорошо. Сплошь и рядом, если ученику задано какое-нибудь сочинение, срок большой, он садится делать в последние дни, перед самой подачей письменной работы. Думает: «Времени много, успею». Когда Владимиру Ильичу задавали какое-нибудь сочинение на дом, он брался за него сразу — подготавливал материал. Подбирал себе книги, читал их, делал выписки...

Когда я была во втором классе гимназии, он иногда мне помогал в занятиях, если я чего-нибудь не понимала. И всегда требовал большой аккуратности и точности. Помню, мне задали нарисовать карту Европы. Я, посмотрев на карту, нарисовала от руки. Он сказал, что для этого есть циркуль, нужно смерить точно расстояние, и заставил все переделать. Вот другой случай. Я занималась с ним язы-

ками. Нужно было выписывать незнакомые слова. Я взяла тетрадку, взяла первую попавшуюся нитку и сшиваю. Нитка попала черная. Он увидел и говорит: «Как? Белую тетрадку черными нитками? Нельзя!» И тут же заставил меня переделать. Вот такая точность была у него во всем. И это осталось на всю жизнь.

Мне приходилось с ним жить в тогдашней Самарской губернии, на хуторе Алакаевке, теперь там колхоз «Уголок Ленина», очень хороший колхоз. Владимир Ильич жил там летом. Было ему лет 18—20. Время у него было разграничено. Аккуратно каждый день встанет, напьется чаю, заберет тетради, словари, книги, идет в уголок сада. Устроил там себе стол, скамеечку, трапецию. Сам устроил: вбил палки и сделал перекладину.

Регулярно, в определенный час, чтобы зря не пропадало время, садился он заниматься. С утра он брался за более трудные вещи: политэкономия, историю. И так обыкновенно часов до двух, до обеда, он проводил время в этом уголке. Я приходила туда заниматься иностранными языками.

Не было ни одного дня, чтобы он не занимался, чтобы он куда-нибудь ушел. Как бы ни были велики у человека способности, без такого упорного труда достигнуть чего-нибудь нельзя. После обеда он шел или гулять или туда же читать беллетристику, новые журналы. Эта точность в распределении времени у него так и осталась с юных лет. Поэтому он очень многое успел сделать.

Он очень любил языки: немецкий, французский, очень большое внимание уделял их изучению. Словари у него были все подобраны. Его таблицы неправильных французских глаголов так аккуратно разграфлены и написаны — точно напечатаны.

Особо близких товарищей в школе у него не было, но школьные товарищи к нему хорошо относились. Он, бывало, раньше уходил в школу, чтобы помочь кому-нибудь в задачах и древних языках, которые он очень хорошо знал, да и в новых языках.

Мария Ильинична Ульянова в гимназические годы. 1893 г. Москва.

У него очень рано сказалась способность к журнальной литературной работе. В симбирской гимназии учитель словесности, бывало, поставит Владимиру Ильичу пять с плюсом да еще хвалит изо всех сил. Он всегда говорил нашей матери, что ее сын будет литератором, — такой у него был хороший слог. Математикой и естественными науками Владимир Ильич меньше занимался. Склонность к естественным наукам была у старшего брата, Александра Ильича. Он постоянно ездил на лодке, червей всяких собирал, делал коллекции яиц. А Владимир Ильич этого не любил. Он больше любил языки, словесность, историю, литературу.

СТАРШИЙ БРАТ

Брата старшего он очень любил. Александр был старше Владимира Ильича года на четыре. Владимир Ильич обыкновенно все делал, «как Саша», как он говорил. Бывало, кашу подадут на стол, его первого нарочно спрашивают: «Володя, как кашу хочешь: с молоком или с маслом?» Он всегда отвечал: «Как Саша».

Старший брат был очень выдержанный, уравновешенный, мягкий, а Владимир Ильич в детстве был шумливый, вспыльчивый, не очень дисциплинированный. Старший брат имел на него огромное влияние. Потом он выровнялся совершенно. Дружил он больше всего со средней сестрой¹: они по возрасту подходили, читали много вместе. А в играх всегда их была троица: Володя, Ольга и Дмитрий. Все эти игры происходили во дворе.

¹ Ольга Ильинична.

На Владимира Ильича очень сильное впечатление произвела казнь старшего брата. В этом году он как раз окончил гимназию. Поехал в университет в Казань. Порядки тогда в университете были очень тяжелые: запрещалось собираться студентам, которые хотели заниматься самообразованием. Были надзиратели, они назывались «педелями», которые доносили начальству о политических разговорах студентов.

В Казани студенты как-то хотели проучить одного надзирателя, вообще потребовали большей свободы в университете. Они написали петицию, и Владимир Ильич принял в этом очень активное участие. Петицию эту у студентов не приняли. Была вызвана полиция. Многие студенты тогда демонстративно бросили свои студенческие билеты. И Владимир Ильич бросил свой билет. Несколько десятков студентов было арестовано. Владимир Ильич тоже.

И вот когда пристав вез его в тюрьму, то сказал: «Что вы бьетесь, молодой человек, ведь стена перед вами».

А Владимир Ильич очень решительный был и отвечает: «Да, стена, да гнилая, ткни и рассыплется».

Выслали его в Казанскую губернию. Там за ним был негласный надзор. Старшая сестра тоже там жила. Она была под гласным надзором, пристав приезжал узнавать, как, что, не приезжает ли кто-нибудь. Тут только и можно было делать, что сидеть и заниматься. И Владимир Ильич много занимался, читал.

Когда Владимир Ильич был в Казани, он познакомился кое с кем из революционеров. Было там несколько человек старых народовольцев. С их тактикой, с их методами он был несогласен, но всегда старался взять у них все, что можно было использовать для революционной работы. Он всегда расспрашивал их:

«А как вы прятались от шпииков, как в тюрьме знакомства заводили?»

Во время подполья очень важно было, чтобы революционер был конспиративен, чтобы он умел одурачивать жандармов и шпииков. Сколько раз Владимир Ильич мог

попасть на каторгу, если бы попался жандармам, но благодаря находчивости и умению он от них уходил.

Подпольную работу Владимир Ильич начал в 90-х годах, когда приехал в Петербург... Условия были очень трудные. Техники, как мы ее тогда называли, т. е. возможности печатать листки в типографии, не было. Первый листок Владимир Ильич выпустил от руки. Он написал его печатными буквами, четыре-пять экземпляров. Шпики, филеры — полицейские агенты — держали себя очень умело. Сплошь и рядом бывало так: пойдет за тобой один, а чтобы не догадался, что за тобой следят, передаст другому, потом снова появится. Владимиру Ильичу приходилось изучать проходные дворы и все время зорко следить, а не идет ли кто-нибудь? У него было особое умение от них бегать...

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА ОБЕДЕ У ЧАСТНОГО ПРИСТАВА

Во время одного своего приезда в Москву (по-видимому, это было до его ссылки) Владимир Ильич попросил одну свою старую знакомую (М. П. Голубеву) дать ему квартиру для свидания с двумя товарищами. Попробовав достать такую квартиру в одной знакомой радикальной семье и потерпев неудачу, Мария Петровна решила устроить свидание для Владимира Ильича на квартире своей сестры, которая была замужем за частным приставом. Сестра эта очень любила Марию Петровну и раньше оказывала ей всякие услуги — собирала деньги, не зная, впрочем, на что они идут, давала свою квартиру для свиданий Марии Петровне с товарищами. Свидания эти устраивались на ее квартире Марией Петровной, однако обычно в отсутствие пристава, которого служебные его дела вынуждали бывать в более или менее длительном отсутствии. Узнав от сестры, что муж ее в определенный день будет в каком-то наряде, она дала ее адрес Владимиру Ильичу для него и его знакомых, указав время, когда надо прийти.

Владимир Ильич пришел раньше, и они с Марией Петровной уединились в маленьком кабинетике и беседовали там в ожидании прихода других. Это было в первом часу дня. Вдруг неожиданно возвращается пристав, выяснивший, что дело, которое ему было поручено, откладывается и он имеет время, прежде чем идти в наряд, пообедать дома. Относившийся вообще с большим почтением к Марии Петровне и пытавшийся даже однажды хлопотать за нее (вопрос шел о том, чтобы ей было разрешено дольше остаться в Москве), за что он едва не вылетел с места (ему было заявлено, что если, мол, вы уж имеете таких родственников, то по крайней мере не хлопочите за них), пристав с большим гостеприимством пригласил обедать и Марию Петровну. Жена его сказала, что Мария Петровна не одна, а у нее сидит ее знакомый. Но пристав настоял, чтобы к обеду был приглашен и тот. И вот Владимир Ильич пошел с Марией Петровной обедать вместе с приставом. Хозяин, не зная, конечно, с кем он имеет дело, был воплощенной любезностью и, чтобы занять своих гостей, стал рассказывать о том, что он пишет мемуары, которые представляют большой интерес. Владимир Ильич поддакивал ему: «Да, это должно быть очень интересно» — несколько раз в течение обеда. Сказал то же самое и на приглашение пристава прийти как-нибудь к нему вечером, чтобы послушать чтение этих мемуаров. Мария Петровна едва удерживалась от смеха. Во время этой беседы пристав рассказал между прочим, что он сидел в тюрьме месяца три (он сидел за какую-то недостачу денег) и чуть ли не там занимался своими мемуарами. К счастью, два товарища, с которыми Владимир Ильич должен был иметь свидание, пришли позже, когда обед был уже окончен и пристав ушел к исполнению своих обязанностей. Неизвестно, сумели ли бы они держать себя соответствующим образом, как это делал Владимир Ильич. Когда они пришли, Мария Петровна повела их с Владимиром Ильичем в ту комнатку, где она раньше беседовала с ним, а сама вышла. Кто были эти товарищи — она не знала.

В «ПРАВДЕ» ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

БАРЫШНИ

Первый номер «Правды» вышел 5 марта 1917 г. Небольшая группа работников во главе с К. С. Еремеевым составляла этот номер. Составляла наспех: материал еще не успели собрать, не успели наладить и связи с фабриками, заводами, полками. Это делалось уже потом, в последующие дни, когда петербургские рабочие увидели возродившуюся «Правду» и потянулись в убогое помещение ее редакции на Мойке со своими резолюциями, запросами, с подпиской.

Вечером 4-го пишушая эти строки и А. И. Елизарова спешно набрасывали свои впечатления — хронику уличной борьбы первых дней революции, Константин Степанович попыхивал трубкой, трудясь над передовицей...

Вся контора «Правды» состояла из К. М. Шведчикова и стола, за которым он сидел в помещении редакции. Первый номер «Правды» 5 марта был распространен бесплат-

но, а в последующие дни в «контору» тянулась очередь рабочих, пришедших подписаться на «Правду».

— Ну-ка, на родную-то нашу, матушку, — слышались голоса.

Редакция помещалась в двух комнатах. Одна, маленькая, представляла собою кабинет редакторов, и позднее из нее через плохонькую переборку раздавался хохот Ильича и его ближайших товарищей по работе, которые ежедневно по нескольку часов проводили в редакции.

В другой, немного большей, помещался секретариат, сидели товарищи, обрабатывавшие материал, машинистка и т. д.

Типография помещалась в том же доме, в другой квартире, а в редакции была еще лишь одна маленькая комната, совершенно пустая, в которую члены редколлегии уединялись обыкновенно для переговоров с приходившими и приезжавшими к ним товарищами. А приезжало их много, особенно с фронтов, и много вопросов, сомнений и недоумений надо было разрешить и давать указания для дальнейшей работы.

В этот период в редакцию приходило особенно много писем с фронта. Ни о каком подсчете их в то время, конечно, не могло быть и речи, потому что не было соответствующего аппарата — он был мал донельзя, но это преобладание солдатских писем в первые месяцы революции бросалось в глаза не только нам, работникам редакции, через руки которых проходила вся почта, но и всем читателям «Правды», так как многие из этих писем были напечатаны в ней.

В большинстве солдатских писем выражалось сочувствие «Правде» и большевикам. Не разбиравшихся еще в политических партиях и их программах солдат влекло к большевикам главным образом горячее стремление выйти как можно скорее из войны, а путь к этому они видели только один — тот, что указывала «Правда». Но были, конечно, и ругательные письма. «Немецкие шпионы», «изменники» и пр. и т. д. — таких эпитетов было немало,

и завершались они обыкновенно угрозой, что солдаты, «защищающие отечество», вернувшись с фронта, разделяются с «предателями». Но таких писем становилось все меньше по мере того, как фронтовики начинали судить о большевиках по их литературе и по «Правде», которая хотя и с трудом, но доходила до фронта.

Иногда в редакцию вваливалась запыленная, с обветренным и изможденным лицом фигура окопника, которого его товарищи делегировали в Петроград, чтобы завестись литературой, из первоисточника узнать, как нужно организовать, и пр.

В апреле, немедленно по возвращении из эмиграции, за редактирование «Правды» взялся Владимир Ильич. Это был один из наиболее блестящих периодов «Правды». Определенность, четкость позиции, блестящие статьи наших лучших литераторов, в которых они откликались немедленно на все злободневные вопросы, делали ее крайне интересной. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда ни одну газету не читали с таким захватывающим интересом, как маленькую нашу «Правду» апреля — июля 1917 г.

А кругом шло шипенье. Растущая злоба «порядочных» людей против большевиков проявлялась во всяких мелочах. Невероятного труда стоило, например, добиться станции по нашему редакционному телефону. Все заявления и жалобы по этому поводу оставались гласом вопиющего в пустыне. Зато нередко раздавался звонок, и, когда кто-нибудь из нас брал телефонную трубку, раздавался голос: «Это что? «Правда»? — «Нет, это ложь, а не правда», — восклицала телефонная барышня, бросая трубку. С такой же злобой, я сказала бы, почти с яростью относились к приходившим в редакцию жильцы того дома, где помещалась «Правда». На просьбы указать, как пройти в редакцию, неизменно следовала самая грубая брань. На грех, «Правда» помещалась на Мойке, у самого Невского, где жила такая публика, что на ее симпатии к большевикам нечего было рассчитывать. Когда страсти особенно разго-

рались, как это было, например, во время демонстраций 20—21 апреля, в редакцию и типографию «Правды» вызывалась охрана. Однажды вечером, когда Ильич был в редакции, прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда — враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике, в сопровождении солдата с винтовкой Владимир Ильич уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3. В этой квартире было несколько комнатных жильцов. Когда Владимир Ильич вошел в прихожую, ему навстречу выбежали две барышни и, не узнав его (в комнате был полумрак), направились к выходной двери с возгласом: «Идем бить Ленина».

В июльские дни «Правда» была разгромлена, а Владимир Ильич скрылся в подполье.

ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ В 1917 ГОДУ

16 апреля исполняется 20 лет¹ со дня приезда В. И. Ленина в Петроград после Февральской революции, положившей конец его долголетнему изгнанию. Почти пятнадцать лет (за вычетом пребывания его в Петербурге во время первой российской революции 1905 г.) — пятнадцать лучших лет своей жизни провел Владимир Ильич в эмиграции, в среде, где «много тяжелого», как писал он, где «невероятно, чудовищно велик процент людей, все существо которых — один больной комок нервов...». Эмиграция была особенно тяжела, ибо приходилось жить вдали от русских рабочих масс, к непосредственной связи с которыми Ильич всегда так стремился...

Тем более непереносно стало это бремя, когда в России вспыхнула Февральская революция.

¹ Воспоминания написаны в 1937 году.

«Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время», — писал Владимир Ильич т. Ганецкому.

Ленин стал неудержимо рваться в Россию, чтобы принять непосредственное участие в руководстве революционной борьбой пролетариата и трудового крестьянства, иметь возможность своевременно влиять на политические события. Однако проехать в Россию было делом нелегким. На помощь Антанты могли в этом смысле рассчитывать лишь социал-шовинисты. Плеханов и его сторонники беспрепятственно проехали на крейсере в сопровождении миноносцев. От деятельности оборонцев в России Антанта могла ждать лишь пользы для себя в своей империалистской политике. Не то было с интернационалистами, фигурировавшими в «черных списках»! Для них проезд через страны Антанты представлял риск интернирования, ареста или потопления парохода, как это и имело место с некоторыми, избравшими такой путь в Россию. Ильич прекрасно понимал это.

«Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще... — писал он Ганецкому 30 марта 1917 г. — Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К^о) способны пойти на все, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму».

Но какой же другой путь избрать? Один фантастический план сменялся у Владимира Ильича другим, но все они были неосуществимы. В бессонные ночи, обдумывая возможности вырваться из Швейцарии, он решил как-то прикинуться глухонемым и с паспортом шведа пробраться в Швецию. Ганецкий должен был найти шведа, похожего

на Ильича, и добыть у него паспорт. К письму с изложением этого плана была приложена и фотография Владимира Ильича. «Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, — рассказывает Ганецкий, — но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом... Однако присланная фотография (Владимира Ильича. — М. У.) была сейчас же использована. Через два дня она красовалась в ежедневной газете левых шведских социал-демократов «Политикен», а под ней — передовица, написанная Воровским: «Вождь русской революции»...»

Изверился скоро Владимир Ильич и в успехе попыток комитета по возвращении в Россию русских политических эмигрантов добиться через Совет рабочих депутатов содействия Милюкова на проезд через Германию в обмен на германских пленных. Милюков не мог одобрить такой план. Единственной реальной возможностью было добиться разрешения германского правительства проехать через Германию, которое было получено через нейтральных швейцарских социалистов.

Это был, конечно, рискованный шаг, так как ясно было, что русская буржуазия и социал-шовинисты попытаются использовать проезд большевиков через Германию для клеветы и инсинуаций против них. Ввиду этого переезд надо было обставить так, чтобы устранить всякую возможность обвинения в сделках с германским правительством и немецкими социал-шовинистами. Владимир Ильич поручил швейцарскому коммунисту Фрицу Платтену предъявить германским властям условия переезда. В основном они заключали в себе требование экстерриториальности вагона, паспорта едущих не должны были предъявляться, никто, помимо т. Платтена, который сопровождал Владимира Ильича и его товарищей до Стокгольма (в Петроград его не пустило русское правительство), не имел права ни выходить из вагона, ни вести с кем бы то ни было дорогой каких-либо переговоров. В силу этого их вагон получил впоследствии название «запломбированного».

9 апреля (н. ст.) Владимир Ильич выехал из Цюриха.

С ним ехала лишь небольшая часть эмигрантов, главным образом большевиков. Другие признали этот переезд «политической ошибкой» и устроили даже при отходе поезда враждебную демонстрацию нашим товарищам. Впоследствии, однако, они вынуждены были избрать тот же путь, изверившись в возможности проехать в Россию как-либо иначе.

Приезд Владимира Ильича в Петроград, как мы ни ждали его, был неожиданным. Лишь 16 апреля днем получены были из Торнео телеграммы от него с известием о приезде. Это был праздничный день¹. Заводы не работали, газет не было, но из уст в уста разнеслась по рабочим районам радостная весть, что вечером должен приехать вождь большевиков. Рабочие стали готовиться к торжественной встрече своего признанного, любимого вождя и учителя.

Встреча началась с Белоострова. Кроме ближайших товарищей Владимира Ильича и его родных, сюда приехали и сестрорецкие рабочие и работницы со своими знаменами. Ильича вынесли из вагона на руках, и на вокзале он обратился к рабочим с речью. Он говорил о значении Февральской революции, которая должна быть «ступенькой» к всемирной социалистической революции.

Эта встреча произвела на Владимира Ильича большое впечатление. Все лицо его светилось, он был очень возбужден. Засыпая товарищей вопросами о положении дел, он высказал в то же время опасение, что в Петрограде его, вероятно, арестуют. Но вместо ареста его ждала на Финляндском вокзале еще более торжественная встреча. У всех, кто присутствовал при ней, встреча оставила неизгладимое, незабываемое впечатление.

К моменту прихода поезда вся площадь и прилегавшие к ней улицы были заполнены народом. Тут были десятки тысяч рабочих и работниц, пришедших со своими знаменами. На перроне был выстроен почетный караул из

¹ Пасха.

матросов флотского экипажа, солдат пулеметной роты, Московского и Преображенского полков. При появлении Владимира Ильича солдаты и матросы взяли на караул, а военный оркестр заиграл «Марсельезу». Выслушав рапорт, Владимир Ильич обратился к почетному караулу с лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!» Затем его провели в «парадные покои», где ему пришлось выслушать кисло-сладкое приветствие Чхеидзе¹, приехавшего встретить его от исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. И опять в своей ответной речи Ильич употребил тот же, очевидно сильно огорошивший Чхеидзе, лозунг.

Выйдя на площадь, Владимир Ильич сел было в приготовленную для него легковую машину, но рабочие делегации, громко приветствовавшие его, потребовали, чтобы он вышел из машины и поднялся на броневик. Освещенный прожектором, броневик тронулся к дому Кшесинской², а Ильич, оборачиваясь то в одну, то в другую сторону, приветствовал окружавших его рабочих и солдат, освободивших Россию от самодержавия. «Да здравствует социалистическая революция!» — восклицал он. Медленно двигалась за броневиком рабочая толпа. Во главе ее шла заводская и районная вооруженная милиция, по краям рабочие образовали цепь из своих рядов.

Во дворце Кшесинской собрались партийные товарищи. Посыпались приветствия, но Владимир Ильич очень быстро перевел разговор на деловые темы. Он обратился к собравшимся с речью, в которой изложил свою точку зрения на ближайшие задачи, стоящие перед партией в связи с создавшимся положением. Он высказал те положения, которые были на следующий день изложены им

¹ Н. С. Чхеидзе — один из лидеров меньшевиков, был председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, активно поддерживал буржуазное Временное правительство.

² В доме (дворце) балерины М. Ф. Кшесинской помещались Центральный и Петербургский комитеты РСДРП(б), правления некоторых профессиональных союзов, читальня и солдатский клуб.

на фракции Петроградского Совета рабочих депутатов и нашли свое выражение в его знаменитых Апрельских тезисах.

Они вызвали бешенство буржуазии, дикий вой меньшевиков и эсеров. «Запломбированный» вагон, проезд через Германию были широко использованы ими с целью оклеветать вождя партии В. И. Ленина, отвлечь от большевиков несознательные слои рабочих и солдат, находившихся в плену мелкобуржуазных иллюзий. Лишь меньшинство рабочих понимало тогда позицию Ленина, правильность которой была так блестяще подтверждена через несколько месяцев и обеспечила успех и победу Великой Октябрьской революции.

20 лет прошло со дня приезда Ленина из эмиграции в апреле 1917 г. Лозунг, брошенный им рабочим массам в этот знаменательный день, претворен в жизнь.

ПОДПОЛЬЕ В «СВОБОДНОЙ» РОССИИ

ПОИСКИ ИЛЬИЧА В ПЕРВЫЕ ДНИ ИЮЛЯ 1917 г.

В ночь на 5 июля была разгромлена «Правда». Юнкера чуть не застали там Ильича, который всего за полчаса перед их набегом заезжал туда по какому-то редакционному делу. О разгроме мы не знали до следующего дня. Утром, когда мы только еще вставали, к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Было совершенно очевидно, что разгромом редакции дело не ограничится и что Ильичу грозит опасность попасть в лапы юнкеров. Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дому совершенно незамеченными. А мы стали готовиться к визиту непрошенных гостей, в котором нисколько не сомневались. К таким ночам посещениям мы достаточно привыкли при царизме, но как странно, как оскорбительно было подвергаться обыску в «свободной» России!

Поздно вечером на нашей тихой, безлюдной улице (мы жили в конце Широкой улицы, Петроградской стороны)

раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома. «Это к нам, это они!» — воскликнула я. И действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в котором мы жили, и солдаты уже направляются к подъезду. Мы из окон слышали их громкие голоса, слышали, как они переговаривались с дворником или швейцаром, а через несколько минут раздался звонок и громкий стук в дверь.

Мы открыли тотчас же, так как скрывать было нечего, и вся наша квартира наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями в руках. Они едва предъявили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за кем приехали. Помощник начальника контрразведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направились в комнату, где жил Ильич, остальные заняли все другие комнаты.

Хотя мы и сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись все же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон и т. п. Потребовали ключи и, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, набрасывались и прокалывали содержимое штыками. При этом, видимо, не соображали даже, что иной раз это была корзина таких размеров, в которой взрослому человеку никак не поместиться. После осмотра той или иной вещи я опять запирала ее на ключ, но скоро убедилась, что это еще больше разжигает страсти. «Если запирает, тут-то он и есть», — вероятно, думали они, и на корзину тотчас же налетали другие солдаты и снова заставляли отпирать ее, рылись, кололи штыками. Что лежало в корзине, их не интересовало, вещи они не осматривали: им надо было только убедиться, что там не спрятался тот «немецкий шпион», которого они пришли искать. Старший дворник сновал вместе с ними. Теперь язык у него развязался, и он не боялся уже говорить прямо. «Да если бы я знал раньше, я бы его такого-сякого собственными руками задушил!» — кричал он.

В комнате Владимира Ильича, где были помощник начальника контрразведки и двое-трое офицеров, обыскивавшие держались более сдержанно. Перерыв все и забрав часть бумаг, они делали все новые попытки что-нибудь выпытать от нас, а двое солдат сидели в это время у стола и перебирали некоторые письма Ильича. Там было немало писем с фронта от солдат, и большинство их было полно восторга и благодарности Владимиру Ильичу, который указывал им путь к окончанию проклятой войны. Я знала эти письма и, глядя теперь на читавших их солдат, видела на их лицах выражение удивления. Как! Немецкому шпиону, предателю интересов родины, которого они пришли арестовать как своего злейшего врага, их товарищи по оружию, солдаты, из окопов, пишут такие письма!

Один из офицеров тоже был точно в каком-то недоумении. Он все время засыпал нас вопросами, где Владимир Ильич жил раньше, что он делал, какие книги написал. «А нельзя ли эти его книги посмотреть?» — спросил он наконец. «Конечно, можно, — ответила я, — да не хотите ли их почитать?» — «А можно их взять?» — спросил наивный офицер, но его товарищи стали делать ему знаки и шептать что-то, очевидно, что, мол, неудобно это, и сконфуженный офицерик умолк.

Выведать, где находится Владимир Ильич, офицерам, конечно, не удалось. Один из них особенно настойчиво допрашивал об этом Надежду Константиновну. «Ведь и по старым царским законам жена не обязана была выдавать своего мужа», — прервала я его. Он умолк...

Не найдя ничего, офицеры и солдаты удалились, уведя с собой Надежду Константиновну, М. Т. Елизарова, у которого кто-то нашел сходство с Владимиром Ильичем, и нашу прислугу. Последняя не сумела сказать, как зовут «барина», у которого она служит, и контрразведка заподозрила, что она что-то скрывает. Но их продержали недолго и отпустили в ту же ночь, после того как переусердствовавшие контрразведчики получили от своего начальства нагоняй за то, что привели не того, кого искали.

Владимир Ильич в парике и кепке перед нелегальным выездом в Финляндию. Август 1917 г.

Прошло несколько дней. Был пятый час вечера. И опять наша улица наполнилась солдатами, и скоро они опять рыскали по квартире. На этот раз визит их, так как дело было днем, привлек большую толпу любопытных, которые окружили дом со всех сторон. Во главе отряда, пришедшего делать обыск, был молодой офицер. Он был и во время первого обыска, но тогда держался прилично. Теперь же, чувствуя себя старшим и будучи, вероятно, до последней степени обозлен, что поиски не приводят к желаемым результатам, он крайне резко напустился на нас, требуя указать, где Владимир Ильич. Контрразведке, мол, известно, что он приехал сюда. «Его здесь нет, поищите, и вы сами это увидите», — отвечали ему. Он принялся за поиски, побежал и в кухню. Прислуга наша была довольно несообразительная крестьянка. Она что-то буркнула сердито в ответ на вопрос о том, не приезжали ли кто-нибудь в квартиру, и скоро после этого выбежала по черному ходу на лестницу. Как выяснилось позднее, она вспомнила как раз в это время, что надо купить что-то, и побежала в лавку. Ее очень быстро вернули, но верить, что она направлялась в лавочку, офицер никак не хотел. Он был убежден, что ее направили в какую-нибудь другую квартиру этого же дома предупредить Владимира Ильича, который, очевидно, успел скрыться еще раньше. Накричав на прислугу, но получив от нее довольно решительный отпор — «что вы, мол, ко мне привязались, не знаю я ничего», — офицер заявил, что он будет вынужден обыскать весь дом. «А у вас есть разрешение на это?» — спросил его М. Т. Елизаров. Офицерик задумался на минуту и потом, признавая, очевидно, правильность указания, что без разрешения делать обыск во всем доме нельзя, побежал вниз звонить по телефону в контрразведку. В то же время он отдал распоряжение оцепить весь дом, не выпускать никого и обыскать прилегавший к дому пустырь. А на пустыре были свалены бревна, дрова и всякие обломки, и обшарить все это было дело нелегкое. Солдаты носились взад и вперед, приподымая прикладами бревна,

спускались в подвальные помещения дома, заглядывали во все щели, но поиски их не увенчались никаким результатом. А офицерик безумствовал...

Из контрразведки получилось разрешение произвести обыск лишь в одной квартире, расположенной этажом ниже, в которой жил в то время товарищ Алексей (Пушас). Обыска там не производили, но осмотрели все комнаты, проверили документы у присутствовавших и убедились, что там Владимира Ильича нет.

Таким образом прошло несколько времени. В нашей квартире оставлены были двое солдат. Мы угощали их чаем с бутербродами и вели с ними разговоры. Бутерброды они ели охотно, жаловались, что вот, мол, землишки мало и война надоела, но к нашим словам относительно Владимира Ильича, кто он такой и за что борется, относились недоверчиво. Слишком крепко им вбили в голову, что это немецкий шпион, слишком поражал этих несознательных людей факт его проезда во время войны через Германию. А почему, мол, других не пускают, а его пропустили?

Во время обыска Надежда Константиновна, возвращавшаяся из Выборгского района, где она работала, подошла было уже совсем к дому, но, увидав, какой переполох там творится, повернула обратно.

И еще, в третий раз, навестила нас контрразведка. Мы жили тогда уже на другой квартире. К Марку Тимофеевичу приехал племянник, которого в доме не знали. Кто-то нашел в нем сходство с Владимиром Ильичем, сообщил об этих своих предположениях куда следует — и снова ночной визит и переворачивание всей квартиры вверх дном. И опять без результата.

Но скоро он [В. И. Ленин] был переправлен из Петербурга сначала в Сестрорецк, а затем и дальше в Финляндию, и на душе стало спокойнее.

ПЕРВОЕ ПОКУШЕНИЕ НА В. И. ЛЕНИНА

1(14) января 1918 г., под вечер, Владимир Ильич выступал в Михайловском манеже перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт.

На митинг его сопровождали: швейцарский товарищ Платтен и пишущая эти строки. Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. «Стреляют», — сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» — «Разве в самом деле стреляли?» — спро-

сил его Ильич. «А то как же! — ответил шофер. — Я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было — туман, и то уже на риск ехали».

Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навылет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу.

«Да, счастливо отделались», — говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича.

НА ОТДЫХЕ

В начале лета 1918 г., когда встал вопрос о том, где проводить дни отдыха, В. Д. Бонч-Бруевич предложил Владимиру Ильичу ездить к нему на дачу в Тарасовку. Там имелись две свободные комнатки во втором этаже дачки, находившейся рядом с домом, где жила семья Владимира Дмитриевича. Столоваться мы должны были у него.

В Институте Ленина сохранилась записка, написанная, очевидно, на каком-либо заседании, — Владимир Ильич обычно практиковал такой способ, не допуская никакого шума и переговоров на заседаниях, — следующего содержания:

- 1) Как дела на даче?
- 2) Можно поехать на следующее воскресенье?
- 3) Вдвоем или втроем?
- 4) Можно ли там заставить ждать авто?

Владимир Дмитриевич дал положительные ответы на эти вопросы, указав, что он уже отдал распоряжение об отправке постельного белья и пр.

«Картошку купил, — прибавлял он. — Молоко и творог великолепны, есть и другой продукт».

Итак, дело с дачей было на мази. Но побывали мы на ней не более двух-трех раз, несмотря на гостеприимство В. Д. Бонч-Бруевича. Дело в том, что Владимир Ильич любил отдыхать в полном уединении.

«Здесь отдых чудесный, — писал он матери из Стирсуддена (Финляндия), где он жил летом 1907 г., — купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего».

А в Тарасовке было довольно многолюдно. Правда, мы обыкновенно уходили с утра одни на прогулку в лес, забираясь возможно дальше, чтобы избежать встреч со знакомыми и неизбежных разговоров, от которых Владимир Ильич уставал и в городе. Но избежать этих встреч все же было нельзя — на обедах, во время чаепитий и т. п. И настоящего отдыха для Владимира Ильича не получалось. Но самым большим злом на даче в Тарасовке были комары, которых Владимир Ильич совершенно не переносил. Сеток в окнах не было, и они беспрепятственно наполняли комнатки нашего «монрепо» своим жужжанием. И раз, безуспешно пытаясь заснуть ночью, Владимир Ильич сбежал с дачи на рассвете в город, и с тех пор поездки в Тарасовку были оставлены.

Другой дачи не было, и, чтобы подышать свежим воздухом в свободный день, мы с тех пор взяли себе за правило выезжать хотя бы на несколько часов за город, забирая с собой вместо обеда бутерброды. Ездили в разных направлениях, но скоро излюбленным местом Владимира Ильича стал лесок на берегу Москвы-реки, около Барвихи. Мы выбирали уединенное место на горке, откуда открывался широкий вид на реку и окрестные поля, и проводили там время до вечера. Товарищ Гиль, шофер Владимира Ильича, со своим авто располагался поблизо-

сти — охраны у Владимира Ильича тогда не было. Местечко это мы хорошо изучили и знали уже, какой мостик на проселке, ведущем к нашему «монрепо», выдержит машину.

Знали, правда, после некоторого плачевного опыта: один маленький мостик пострадал при переезде через него тяжелой машины. Но Владимир Ильич попросил тотчас же остановиться и привести его, насколько это было возможно, в надлежащий порядок.

Раз на дороге нам встретился понтонный мост. Мы остановились около него в нерешительности, но бывший поблизости крестьянин уверил нас, что ехать по нему на машине нельзя, указав, что его давно не ремонтировали.

— Ведь теперь, извините за выражение, Советская власть, — прибавил он.

Дело было в начале Советской власти, когда население не убедилось еще, что рабочий класс способен строить новое, а видело лишь, что он способен разрушать старое.

Иногда к нашей машине, когда мы проезжали по деревне, со всех ног бежала стая белоголовых крестьянских ребятишек с просьбой покатать их. Владимир Ильич, который очень любил детей, просил Гиля остановиться, машина наполнялась до отказа шумной, ликующей толпой ребят. Проехав километр-полтора, ребята высаживались и с веселым криком бежали обратно по направлению к деревне.

Как ни примитивен был такого рода отдых — о другом в то время трудно было думать, — он оставлял у всех нас очень хорошее воспоминание, и мы возвращались домой освеженные и довольные.

РАНЕНИЕ

Пятница 30 августа 1918 г. Утром получилось сообщение об убийстве в Петрограде тов. Урицкого. Настроение было тревожное.

В то время по пятницам на фабриках и заводах устраивались митинги, и Ильич обыкновенно выступал на них. Собирался он ехать в районы и в этот день... Меня по случаю простуды засадили дома, и в редакцию я вечером не поехала. Около 5 часов Ильич пришел из своего кабинета уже в пальто и сказал мне, что все же поедет на митинг, и категорически отказался взять меня с собой. Проходит час, другой. С нетерпением караулю у окна возвращение знакомой машины. Вот наконец она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей.

Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися наверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади наш шофер Гиль. На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен, только в руку, легко; бегу отворять двери, готовить постель, куда через несколько минут Ильича и укладывают. Товарищи, привезшие Ильича, помогают. Это тов. Гончарова, работающая сейчас в агитотделе МК, тов. Полуторный и рабочий Иванов.

Товарищ рабочий не теряется и тут.

— Скорее доктора, йоду, бинтов, — говорит он.

Кому звонить? Я соображаю, что в 8 часов должно быть заседание Совнаркома, на котором Ильич должен был председательствовать. Теперь уже около восьми. Товарищи, вероятно, собрались. Бегу в Совнарком и прошу скорее вызвать врачей: Ильич ранен. Тов. Винокуров, бывший там, бежит со мной: он ведь врач и может оказать первую помощь. Накладывает повязку. А в квартиру приходят все новые товарищи расспросить, узнать, что надо сделать. Звонит телефон — не сразу соображаем попросить кремлевских телефонисток не соединять. Несколько человек едут за врачами. Тут и шофер Гиль. Он наспех рассказывает, как было дело, а потом бежит звонить в аптеку, а также встретить и подготовить Надежду Константиновну, которая вот-вот должна вернуться. Но она и без подготовки догадывается, в чем дело, и спрашивает только: «Жив?»

Мало-помалу порядок несколько восстанавливается. Приезжают и другие врачи, и из них одной из первых — тов. Величкина-Бруевич, которая вместе с другими дежурила около Ильича все первое трудное время. Вот Вейсброд, Обух, Минц, позднее Розанов, Мамонов. Они серьезны, бледны. На наши вопросы дают неопределенные ответы — случай серьезный, ничего пока нельзя сказать, но организм сильный. Тяжелая ночь. Ильич лежит и слабо стонет. Он бледен, ни кровинки в лице. Но когда в комнате появляюсь я или Надежда Константиновна,

он старается бодриться: ему неприятно, что мы беспокоимся. И мы стараемся не показываться ему... Появляются санитары, готовят все нужное для вливания физиологического раствора. Вейсброд остается на ночь. Он укладывается на кушетке в проходной комнате. Но его поднимают чуть ли не ежеминутно. Кажется, что, если он не спит, а сидит или ходит тут, около нас, дело пойдет лучше. А наутро Ильич уже свежее, чуть-чуть улыбается, протягивает руку.

Улучшение продолжается медленно, постепенно. Первая опасность миновала. Но может быть еще заражение. Надо подождать четвертого, пятого дня. А потом, как трудно удержать Ильича в постели! Как он внушает в отсутствие врачей, что не надо уж очень-то их слушать, что надо подобрать газеты за время его болезни. Все — чтобы ни одного номера не пропало. Дать их ему или прочесть вслух.

Первое время врачи, сестра и санитар дежурят круглые сутки. Но дело все больше идет на улучшение, Ильичу позволяют садиться. Скоро он решает, что уже достаточно силен, и начинает понемногу ходить. И лишь тотчас приехавшие врачи, припугнувшие его, что с сердцем может быть плохо, несколько сдерживают его путешествия. Сдерживает несколько и сломанная рука. Наконец и ходить можно. Можно ехать и в Горки на окончательную поправку. Ильич протестует, но Вейсброду удается все же настоять, что он поедет проводить его туда. Машина трогается. Но вот на дворе ее останавливает издали тов. Свердлов. «Последнее напутственное слово», — говорю я. Все смеются. Еще несколько минут — и мы за городом на лоне природы. А через час и в Горках, где поправка идет быстро...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Вторую годовщину переживаем мы со дня смерти Владимира Ильича Ленина. Уже второй год приходится трудящимся СССР строить новое общество, где не будет бедных и богатых, где не будет угнетения одного класса другим, без своего признанного вождя и учителя.

Невольно вспоминается вся его жизнь.

Долгие годы пришлось Владимиру Ильичу провести в эмиграции за границей, в чужих странах, потому что царское правительство преследовало его в России и не давало вести ту революционную работу, которой он посвятил всю свою жизнь с раннего юношества.

Но и будучи оторванным от непосредственного общения с широкими рабочими и крестьянскими массами, он умел всегда правильно подмечать их настроения и запросы. Живя за тысячу верст от России, он поддерживал всегда самую деятельную переписку с работавшими в России товарищами, настаивал всегда, чтобы в нелегальную

Владимир Ильич. 1920 г. Москва.

газету «Искра», издававшуюся тогда за границей, 25-летие которой мы справляем в этом году, писало как можно больше рабочих.

«Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе».

Интересовался он и жизнью и нуждами крестьянства, но связи с деревней тогда, в царские времена, были слабее и революционная работа поставлена хуже, чем в городах, на заводах.

Но, помимо переписки, он искал всегда случая порасспросить о настроениях трудовых масс в России всех приезжавших за границу товарищей. Приезд свежего человека, связанного с революционной работой в России, был для Владимира Ильича всегда праздником, и никто не умел так много узнать от приезжих о подлинной жизни в России, как тов. Ленин.

Когда в апреле 1917 г., после Февральской революции, Владимир Ильич приехал в Россию, он получил наконец возможность постоянного общения с трудящимися. В редакции «Правды» в Петрограде, где он тогда работал, он часами беседовал с представителями фабрик и заводов, с солдатами, приезжавшими с фронтов.

Он прислушивался к разговорам в трамваях, заводил разговоры с «простыми» людьми на прогулках, он не пропускал ни малейшего случая общения с ними, ибо он понимал, что для партии, которая ставит своей задачей освобождение всех трудящихся, необходимо хорошо знать повседневную жизнь этих трудящихся, их нужды и запросы.

И позднее, когда Владимир Ильич стоял во главе громадного государства и был занят с утра до поздней ночи важной работой на пользу всей страны, он также охотно и подолгу беседовал с делегациями от рабочих и крестьян, приезжавшими к нему, стараясь никому из них не отказать, распоряжаясь пропускать их к себе в первую очередь.

*Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична
на Красной площади во время праздника частей Всеобуча.
25 мая 1919 г. Москва.*

В редкие дни, когда ему удавалось уехать на отдых в Горки, он беседовал там с местными крестьянами и крестьянками, расспрашивая их об их жизни, помогая им всем, чем только мог.

Бывали случаи, что, гуляя где-нибудь в лесу около Горок или отправляясь на охоту за несколько десятков верст от Москвы, он заводил разговоры с встречавшимися

ему крестьянами, расспрашивал их о том, как они относятся к тем или иным мероприятиям Советской власти, как работают у них Советы и пр. и т. д.

Эти разговоры давали ему возможность лично проверить, насколько правильны эти мероприятия, какие изменения нужно в них внести.

После покушения на Владимира Ильича товарищи охраняли его и противились, когда он один ходил по улицам Москвы, боясь за него, но эта охрана сильно тяготила его, и он нередко незаметно скрывался от нее, чтобы походить по улицам, поближе посмотреть на жизнь.

Чуткому, внимательному отношению к трудящимся и их нуждам учил Владимир Ильич и работавших с ним товарищей.

Владимира Ильича нет теперь с нами, но он оставил в наследство нам выпестованную им Коммунистическую партию, которая неуклонно выполняет его заветы...

ПЕРЕПИСКА
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА
ЛЕНИНА
С РОДНЫМИ

Революционная деятельность, тюрьма, ссылка, эмиграция рано разлучили Владимира Ильича с родными. Но где бы он ни был — в Петербурге, Сибири или Пскове, в Швейцарии или Германии, во Франции или Англии, — он постоянно поддерживает связь с родными, живо интересуется их революционной работой, жизнью.

Письма Владимира Ильича предназначались всем членам семьи, независимо от того, на чье имя письмо адресовано; их родство было не только родством по крови, но и по взглядам и убеждениям. Часто письма Владимира Ильича пересылались отсутствовавшим членам семьи.

К сожалению, не все письма сохранились. Полицейские условия, в которых приходилось тогда жить, накладывали свой отпечаток, многие письма изымались во время арестов, многочисленных обысков, терялись при переездах из города в город.

Переписка была очень оживленной.

И Владимир Ильич, и родные его всегда дорожили письмами, но писать откровенно о своей жизни и работе не позволяли цензурные условия.

В одном из писем Марии Ильиничне Владимир Ильич пишет: «...очень уж трудно в нашем (и твоём и моём особенно) положении вести переписку как хочется...» И поэтому, когда надо было сообщить Владимиру Ильичу что-то важное: о положении дел в России, о работе партийных организаций, о спорах и разногласиях, связях с рабочими, об их настроениях, то часто пользовались нелегальными способами — писали между строк в книге или журнале «химией» (тайными чернилами).

Этот способ применялся не только тогда, когда Владимир Ильич был в тюрьме или отбывал ссылку, но и до конца его пребывания за границей в эмиграции. Зачастую, по старой нелегальной привычке, после того как письмо было прочитано и усвоено, оно тут же уничтожалось.

Особое место в переписке занимают письма Владимира Ильича к матери — Марии Александровне Ульяновой.

Он нежно любил и глубоко уважал мать, заботился о ней, часто писал ей, постоянно интересовался ее здоровьем, условиями, в которых она живет, старался всегда успокоить ее, описывая свою далеко не легкую жизнь так, чтобы не волновать ее. Часто можно встретить в его письмах описание природы, прогулок, посещения театров, и никогда ни слова о тяжелых переживаниях, которыми изобиловала его жизнь.

Вынужденный долгие годы жить в разлуке с матерью, Владимир Ильич хорошо понимал, как дорога ей каждая весточка, полученная от него. Все его письма к Марии Александровне начинаются трогательно-ласково: «Дорогая мамочка».

В этой книге публикуется переписка Владимира Ильича с родными: матерью, сестрами, братом, мужем Анны Ильиничны — Марком Тимофеевичем Елизаровым и женой — Надеждой Константиновной Крупской. Большинство писем написано матери. И в письмах другим членам семьи — вначале почти всегда было письмо матери.

ПИСЬМА ИЗ ПЕТЕРБУРГА И ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ (1893—1895 годы)

Осенью 1893 года приехал с Волги в Петербург молодой марксист Владимир Ульянов. Он давно стремился в столицу, чтобы начать практическую революционную работу среди петербургских рабочих.

В то время в Петербурге было несколько студенческих марксистских кружков. Пропаганда марксизма среди рабочих только начиналась. Владимир Ильич быстро устанавливает связь с единомышленниками, знакомится с положением петербургских рабочих, ведет пропаганду марксизма: в руководимом им марксистском кружке занимаются передовые рабочие Петербурга. Он на практике осуществляет соединение социализма с рабочим движением, со всей энергией и страстью сплачивает петербургских марксистов, в борьбе с народниками и «легальными марксистами» отстаивает идеи Маркса, их революционную сущность.

Постепенно из разрозненных марксистских кружков создается единая социал-демократическая организация Петербурга, получившая в конце 1895 года название петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Признанным руководителем этой организации становится Владимир Ильич.

Летом 1895 года по поручению социал-демократической организации Петербурга он едет, под предлогом отдыха и лечения после болезни, за границу для установления связи с марксистской группой «Освобождение труда», которой руководил Г. В. Плеханов. В то же время Владимир Ильич с большим интересом знакомится с западноевропейским рабочим движением.

В публикуемых письмах Владимир Ильич пишет о том, как устроился в Петербурге, о том, что побывал на могиле своей младшей сестры Ольги, сообщает о поездке за границу, о посещении Швейцарии, Франции, Германии. Пишет об отдыхе, лечении, работе в библиотеках, но ни в одном из писем нет ни слова об установлении связей, о беседах с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда», о встречах с виднейшими социал-демократическими деятелями Европы — Вильгельмом Либкнехтом, Полем Лафаргом, о посещении рабочих собраний.

И это понятно: Владимир Ильич хорошо знал, что, как брат казненного Александра, он у полиции на особом счету, что за его перепиской особенно тщательно следят, каждое его письмо прочитывается на границе.

Письма адресованы матери — Марии Александровне Ульяновой и сестре — Марии Ильиничне Ульяновой. В них упоминаются родные Владимира Ильича: его сестра — Ольга Ильинична, младший брат — Дмитрий Ильич (Митя), старшая сестра — Анна Ильинична (Аня), ее муж — Марк Тимофеевич Елизаров (Марк).

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
 ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

5. X. 1893

Вчера получил, дорогая мамочка, письмо твое от 2/X. Комнату я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки, и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая и светлая. Ход хороший. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен.

Тилло видел вчера и сегодня. Он не достал билета и не может, к сожалению, достать, так как нет того лица, на которое он рассчитывал. Впрочем, когда его собственное положение во временном управлении железных дорог упрочится, тогда, говорит, может быть. Но это, очевидно, не скоро.

На Волковом кладбище был вскоре после приезда: там все в сохранности — и крест и венок...¹

Любящий тебя В. Ульянов

¹ На Волковом кладбище похоронена сестра Владимира Ильича — Ольга Ильинична Ульянова (1871—1891).

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

13.XII.1894

Давно что-то не пишут мне из дому. Как твоё здоровье, Маняша? Мне писали, что ты уже ходишь в гимназию.

Следовало бы заставить себя гулять ежедневно часа по два...

Что ты подделываешь кроме гимназических занятий? Что читаешь?..

Как идет твоё новое знакомство?

Твой В. У.

Я писал давно уж о том, чтобы узнать насчет III тома «Капитала». Мне обещали достать его (знакомый, которого Марк знает). И теперь я ничего не знаю. Исполнят ли это обещание. Продолжают ли обещать или отказываются. А хотелось бы знать, потому что книгу эту достать не легко. Передай это, пожалуйста, Марку.

Поклон всем нашим.

Здорова ли мама? Поцелуй ее за меня.

От тебя буду ждать письма...

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ЗАЛЬЦБУРГА В МОСКВУ

14(2).V.1895¹

Пользуюсь остановкой на 2 часа в одном австрийском городке (недалеко уже* от места назначения), чтобы исполнить обещание написать с дороги.

По «загранице» путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке: я оказался совсем швах, понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, *не понимаю вовсе***. Пристаешь к кондуктору с каким-нибудь вопросом, — он отвечает; я не понимаю. Он повторяет громче. Я все-таки не понимаю, и тот сердится и уходит. Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык.

Поклон всем нашим.

Твой В. Ульянов

Следующее письмо очень скоро не смогу, вероятно, написать.

¹ В связи с тем, что письма Владимира Ильича из-за границы датированы новым стилем, а письма его родных из России старым, для соблюдения хронологии в письмах родных перед старым стилем в скобках поставлены даты нового стиля. В некоторых письмах В. И. Ленин наряду с новым стилем дает в скобках старый стиль.

* Сутки с небольшим. (Здесь и далее отмечается звездочкой текст авторов писем.)

** Не понимаю даже самых простых слов, — до того необычно их произношение, и до того они быстро говорят.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ШВЕЙЦАРИИ В МОСКВУ

20(8).V.1895

Предыдущее письмо писал с дороги. Теперь уже устроился на месте, — думаю, впрочем, что не надолго и что скоро опять поеду куда-нибудь.

Природа здесь роскошная. Я люблюсь ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона; если бы знать тамошние условия и цены (не может быть, чтобы в деревнях нельзя было устроиться недорого), то туда, вероятно, можно бы съездить на дачу. Проезд недорог, а природа роскошная...

Устроились ли вы наконец на даче? — адрес мне, положим, не нужен, потому что я могу писать Марку...

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ БЕРЛИНА В МОСКВУ

10.VIII.1895

Не знаю, получила ли ты мое предыдущее письмо, которое я отправил отсюда с неделю тому назад. На всякий случай повторяю свой адрес: Berlin, Moabit, Flensburgerstrasse, 12^{II} (bei Frau Kurreick) Herrn W. Ulianoff.

Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня — Tiergarten (прекрасный парк, лучший и самый большой в Берлине), Шпре, где я ежедневно купаюсь, и станция городской железной дороги. Здесь через весь город идет (над улицами) железная дорога: поезда ходят каждые 5 минут, так что мне очень удобно ездить в «город» (Моабит, в котором я живу, считается собственно уже предместьем).

Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской. Немцы произносят так непривычно, что я не разбираю слов даже в публичной речи, тогда как во Франции я понимал почти все в таких речах с первого же раза. Третьего дня был в театре; давали «Weber»¹ Гауптмана. Несмотря на то, что я перед представлением перечитал всю драму, чтобы следить за игрой, — я не мог уловить всех фраз. Впрочем, я не унываю и жалею только, что у меня слишком мало времени для основательного изучения языка.

Поклон всем нашим.

Твой В. У.

¹ «Ткачи».

Если ты послала уже мне денег, то напиши, пожалуйста, мне об этом тотчас же; а если нет, то пошли сюда.

Вероятно, я потому не имею так долго от вас писем, что они (письма) гуляют где-нибудь по местам моих скитаний.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ БЕРЛИНА В МОСКВУ

29.VIII.1895

На днях получил твое письмо, дорогая мамочка, а сегодня к тому же письмо от Марка, которому пишу небольшую приписку.

Живу я по-прежнему, и Берлином пока доволен. Чувствую себя совсем хорошо, — должно быть, правильный образ жизни [переезды с места на место мне очень надоели, и притом при этих переездах не удавалось правильно и порядочно кормиться], купанье и все прочее, в связи с наблюдением докторских предписаний, оказывает свое действие. Занимаюсь по-прежнему в *Königliche Bibliothek*¹, а по вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи. Теперь уже немножко освоился и понимаю несколько лучше, хотя все-таки очень и очень еще плохо.

Берлинские *Sehenswürdigkeiten*² посещаю очень лениво: я вообще к ним довольно равнодушен и большей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п.

Насчет того, чтобы надолго остаться здесь, — я не думаю: «в гостях хорошо, а дома лучше». Но пока еще поживу тут, и, к великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт

¹ Королевской библиотеке.

² Достопримечательности.

их знает куда. Приходится опять обратиться за «вспомоществованием»: если можно, пришли мне рублей 50—100.

Марк пишет, что дела ваши с квартирой просто в трагическом положении: квартир нет. Москва в этом отношении хуже еще, значит, Петербурга. Неприятная ужасно эта возня с квартирой. Желаю вам поскорее развязаться с ней.

Поклон всем нашим.

Твой В. Ульянов

ПИСЬМА ИЗ ТЮРЬМЫ

(1896 год)

Поздно ночью 9 декабря 1895 года были арестованы и заключены в тюрьму Владимир Ильич и многие его товарищи по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

Более 14 месяцев пробыл Владимир Ильич в петербургском Доме предварительного заключения (так называлась эта тюрьма). В тюрьме он не был оторван от жизни, много работал, сумел через родных тесно связаться с товарищами, оставшимися на свободе, руководил работой организации. Владимир Ильич все время был в курсе событий, писал листовки, нелегальные брошюры, работал над проектом программы партии, собрал огромный материал для своего замечательного труда «Развитие капитализма в России» и начал работу над ним. Анна Ильинична вспоминала, что в тюрьме Владимир Ильич проявлял всегдашнюю кипучую энергию, на свиданиях с род-

ными был ровен, выдержан и весел и своим заразительным смехом разгонял их беспокойство.

К сожалению, за все время, что Владимир Ильич провел в тюрьме, сохранилось только несколько его писем, относящихся к январю 1896 года, но и по ним видно, какое рабочее настроение у него было, как он на долгое время планировал свою работу.

Письма адресованы Анне Ильиничне, а одно письмо — А. К. Чеботаревой, знакомой Ульяновых, в семье которой Владимир Ильич столовался, живя в Петербурге. Это письмо предназначалось для передачи товарищам, оставшимся на свободе.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
А. К. ЧЕБОТАРЕВОЙ
ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ДОМА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

2.1.1896

У меня есть план, который меня сильно занимает со времени моего ареста и чем дальше, тем сильнее. Я давно уже занимался одним экономическим вопросом (о сбыте товаров обрабатывающей промышленности внутри страны), подобрал некоторую литературу, составил план его обработки, кое-что даже написал, предполагая издать свою работу отдельной книгой, если она превзойдет размеры журнальной статьи. Бросить эту работу очень бы не хотелось, а теперь, по-видимому, предстоит альтернатива: либо написать ее здесь, либо отказаться вовсе.

Я хорошо понимаю, что план написать ее здесь встречает много серьезных препятствий. Может быть, однако, следует попробовать?

Препятствия, так сказать, «независящие», кажется, отстраняются. Литературные занятия заключенным разрешаются: я нарочно справился об этом у прокурора, хотя знал и раньше (они разрешаются даже для заключенных в тюрьме). Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет. Далее, книги разрешается возвращать обратно, — следовательно, можно пользоваться библиотеками. С этой стороны, значит, дела обстоят хорошо.

Гораздо серьезнее другие препятствия — по добыче книг. Книг нужно много, — я ниже прилагаю список тех, которые намечаются у меня уже сейчас, — так что доставанье их потребует порядочных хлопот. Не знаю даже, удастся ли достать все. Можно, наверное, рассчитывать

на библиотеку Вольно-экономического общества*, выдающую книги под залог на дом на срок 2 месяца, но она очень неполна. Вот если бы воспользоваться (через какого-нибудь писателя или профессора) библиотекой университетской и ученого комитета Министерства финансов, — тогда бы вопрос о добыче книг можно считать разрешенным. Некоторые книги придется, конечно, купить, и я думаю, что смогу ассигновать на это некоторую сумму.

Последнее, и самое трудное — доставка книг. Это уж не то, что принести пару-другую книжек: необходимо периодически, в течение продолжительного времени, собирать их из библиотек, приносить** и относить. Это уж я даже не знаю, как бы можно устроить. Разве вот как: подыскать какого-нибудь швейцара, или дворника, или посыльного, или мальчика, которому я мог бы платить, и он ходил бы за книгами. Обмен книг — и по условиям работы, и по условиям выдачи из библиотек — потребует, конечно, правильности и аккуратности, так что все это необходимо наладить.

«Скоро сказка сказывается...» Я очень чувствую, что затея эта не так-то легко осуществима и что «план» мой может оказаться химерой. Может быть, Вы сочтете небесполезным передать это письмо кому-нибудь, посоветоваться, — а я буду ждать ответа.

Список книг разделен на 2 части, на которые делится и мое сочинение: А. — Общая теоретическая часть. Она требует меньше книг, так что ее я во всяком случае надеюсь написать, — но больше подготовительной работы. В. — Применение теоретических положений к данным русским. Эта часть требует очень многих книг. Главное затруднение представят: 1) земские издания. Впрочем, часть их у меня есть, часть можно будет выписать (мелкие

* У меня уже оттуда взяты книги и оставлено 16 руб. залога.

** Я думаю, что вполне бы достаточно было одного раза в 2 недели, а может быть, даже в месяц, — если бы доставать побольше книг сразу.

монографии), часть достать через знакомых статистиков; 2) правительственные издания — труды комиссий, отчеты и протоколы съездов и т. д. Это — важная вещь; доставать их труднее. Некоторые есть в библиотеке ВЭО, кажется, даже большинство.

Список я прилагаю длинный, потому что намечаю его на широкие рамки работы*. Окажется, что нельзя достать таких-то книг или таких-то отделов книг, — тогда можно будет сообразно с этим сузить несколько тему. Это, особенно по отношению ко второй части, вполне возможно.

Из моего списка я опускаю книги, имеющиеся в здешней библиотеке, а те, которые есть у меня, отмечаю крестиком.

Цитируя на память, я, кажется, перепутываю кое-что в заглавиях и ставлю в этом случае? ¹

* Конечно, если удастся сохранить эти рамки, — список еще много удлинится при самом ходе работы.

¹ Приложенный к письму список книг не сохранился.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ДОМА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

12. I. 1896

Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной. Хлеба я ем очень мало, стараясь соблюдать некоторую диету, — а ты принесла такое необъятное количество, что его хватит, я думаю, чуть не на неделю, и он достигнет, вероятно, не меньшей крепости, чем воскресный пирог достигал в Обломовке.

Все необходимое у меня теперь имеется, и даже сверх необходимого*. Здоровье вполне удовлетворительно. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу. Сплю я часов по девять в сутки и вижу во сне различные главы будущей своей книги.

Здорова ли мама и остальные у нас дома? Передай всем поклон.

Твой В. Ульянов

Если случится быть еще как-нибудь здесь, — принеси мне, пожалуйста, карандаш с графитом, вставляемым в жестяную ручку. Обыкновенные карандаши, обделанные в дерево, здесь неудобны: ножа не полагается. Надо просить надзирателя починить, а они исполняют такие поручения не очень охотно и не без проволочек...

* Например, кто-то принес сюртук, жилет и платок. Все это, как лишнее, прямо «проследовало» в цейтгауз.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ДОМА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

16. I. 1896

Вчера получил твое письмо от 14 и спешу ответить, хотя мало надежды, чтобы ты получила ответ до четверга¹.

О том, что следовало бы отослать обратно чужое белье, я уже писал. Теперь собрал его, и надо, чтобы ты *спросила* его, когда будешь здесь, или попросила того, кто будет, спросить от твоего имени. Возвращаю не все, потому что часть в стирке (может быть, ты попросишь кого-нибудь получить как-нибудь впоследствии остальное), а затем позволяю себе оставить пока плед, который оказывает мне здесь очень большие услуги.

Затем относительно книг наводил справки: небольшой ящик можно будет поставить здесь в цейхгауз*. Все мои книги, конечно, не стоит свозить сюда. В том списке, который ты мне прислала, есть некоторые книги не мои: например, «Фабричная промышленность», «Кобеляцкий» — это Александры Кирилловны, и еще, кажется, я брал у нее какую-то книгу. Затем сборники саратовского земства и земско-статистические сборники по Воронежской губернии даны, кажется, на время каким-то статистиком. Может быть, ты узнаешь, можно ли их пока оставить. Сюда везти их сейчас не стоит. — «Погожев» и «Сборник обязательных постановлений по СПб.» тоже, кажется, не мои (не библиотечные ли?). — Своды зако-

¹ В Доме предварительного заключения понедельник и четверг были днями свиданий. Анна Ильинична приходила на свидания к Владимиру Ильичу по четвергам.

* туда же можно платья немного: пальто да пару верхнего, шляпу. Принесенные мне жилет, сюртук и платок взять обратно.

нов и юридические учебники, понятно, не нужны вовсе. Сейчас просил бы доставить из книг только *Рикардо*, *Бельтова*, *Н.* — она, *Ингрэма*, *Foville*'я. Земские сборники (тверские, нижегородские, саратовские) связать в одну кипу* по счету, переписывать не стоит: думаю, что эту связку тоже можно поставить в цейхгауз. Тогда бы можно сразу покончить с моими книгами и не хлопотать больше. Из цейхгауза (после просмотра) можно будет получать книги.

Я очень боюсь, что причиняю тебе слишком много хлопот. Пожалуйста, не трудись чересчур — особенно относительно доставки книг по списку: это все успеется, а сейчас у меня книг довольно.

Твой *В. Ульянов*

Из белья попросил бы добавить наволочки и полотенца.

Перечитываю с интересом Шелгунова и занимаюсь Туган-Барановским: у него солидное исследование, но схемы, напр., в конце настолько смутные, что, признаться, не понимаю; надо будет достать II том «Капитала».

* вместе с «Военно-статистическим сборником» и «Сводным».

ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ

(1897—1900 годы)

Три года ссылки в Восточную Сибирь — так гласил приговор по делу Владимира Ильича. Каковы-то будут эти годы? В каком глухом углу придется их провести? В каких условиях? Можно ли там будет получать книги, работать?

Мария Александровна добилась разрешения Владимиру Ильичу ехать в ссылку на свой счет. Это было большим облегчением — длительная кочевка по пересыльным тюрьмам (при высылке по этапу) подрывала здоровье и была крайне тяжела.

За те три дня в Петербурге, которые были даны Владимиру Ильичу на сборы, он успел сделать очень многое — повидался с друзьями, которые тоже были освобождены из тюрьмы и должны были отправиться в ссылку, сфотографировался с ними, условился о предстоящей работе, о переписке. Провел два собрания петербургских социал-демократов, на которых было много споров о задачах социал-демократии в России. Владимир Ильич и его товарищи по «Союзу борьбы за освобож-

дение рабочего класса» отстаивали революционные задачи политической борьбы пролетариата. В противоположность «старикам», как их тогда называли, «молодые» считали, что рабочие должны заниматься только экономической борьбой, улучшать свое материальное положение, а уж политической борьбой пусть занимается буржуазия.

Ошибочность и вред таких взглядов для судеб революционного движения в России были предельно ясны Владимиру Ильичу, и потому он страстно отстаивал точку зрения «стариков» и яростно нападал на «молодых».

И в ссылке и во всей последующей своей деятельности Владимир Ильич вел решительную борьбу со всеми, кто отрекался от революционного марксизма, не верил в силы рабочего класса.

Мария Александровна очень беспокоилась о Владимире Ильиче, о том, как он будет переносить ссылку, боялась, что одиночество будет угнетать его. Но Анна Ильинична, видевшая дружбу Владимира Ильича и Надежды Константиновны, уверенная в серьезности их отношений, успокаивала мать, говоря, что к нему в ссылку обязательно поедет Надежда Константиновна и одинок он не будет.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна встретились и познакомились как уже сложившиеся революционные марксисты, и это, как писала Крупская, «наложило печать» на их совместную жизнь и работу. Общие цели и стремления, общая работа в социал-демократической организации, твердая решимость посвятить революционной борьбе всю свою жизнь быстро сблизили их.

Надежда Константиновна была арестована через полгода после ареста Владимира Ильича, и в те дни, когда он в Петербурге готовился к отъезду в ссылку, дело ее еще не было закончено: она сидела в тюрьме и могла только гадать, каков и когда будет приговор.

Приехав в ссылку и поселившись в селе Шушенском, Владимир Ильич «химией» (как тогда говорили), то есть тайными чернилами, написал Надежде Константиновне

Владимир Ильич. 1897 г. Петербург.

письмо, звал ее к себе, просил стать его женой. Она ответила согласием, так как глубоко любила его, пронесла эту любовь через всю свою жизнь.

Но еще целый год прошел до того дня, когда был объявлен приговор Надежде Константиновне: три года ссылки в Уфимскую губернию. Пришлось и Владимиру Ильичу и ей просить о разрешении отбывать ссылку в селе Шушенском. Как невесте Владимира Ильича это было ей разрешено. В Шушенское с Надеждой Константинов-

ной поехала ее мать, Елизавета Васильевна Крупская. Отец Надежды Константиновны — Константин Игнатьевич Крупский умер, когда ей было 14 лет, ни братьев, ни сестер у нее не было, была только мать, которая прожила с нею, а начиная с Шушенского с нею и Владимиром Ильичем — всю жизнь. Владимир Ильич относился к Елизавете Васильевне с большим уважением и вниманием.

В ссылке Надежда Константиновна вышла замуж за Владимира Ильича, и с тех пор они всю жизнь прожили вместе.

Жизнь в ссылке проходила в постоянном труде. Там Владимир Ильич написал свою знаменитую книгу «Развитие капитализма в России», работал над проектом программы нашей партии, написал ряд статей, вынашивал идею создания общерусской политической газеты, вокруг которой будет строиться революционная партия пролетариата. Для заработка, вместе с Надеждой Константиновной, занимался переводами с английского. Переводили они и для товарищей по ссылке, не знавших иностранных языков.

За время ссылки Владимир Ильич написал около тридцати работ. Надежда Константиновна во всем помогала ему. По совету Владимира Ильича она написала свою первую книгу «Женщина-работница». Это был первый марксистский труд о положении женщины-работницы, крестьянки, кустарки в России.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна были в ту пору молодыми, жизнерадостными, заразительно веселыми людьми. Владимир Ильич любил и погулять и покататься на коньках, поохотиться, поиграть в шахматы, попеть с товарищами — он любил жизнь во всех ее проявлениях.

Владимир Ильич беспокоился о матери. Зная, как трудно ей, как волнуется она за него, писал ей часто. Письма были веселые, бодрые, он описывал свою жизнь и заботы в светлых, часто юмористических тонах, расска-

зывал о природе, об особенностях села Шушенского, о товарищах, о своей работе. Цель их была — успокоить мать. Конечно, он не писал ей о том, как угнетает его отрыв от практической революционной деятельности, невозможность непосредственной связи с массами, от встреч с товарищами, кроме тех, кто был в ссылке.

В письмах к сестрам — Анне Ильиничне и Марии Ильиничне, а также брату Дмитрию Ильичу и мужу Анны Ильиничны Марку Тимофеевичу Елизарову Владимир Ильич пишет о своей работе, посылает списки необходимых ему книг, просит прислать побольше книг и журналов. Почти ни одно письмо не обходится без заказа литературы, запроса о посылке книг.

В письмах все время упоминаются имена товарищей по революционной работе, их родных. Это Г. М. и Э. П. Кржижановские (Глеб, Зина, Булочкины), мать Г. М. — Эльвира Эрнестовна (Э. Э.), его сестра — Антонина Максимилиановна (А. М., Schwester), это В. В. Старков (В. В. Базиль), А. А. Ванеев (Анатолий), С. И. Радченко, Я. М. Ляховский (доктор), И. Л. Проминский, В. М. Крутовский (Arzt), А. А. Якубова (Куба, Ап. Ал., Аполлинария Александровна), В. К. Курнатовский, Ф. В. Ленник, П. Н. и О. Б. Лепешинские, М. А. Сильвин (Михаил Александрович) и многие другие.

Письма Владимира Ильича воссоздают обстановку политической ссылки в Сибири, ее особенности, дают представление о работе Владимира Ильича, его интересах, его отношениях с товарищами, о быте.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
СО СТАНЦИИ ОБЬ В МОСКВУ

2.III.1897

Пишу тебе, дорогая мамочка, еще раз с дороги. Остановка здесь большая, делать нечего, и я решил приняться паки и паки за дорожное письмо — третье по счету. Ехать все еще остается двое суток. Я переехал сейчас на лошадях через Обь и взял уже билеты до Красноярска. Так как здесь движение пока «временное», то плата еще по старому тарифу, и мне пришлось отдать 10 р. билет + 5 р. багаж за какие-нибудь 700 верст!! И движение поездов здесь уже совсем непозволительное. Эти 700 верст мы протащимся двое суток. Дальше, за Красноярском, движение есть только до Канска, т. е. на 220 верст, а всего до Иркутска около 1000. Значит, придется ехать на лошадях, — *если придется*. На эти 220 верст железной дороги уходит тоже сутки: чем дальше, тем тише ползут поезда.

Переезд через Обь приходится делать на лошадях, потому что мост еще не готов окончательно, хотя уже возведен его остов. Ехать было недурно, — но без теплого (или, вернее, теплейшего) платья удалось обойтись только благодаря кратковременности переезда: менее часа. Если придется ехать на лошадях к месту назначения (а это, по всей вероятности, так и будет), то, разумеется, придется приобретать тулуп, валенки и даже, может быть, шапку ((вот что значит набаловался в России!! А на лошадях-то как же?)).

Несмотря на дьявольскую медленность передвижения, я утомлен дорогой несравненно меньше, чем ожи-

дал. Можно сказать даже, что вовсе почти не утомлен. Это мне самому странно, ибо прежде, бывало, какие-нибудь 3 суток от Самары до С.-Петербурга и то измают. Дело, вероятно, в том, что я здесь все ночи без исключения прекрасно сплю. Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю (1300 верст от Челябинска до Кривошекова, трое суток), поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, изредка лес, а то все степь. Снег и небо — и так в течение всех трех дней. Дальше будет, говорят, сначала тайга, а потом, от Ачинска, горы. Зато воздух степной чрезвычайно хорош: дышится легко. Мороз крепкий: больше 20°, но переносится он несравненно легче, чем в России. Я бы не сказал, что здесь 20°. Сибиряки уверяют, что это благодаря «мягкости» воздуха, которая делает мороз гораздо легче переносимым. Весьма правдоподобно.

Встретился в нашем поезде с тем самым Arzt'ом¹, у коего Анята была в С.-Петербурге. От него узнал кое-какие полезные для меня вещи насчет Красноярска и др. По его словам, остановиться там можно будет, без всякого сомнения, на несколько дней. Я так и думаю сделать, чтобы выяснить свое дальнейшее положение. Если дам телеграмму: «остаюсь несколько дней», то это значит, что срок остановки еще не определен и для меня самого. Значит, я дождусь там доктора², встречу его, и если придется путешествовать до Иркутска, то поедем уже вместе. Задержки из-за назначения мне места, по словам того же лица, ждать нельзя: вероятнее, что это уже решено, ибо все необходимые для сего мероприятия принимаются заранее. Ну, до следующего раза.

Твой В. У.

Поклон всем нашим.

¹ Доктор — В. М. Крутовский.

² Я. М. Ляховский.

Р. S. Ну вот, в чем другом, — а в редкости писем меня уж не обвинить! Когда *есть что писать*, — пишу сугубо часто.

Благодаря беседе с Arzt'ом мне уяснилось (хотя приблизительно) очень многое, и я чувствую поэтому себя очень спокойно: свою нервность оставил в Москве. Причина ее была неопределенность положения, не более того. Теперь же неопределенности гораздо менее, и потому я чувствую себя хорошо.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ КРАСНОЯРСКА В МОСКВУ

10. III. 1897

Маняше

Получил от доктора твое письмо и очень был рад весточке из дому. Мешок, присланный мамой, получил и думаю, что он будет очень удобен. Предложением твоим насчет выписок в Румянцевской библиотеке я, наверное, воспользуюсь. Вчера попал-таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне и заниматься в ней, и я думаю, что это мне удастся. (Препятствия тут два: во-1-х, его библиотека за городом, но расстояние небольшое, всего версты две, так что это приятная прогулка. Во-2-х, библиотека не закончена устройством, так что я могу чрезмерно обременить хозяина частым спрашиванием книг.) Посмотрим, как это выйдет на деле. Думаю, что и второе препятствие устранится. Ознакомился я с его библиотекой далеко не вполне, но это во всяком случае замечательное собрание книг. Имеются, напр., полные подборы журналов (главнейших) с конца 18 века до настоящего времени. Надеюсь, что удастся воспользоваться ими для справок, которые так нужны для моей работы.

Читал в газетах, что с весны будут ходить скорые поезда сюда: 8 суток от Парижа¹ до Красноярска, значит, от Москвы около 6 суток. Вот тогда переписываться будет много удобнее.

Твой В. У.

¹ Очевидно, речь идет о Петербурге.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ КРАСНОЯРСКА В МОСКВУ

26.III.1897

Получил, наконец, дорогая мамочка, вести от вас и был очень рад им. Во-1-х, получил телеграмму в ответ на мою. Справился и на вокзале — ничего нет. Schwester уже потом нашла там твое письмо, а Анютино, значит, пропало. Во-2-х, получил вчера вечером, в 10-м часу, телеграмму о выезде, обрадовался ей несказанно и сломя голову полетел к Schwester'у делиться радостью. Теперь мы считаем дни и «едем» с почтовым поездом, вышедшим из Москвы 25-го. Я понял эту последнюю телеграмму так, что едут на свой счет: иначе не было бы подписи Глеба. Думаем, что матери¹ он тоже дал телеграмму в Челябинск, а то могла бы выйти такая вещь, что он проехал бы мимо нее, а она продолжала сидеть и ждать известий! (письмо к ней от Schwester'a послано недавно, и, пожалуй, она не успеет выехать). Очень благодарю Маняшу за ее письмо и за экстракты из полученных писем. Прилагаю здесь ответ на один из этих экстрактов — пусть Маняша распорядится с ним по-прежнему. Я рассчитываю еще поэксплуатировать ее и по письменной части и даже по литературной. — Книги и письма мне можно посылать сюда: еще не знаю, когда меня выгонят и куда. Но лучше, пожалуй, посылать Schwester'у, и потом, что поважнее, заказными отправлениями, а то здесь, должно быть, на почте неряшества уйма, так что письма, видимо, теряются (по-видимому, к этому еще добавляются сторонние препятствия²).

¹ Эльвира Эрнестовна Розенберг.

² Имеются в виду полицейские условия того времени.

Про себя ничего нового написать не могу: живу по-прежнему, шляюсь в библиотеку за город, шляюсь просто по окрестностям для прогулки, шляюсь к знакомым, сплю за двоих, — одним словом, все как быть следует.

Твой В. У.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ КРАСНОЯРСКА В МОСКВУ

5.IV.1897

Сегодня получились, дорогая мамочка, хорошие вести, и я спешу сообщить их. Во-1-х, я получил телеграмму из Иркутска от доктора: «Слышал назначении Вас Минусинск». Во-2-х, А. М. узнала, наконец, ответ генерал-губернатора: Глебу и Базилию тоже назначается Минусинский округ. Завтра приезжает Э. Э. и будет хлопотать об освобождении их и о том, чтобы ехать им теперь уже на свой счет. Надо думать, что этого добиться удастся (судя по имеющимся прецедентам).

Назначением своим (если слух оправдается, — а я не думаю, чтобы он был ошибочный) я очень доволен, ибо Минусинск и его округ — лучшие в этой местности и по превосходному климату и по дешевизне жизни. Расстояние от Красноярска не очень большое, почта ходит два или три раза в неделю, так что письмо с ответом будет ходить, вероятно, вместо теперешних 22—23 дней, дней 30—35, не более. Я думаю, что раньше навигации ехать мне не удастся, ибо распутица теперь уже полная, и партия, отправляющаяся в Иркутск, задержана здесь вся до мая. А когда откроется навигация, — можно будет на пароходе доехать до Минусинска.

Ужасно жаль, что об Анатолии Александровиче не хлопотали тоже, чтобы ему в Минусинский округ: для него, после перенесенного плеврита, это было бы очень и очень важно. Мы послали в С.-Петербург телеграмму, чтобы начали об этом хлопотать: ввиду задержки всей партии времени оказывается предовольно, так что можно надеяться, что успеют еще и ему выхлопотать, если возьмутся энергично.

Письма, конечно, посылать мне следует пока по старому адресу: если я выеду, то оставляю новый адрес, и мне их перешлют. Транспорт моих книг, я думаю, можно отправить тотчас, не дожидаясь окончательного назначения: все равно в Минусинск нельзя отправить товара (транспортной конторы там нет), а по железной дороге он пройдет сюда долго. Поэтому отправляйте сюда, на адрес хоть А. М., а еще лучше товаром на подателя накладной, которую перешлете в заказном письме к А. М. Отсюда же товар можно будет отправить весной на пароходе.

Глеб с Базилем высмотрят, говорят, очень плохо: бледны, желты, утомлены страшно. Авось повыправятся, когда выйдут.

Я вполне здоров и живу здесь хорошо; погода стоит чудесная. Собираюсь писать Маняше письмо «литературного» содержания: не знаю только, соберусь ли. Видел «Новое Слово»¹ и читал его с громадным удовольствием.

Поклон всем нашим.

Твой В. У.

¹ «Новое Слово» — научно-литературный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1894 по 1897 год. С 1894 года — либеральными народниками, с 1897 года — «легальными марксистами».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ КРАСНОЯРСКА В МОСКВУ

17.IV.1897

Вчера получил, дорогая мамочка, три ваши письма. Я собрал сегодня поподробнее сведения о селах, куда мы назначены (мне официально это еще не сообщено). Я — в село Шушенское (кажется, в прежних письмах я писал неверно — Шушинское). Это — большое село (более 1¹/₂ тысяч жителей), с волостным правлением, квартирой земского заседателя (чин, соответствующий нашему становому, но с более обширными полномочиями), школой и т. д. Лежит оно на правом берегу Енисея, в 56 верстах к югу от Минусинска. Так как есть волостное правление, то почта будет ходить, значит, довольно правильно: как я слышал, два раза в неделю. Ехать туда придется на пароходе до Минусинска (далее вверх по Енисею пароходы не ходят), а затем на лошадях. Сегодня Енисей здесь тронулся, так что дней через 7—10, наверное, пойдут пароходы, и я думаю в конце апреля или начале мая ехать. Писать мне можно и должно на мой теперешний адрес*, потому что я оставляю заявление о пересылке писем, когда уеду. Назначить же точно время отъезда я никак не могу. — Глеб с Базилем назначены в село Тесинское — тоже с волостным правлением и т. д., в 37 верстах к северу от Минусинска, на реке Тубе (приток Енисея с правой стороны). Об них послана сегодня телеграмма в департамент полиции с просьбой разрешить ехать на свой счет. Надеюсь, что им это разрешат, по просьбе матери, которая здесь все хворает, и тогда мы поедем до Минусинска вместе. Лето я проведу, сле-

* Письма теперь получаю все и аккуратно. Должно быть, первые терялись на вокзале, где мало порядка.

довательно, в «Сибирской Италии», как зовут здесь юг Минусинского округа. Судить о верности такой клички я пока не могу, но говорят, что в Красноярске местность хуже. Между тем и здесь окрестности города, по реке Енисею, напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии: я на днях совершил несколько прогулок (дни стояли тут совсем теплые, и дороги уже высохли), которыми остался очень доволен и был бы доволен еще больше, если бы не воспоминание о наших туруханцах и заключенных минусинцах.

Здесь я живу очень хорошо: устроился на квартире удобно — тем более, что живу на полном пансионе. Для занятий достал себе книг по статистике (как я уже писал, кажется), но занимаюсь мало, а больше шляюсь.

Маняшу благодарю за письмо: работу я ей задал теперь уже такую, что боюсь надоест ей цифирью. Книжки мои надо послать в Красноярск на предъявителя квитанции (прямо товаром или через транспортную контору, как лучше), а я уже попрошу знакомых послать в Минусинск, а там опять придется поискать знакомых. Иного пути нет.

Что это Митя задумал даже к чуме ехать!?? Если уже такая страсть у него к поездкам да к медицине, так я готов даже предложить ему взять место на каком-нибудь переселенческом пункте. Например, ... в Восточной Сибири. Я слышал *кстати*, что переселенческий пункт открывается в «моем» селе Шушенском Минусинского округа Енисейской губернии... Вот, вот, милости просим. Будем вместе охотиться, — если только Сибири удастся сделать из меня охотника и если он не найдет себе работы (и охоты) в местах «не столь отдаленных». ...Эге! Если я через три с хвостиком недели таким сибиряком стал, что из «России» к себе зову, то что же через три года будет? — Кроме шуток, меня очень удивили его планы насчет «чумы»: надеюсь, что ни чумы не будет, ни ехать ему на чуму не придется.

Твой В. У.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В ШВЕЙЦАРИЮ

19.VII.1897

Маняше

Ты просишь, Маняша, описать село Шу-шу-шу... Гм, гм! Да ведь я, кажись, однажды уже описывал его. Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1—1½ от села (точнее, от меня: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подхода нет. Купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1½ — «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырубленный лесишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слышал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30—40 верст). Горы... насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*: так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения содержит в себе некую поэтическую гиперболу (есть ведь такая фигура у поэтов!)

насчет «подножия»... Поэтому на твой вопрос: «на какие я горы взбирался» — могу ответить лишь: на песчаные холмики, которые есть в так называемом «бору» — вообще здесь песку достаточно.

Работа моя движется очень-очень медленно¹. Выписки, не знаю уж, понадобятся ли. Я надеюсь устроиться к осени с какой-нибудь московской или с.-петербургской библиотекой.

С удовольствием прочел твое описание заграничной жизни и тамошних впечатлений. Буду очень доволен, если станешь писать чаще.

Ваш план посылки сюда, тысконок за 6 с хвостиком верст, «пудика вишни» заставил меня только разинуть рот от изумления (а не от желания схамкать эту вишню. Вишни здесь нет; арбузы будут)... перед богатством вашей фантазии. Где уж тут нашим химикам!!

Твой В. У.

¹ Владимир Ильич имеет в виду свою работу над книгой «Развитие капитализма в России».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В МОСКВУ

7.II.1898

Получил я вчера, дорогая мамочка, письма твое и всех наших от 22—23.I и очень был рад им, и за все поздравления шлю благодарность. Я так и думал, конечно, что вы будете писать Надежде Константиновне и звать ее заехать к себе; надо надеяться, что это-то ей разрешат. Ну, а насчет перевода в Шу-шу до сих пор я еще ничего не знаю: она все пишет, только «на днях» решится, и дело все тянется. Впрочем, теперь-то уж, наверное, недолго ждать окончательного решения.

Насчет посылки с Н. К. — я думаю, что книгами надо ее нагрузить поосновательнее, ибо неизвестно, будет ли летом оказия. Маняша вот за границу собирается (и это, конечно, немножечко более интересно, чем Шу-шу и сибирские комары), а вы, вероятно, с Митей направитесь в Кокушкино... Нехорошо это, что у него уже за 2¹/₂ месяца одутловатость какая-то успела появиться. Во-1-х, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-2-х, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался *каждый день* на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) — 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал — и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошечко, диву дается, откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкин-

ской церкви! Но только чтобы не меньше 50-ти подряд и чтобы не сгибая ног доставать рукой каждый раз об пол — так ему и написать. А то ведь эти врачи большей частью рассуждать только умеют о гигиене.

Затем насчет платья я уже отчасти писал. ...все же бы лучше уж купить готовое в Москве, а ту материю, которую ты приготовила, отдать Мите или Марку. Я же особенно прошу только одного — *чертовой кожи*, ибо на охоте рву платье жесточайше. Если цела моя соломенная шляпа (парижская ведь, ведь черт возьми!), то пусть ее привезет. Проминский, правда, начал уже здесь делать шляпы (иногда смахивающие на... валенки!), но это для весны и осени, а не для лета. Еще разве вот что — лайковые перчатки, если можно их купить без мерки (в этом я сомневаюсь). Никогда я их не носил, ни в Питере, ни в Париже, а в Шушусу хочу попробовать — летом от комаров. На голову-то сетку наденешь, а рукам достается изрядно. Глеб уверяет меня, что здешние комары прокусывают перчатки, — но я не верю. Конечно, уж выбирать надо перчатки подходящие — не для танцев, а для комаров. Затем еще бумаги, *линованной в клетку*: я сомневаюсь, чтобы в Минусинске была, да мне и не очень много надо — дести четыре с клетками различной величины, от самой мелкой до самой крупной.

Анюта спрашивает — когда свадьба и даже кого «приглашаем»?! Какая быстрая! Сначала надо еще Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства — мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и «приглашай»!

Насчет *verbalisme* и *phraséologie* мне кажется, что надо перевести: вербализм (с пояснением) и фразеология... Хотя это и не перевод собственно, а простая транскрипция, но что же делать? А «дилетантизм» вместо вербализм — уже совсем не то, даже наоборот скорее. Вербализм, пожалуй, ближе к схоластике, т. е. к излишку (лже) учености, чем к дилетантизму. Впрочем, не помню, как именно употребляются эти слова у Labriola.

За Богданова merci. Прочел уже $1/2$. Очень интересно и дельно. Думаю писать рецензию¹.

На вопросы Маняши: какой у Глеба голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же вещи поет, что и мы, бывало, с Марком «кричали» (как няня выражалась).

Другой вопрос: не угорит ли она в Париже? — Очень возможно. Но теперь ведь сама повидала за границу и может судить. А я жил в Париже всего месяц, занимался там мало, все больше бегал по «достопримечательностям». Неясно мне также, хочет ли Маняша учиться ехать или на лето только.

Марка благодарю за письмо. Пусть он, однако, не забывает о гоголевских «Иван Андреичах». Не знаю, какие там у вас в России прогрессы, а здесь-то, несомненно, они в полном цвету и интересуются не только тем, скачет ли штандарт и скачут ли барышни².

Удивляюсь, что о «Сыне Отечества» ничего у вас даже не слышно. Я сегодня в «Русской Мысли» видел (за ноябрь или декабрь 97), что эта газета объявляется органом народников *pur sang*³.

До следующего раза. Твой В. У.

У нас теперь холода стоят настоящие, так что охоту бросили и ходим только гулять — все-таки в лес. Но у меня квартира теплая, а платье еще теплей.

Список книг, которые я хотел бы достать, Маняша пусть отошлет Надежде Константиновне — она поищет в СПб., если, конечно, не поздно уже теперь.

Если есть у нас еще какие-нибудь детские книги с картинками, то пусть Н. К. привезет для ребятшек Проминского...

¹ Рецензия Владимира Ильича на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» была опубликована в апрельском номере журнала «Мир Божий» за 1898 год.

² Под «Иван Андреичами» Владимир Ильич подразумевает любителя вскрывать чужие письма почтмейстера Ивана Кузьмича из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Он, очевидно, хотел предупредить М. Т. Елизарова о необходимости соблюдать большую осторожность в переписке.

³ Настоящих, чистокровных.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ И
 МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
 ИЗ ШУШЕНСКОГО В МОСКВУ

24. II. 1898

Получил я сегодня, дорогая мамочка, кучу писем со всех концов России и Сибири и поэтому чувствовал себя весь день в праздничном настроении.

От Маняши и Анюты получил письма от 9. II, затем «Юридический Вестник» и «Статистический Временник», а также «Дневник съезда» (техников). Спасибо за все. Последний был очень интересен, и Анюте за него особенное спасибо. Она пишет, что Амичиса книга детская. Этого я не знал, — но и детская будет здесь полезна, ибо детям Проминского нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву»¹. Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно), а для меня — полное собрание сочинений Тургенева, обещанное «Нивой» в премию, в 12 томах. И все сие за семь рублей с пересылкой! Соблазнительно очень. Если только Тургенев будет издан сносно (т. е. без извращений, пропусков, грубых опечаток), тогда вполне стоит выписать. Не видал ли кто-нибудь из наших премий «Нивы» за прошлые годы? Кажется, она давала Достоевского? Сносно ли было?

Я теперь рассчитываю наверняка поправить свои финансы, ибо и отдельное издание статей должно же выгнать так или иначе, да затем получаю теперь большой перевод с английского (из Питера) Адама Смита, за который должно что-нибудь перепасть². Поэтому долги

¹ «Н и в а» — иллюстрированный еженедельный журнал, дававший в своих приложениях произведения классиков и известных писателей; выходил в Петербурге в 1870—1918 годах.

² Книгу Адама Смита Владимир Ильич не переводил.

свои все возьму (надо только не забывать их). Поэтому также и «Ниву» считаю возможным выписать, — пусть уже насчет того, будет ли «сносен» Тургенев, решат наши, — у них больше данных для решения.

Сегодня получил «Русское Богатство» за 1898 г. № 1. «Вестник Финансов» получаю уже давно.

Некую толику финансов придется, конечно, еще попросить отправить с предстоящей с Н. К. оказией (раньше не надо. Посobie выдали сегодня), ибо там расходы могут быть изрядные. Долг, значит, мой возрастет не-сколькo.

Живу я по-прежнему. Новостей никаких — гостей никаких — знакомых еще никаких.

Анюта пишет, что ей Н. К. пишет, что «нашелся издатель в СПб.». Мне она писала только, что «обещают найти». Возможно, что у нас выходит тут забавная путаница: в СПб. план этот возник *самостоятельно* до моего письма, а у меня тоже *самостоятельно*, до питерского письма. Вот мы и танцуем друг подле друга, как идущие по улице люди, которые столкнулись носами и не знают, направо или налево пропустить пройти своего визави.

Теперь, впрочем, вероятно, уже дело вырешилось.

Целую тебя и шлю привет всем нашим.

Твой В. У.

Я понял письмо Маняши так, что обе книги (и «Юридический Вестник», 1887, № 12 и «Статистический Временник») куплены, что их, значит, возвращать не надо.

Дело Н. К. плохо движется. Вероятно, насчет срока придется ей оставить попечение, — ну, а переезд-то сюда обещают разрешить.

Прилагаю письмо для нее, ибо она теперь, может быть, уже в Москве. Если нет, то перешлите.

Маняше

Пришли мне еще, Маняша, следующие вещи:

1) Карандаш Hardmuth № 6 (Анюта купила мне прошлый год такой карандаш, и он мне чрезвычайно понравился, но уже, к сожалению, отслужил свою службу).

2) Коробочку сургуча и какую-нибудь печать для запечатывания писем. (Если нет у нас одной из старых печатей, то либо купить, либо заказать подешевле.) Имени не надо на печати, даже и инициалов не надо, — лишь бы было изображение чего-либо или рисунок, который легко запомнить и передать другим.

3) *essuie-plume*¹ } были у меня обе сии вещи, но,
и 4) ножницы небольшие } увы! посеял где-то еще дорогой. Теперь вместо первой употребляю полу визитки — всю уже раскрасил прекрасно; а ножницы беру у хозяев — овечьи. Достоинство их — то, что всегда возбуждают смех и веселье.

Au revoir². В. У.

¹ Перочистка.

² До свидания.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ И
 АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
 ИЗ ШУШЕНСКОГО В МОСКВУ

8.III.1898

На этой неделе, дорогая мамочка, я не имел, кажется, ни одного письма от вас. Заключаю отсюда, что Митя все еще сидит — это очень грустно.

Не знаю уже, застанет ли это письмо Н. К. в Москве. Если да, то присоединяю еще одно забытое поручение. Пришли мне одну из наших партий шахматов: оказалось, что в Минусинске есть партнеры среди товарищей, и я однажды с большим удовольствием вспомнил старинку. Напрасно я думал, что Восточная Сибирь — такая дикая страна, в которой шахматы не могут понадобиться. В Восточной Сибири есть самые различные места.

Живу я по-старому. Тесинцы пишут, что у Э. Э. отняли пособие: «матери не считаются членами семей» (новые разъяснения!). Проминскому тоже убавили пособие с 31 р. до 19 в месяц. Анатолий «выручил», наконец, после долгих мытарств жену. Юлий пишет из Турханска, что живет сносно — парень не унывающий, к счастью!

Твой В. У.

Прилагаю письмо для Надежды Константиновны.

С Надеждой Константиновной пришли мне, пожалуйста, побольше финансов: а если она уже выехала, то отправь на имя Елиз. Вас. Расходы могут предстоять изрядные, особенно если придется обзаводиться своим хозяйством, так что я намерен прибегнуть к изрядному округлению своего долга и к повторному внутреннему

займу. К осени, вероятно, получу за перевод достаточно на покрытие долгов — I believe more than five hundreds¹.

Анюте

Хочу попросить тебя достать мне пособия по английскому языку. Напросился тут я на перевод и получил толстую книгу Webb'a². Очень боюсь, как бы не наделать ошибок.

Надо бы иметь

1) грамматику английского языка, особенно *синтаксис*... Если у Н. К. нет Нурока (она, кажется, имела его — только не знаю, свой ли), то пришли хоть его на лето, коли тебе (или Маняше) не нужен. Не знаю только, не мало ли дает Нурок по этому вопросу? Если можно достать хорошее пособие на английском языке, очень бы хорошо.

2) Словарь *географических* имен и собственных. Перевод и транскрипция их с английского очень трудны, и я сильно боюсь ошибок. Не знаю, имеются ли подходящие словари? Если нет справки в «Книге о книгах» или в каком-нибудь другом указателе или каталоге, то, может быть, можно как-нибудь из других источников узнать? — Конечно, если при случае можно будет узнать и достать (в финансах уж тут не стесняюсь, ибо гонорар будет не малый, и первый-то опыт надо сделать толком), а особо поднимать хлопоты не стоит. Я получу еще немецкий перевод этой книги, так что с ним можно всегда справиться.

Твой В. У.

¹ Я полагаю, больше пятисот.

² Том I книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» Владимир Ильич перевел вместе с приехавшей вскоре в Шушенское Надеждой Константиновной.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В МОСКВУ

10.V.1898

Приехали ко мне наконец, дорогая мамочка, и гости¹. Приехали они седьмого мая вечером, и как раз ухитрился я именно в этот день уехать на охоту, так что они меня не застали дома. Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно — придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: «Эк Вас разнесло!» — отзвываясь, как видишь, такой, что лучше и не надо!

Ужасно грустно только, что ничего хорошего о Мите не привезено!

Твое письмо и с ними и от 20/IV получил. Большое merci за присланные вещи. Насчет имеющих прибыть книг Н. К. уже переговорила в Минусинске, и я надеюсь, что получу их скоро и без хлопот. Может быть, и сам привезу, ибо собираюсь съездить в «город».

Насчет пароходов. Н. К. довели только до Сорокина (верст 70 от Минусинска); в Красноярске они прождали неделю. Вода еще низка, и половодье будет приблизительно в конце мая — в начале июня. От Минусинска до Шуши 55 верст. Рейсы здешние пароходы совершают неправильно: расписания нет, но вообще раз установится навигация, — вероятно, будут ходить более или менее правильно и без экстраординарных проволочек. Очень и очень бы хотелось, чтобы тебе удалось сюда приехать, — только бы поскорее выпустили Митю.

¹ Надежда Константиновна и ее мать Елизавета Васильевна приехали в Шушенское 7 мая 1898 года.

Да, Анюта спрашивала меня, кого я приглашаю на свадьбу: приглашаю всех вас, только не знаю уж, не по телеграфу ли лучше послать приглашение!! Н. К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* (sic!) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста (до петровок): позволительно же все-таки надеяться, что строгое начальство найдет это достаточно «немедленным» вступлением в брак?! Приглашаю тесинцев (они уже пишут, что ведь свидетелей-то мне надо) — надеюсь, что их пустят.

Привет всем нашим.

Целую тебя крепко. Твой В. У.

Да, едва не забыл. Надя сообщила мне, что ко мне поехали книги по философии и что они проехали мимо куда-то к Иркутску. Почему же это я об этом *ни разу* ничего не слышал?? Не пропало ли какое-либо письмо? Попрошу Анюту разъяснить, в чем тут дело.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В ПОДОЛЬСК

7.VI.1898

Третьего дня получил я, дорогая мамочка, твое длинное письмо от 20.V. Merci за него. Прошлый раз забыл написать тебе, что ящик с книгами я получил в Минусе и привез оттуда с собой.

Недоумеваю, как это вышло так, что ты долго не получала от меня писем; я уже «с незапамятных времен» пишу тебе каждое воскресенье.

Насчет нашей свадьбы дело несколько затянулось. Прошение о высылке необходимых документов я подал почти месяц назад и в Минусе сам ходил справляться к исправнику о причинах волокиты. Оказалось (сибирские «порядки»!), что в Минусе нет *до сих пор* моего статейного списка, — хотя я уже второй год в ссылке!! (Статьейным списком называется документ о ссыльном; без этого документа исправник не знает обо мне ничего и не может выдать мне удостоверения.) Придется выписывать его из Красноярска из тюремного правления, — боюсь, что исправник и с этим промешкает. Во всяком случае раньше июля свадьба теперь состояться не может. Просил исправника пустить ко мне на свадьбу тесинцев, — он отказал категорически, ссылаясь на то, что один политический ссыльный в Минусе (Райчин) взял отпуск в деревню в марте этого года и исчез... Мои доводы, что бояться исчезновения тесинцев абсолютно не доводится, — не подействовали.

Тесинцам разрешили остаться до осени в Теси, а потом они переезжают в Минусу.

Насчет пароходства по Енисею я, кажется, писал уже тебе. Высокая вода держится до сих пор: теперь даже

опять прибывает; стоят сильные жары и, вероятно, тает снег в тайге на горах. Расписания пароходам (все — буксирные) здесь не бывает; от Красноярска до Минусинска пароход идет дня два — иногда больше. От Минусы 55 верст на лошадях до Шуши. Надеюсь получить от тебя телеграмму, если Митю выпустят и ты решишь съездить к нам. Елизавета Васильевна высказывает опасение, не утомила бы дорога тебя чересчур. Если бы можно во 2-ом классе по железной дороге, то я думаю, что не будет чересчур утомительно.

Привет всем нашим. Жду очень письма от Анюты. Получила ли она «Вопросы Философии»?

Крепко целую тебя. Твой В. У.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В ПОДОЛЬСК

26.VIII.1898

Вчера получил я, дорогая мамочка, телеграмму от 21-го о Митином освобождении и письма твое и Анютино. Очень был рад всем известиям, особенно первому. Митя освобожден, следовательно, по окончании следствия: теперь интересно узнать, что именно приуготовляет для него обвинительная власть¹. Буду ждать известий, как вы устроитесь на зиму.

Анютино письмо очень интересно, и я с удовольствием узнал, что мои опасения насчет фиаско были преждевременны². Посылаю сегодня же (по тому же адресу, как и это письмо) заказной бандеролью свою статейку, написанную на днях. Перешлите ее, пожалуйста, *écrivain*'у с просьбой попытаться поместить куда-либо: если поздно уже в сборник, то в один из журналов («Мир Божий» или, пожалуй, удобнее — «Научное Обозрение»). Я не знаю, удобно ли мне посылать рукописи прямо в СПб. Я сделал так с переводом Webb'a, потому что до назначенного мне срока (1.IX) оставалось уже всего 2 недели, но не знаю, не вызвало ли это там недовольства. Буду посылать куда вам.

О получении Gumplowicz'a, Шахова, «Известий» Вольфа и книг от Фридман я уже писал.

«Тетушку»³ очень благодарю за поклоны и пр. Жаль,

¹ Дмитрий Ильич был выслан в Тулу, а затем находился под гласным надзором полиции в Подольске, Московской губернии.

² Речь идет об издании сборника «Экономические этюды и статьи».

³ А. М. Калмыкова — прогрессивная общественная деятельница. Была тесно связана с группой «Освобождение труда» и петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». В 1889—1902 годах держала книжный склад, который служил явкой для социал-демократов, оказывала материальную помощь большевикам.

однако, что одни поклоны. А я-то уж вовсе не виноват в том, что «не отвечаю». Как думает Анюта, стоит ли мне отвечать теперь или *приходится* лучше выждать?

Погода здесь переходит уже на осеннюю, хотя последние деньки очень хороши. Что наш дом будет зимой негоден, — этого мы не думаем и не боимся. Найти другую квартиру, конечно, можно будет.

Твой В. У.

Ну, что же, как Маняша? Колеблется все еще или вырешила наконец?

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА И
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В ПОДОЛЬСК

20.XII.1898

Дорогая Марья Александровна! Володя ушел сегодня неожиданно на охоту, и потому пишу я. Это время морозы у нас доходили до 20°, а сегодня тепло, 2¹/₂°, вот Володя и соблазнился охотой, тем более, что по теории шушенских охотников теперь самая лучшая охота на тетеревей: в мороз они ничего не ели, а теперь так усиленно питаются, что и охотника не видят. Володя пошел с чужим ружьем, так как свое он сломал: ствол оказался чугунным и сломался от простого падения на лед. Отправили мы ружье в Минусу, но тамошние мастера отказались его чинить. Надо, значит, будет покупать новое. Говорят, в Минусе продается какая-то очень хорошая двустволка, Володя помышляет ее приобрести. Теперь мы заняты приготовлением к поездке в Минусу. Впрочем, все приготовления состоят в том, что Володя привесил к стене бумажку, на которой и записывается все, что надо купить в городе. Мама не поедет в Минусу, сначала она мотивировала это тем, что дорога плоха, а теперь тем, что холодно. Мы поедем в сочельник, а вернемся 1-го или 2-го числа, так что следующее письмо от Володи будет, верно, уже из Минусы. Не знаю, писал ли Володя, что на праздники в Минусу собираются и Курнатовский и Лепешинские, собираются кататься на коньках, играть в шахматы, петь, спорить и т. д. По всем вероятностям, время проведем весело.

После окончания «рынков» существует план засесть основательно за языки вообще, а за немецкий в особенности. Володя выписывает из склада русско-немецкий словарь Павловского, а Анюту просит раздобыть Турге-

нева на немецком языке и какую-нибудь хорошую грамматику. Я слышала, что из немецких грамматик хороша Ф. Фидлера, но наверное не знаю.

Да, кстати, мы подозреваем, что наша догадка о «Жизни»¹ неверна. Если так, то, конечно, не стоит на нее подписываться.

От Маняши мы получили одно только письмо. Отчего она не пишет? или, может, до нас не доходят ее письма, пусть пишет заказными. Пришел Володя и бунтуется, чего я не иду на каток и сижу дома. Поэтому кончаю письмо. «С Новым годом!». Крепко целую Вас и Анюту, Д. И. и М. Т. кланяюсь. Мама всем очень кланяется. Пока писать совсем нечего, вот разве после Минусы. Еще раз крепко целую.

Ваша *Надя*

Присоединяю и свое поздравление с Новым годом.

Насчет немецкого перевода Тургенева я бы думал, лучше всего справиться, напр., у Вольфа и взять кстати каталог изданий хоть Реклама. Что именно из Тургеневских сочинений, нам безразлично, — только перевод желательно из хороших. Немецкая грамматика желательна возможно более полная, — особенно синтаксис. Если бы и на немецком языке, это бы даже лучше, пожалуй. Не завязать ли вообще дела с Вольфом по выписке книг и по справкам? Склад А. М. Калмыковой что-то неохотно дает справки: например, я просил достать мне оттиск статьи Н. Карышева «Материалы по русскому народному хозяйству», вып. 2-ой из 2-ой книги «Известий Московского сельскохозяйственного института» за 1898 г., — но склад отказался исполнить поручение или даже сообщить адрес «Известий»... Не достанете ли вы?

Всего лучшего. *В. У.*

¹ «Жизнь» — литературный, научный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1897 по 1901 год.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В ПОДОЛЬСК

3.1.1899

Вчера вернулись мы с Надей из Минусы, дорогая мамочка, где провели неделю у Глеба и Базиля очень весело и встретили Новый год среди товарищей.

Тостов при встрече Нового года была масса, и особенно горячо встречен был тост одного товарища «за Эльвиру Эрнестовну и за отсутствующих матерей».

Сегодняшний день еще не можем наладиться на будничнй лад, а с завтра надо опять за работу. Шестая глава моей книги кончена (еще не переписана); надеюсь недели через четыре кончить все. На Анютины письма от 5/XII и от 8/XII я ответил еще из Минусы; в них я соглашался на немедленную передачу первых глав для печати, на корректуру без автора (желательно 3, а не 2 корректуры), на присылку ему лишь беловых листов и вообще на то, чтобы заведовала изданием Анюта по своему усмотрению. Надеюсь, Анюта получила мое письмо. Тогда же послал письмо Мите с просьбой купить мне ружье. Не встретится ли тут затруднений финансового характера? С моим гонораром что-то вышла заминка, а я все забираю да забираю книги в складе Калмыковой, так что даже совестно.

Целую тебя крепко и шлю всем привет. Твой В. У.
Е. В. и Надя просят кланяться.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В ПОДОЛЬСК

30. I. 1899

Получил вчера, дорогая мамочка, «Neue Zeit» от Анюты и прейскурант от Мити. Merci за них. Сегодня прочитали в «Русских Ведомостях» объявление о «Начале»¹. Хорошо, что я успел как раз к началу «Начала» окончить свои «рынки» (сегодня наконец-то покончил. В среду отправим последние две главы) и теперь можно будет на свободе работать помаленьку что-либо текущее. Одну книжечку получил для рецензии, но еще не успел прочесть².

Не помню, писал ли я, что Анатолий все хворает. С ним случилась еще невзгода: пришел приказ перевести его в с. Анциферово (несколько десятков верст к северу от Енисейска по дороге в Туруханск) — новая ссылка в наказание за то, что ссыльный Махновец (пришедший нынче зимой) бежал и дал кому-то адрес Анатолия. Из этого заключили каким-то непостижимым образом, что Анатолий должен был знать о бегстве! Пока Анатолия не высылают по болезни, — он и не выходит даже. Подал прошение о переводе в Минусинский округ или о переводе в Россию для лечения.

О переводе Юлия ничего неизвестно.

Из с. Казачинского (где А. А. Якубова) тоже выслали трех ссыльных (Ленгника — недалеко от нас, Арефье-

¹ «Н а ч а л о» — научный и литературно-политический журнал, орган «легальных марксистов»; выходил в Петербурге в январе — июне 1899 года.

² Речь идет о книге Р. Гвоздева «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение». Рецензия Владимира Ильича на эту книгу была напечатана в № 3 журнала «Начало» за 1899 год.

Дом в селе Шушенском, в котором жили во время ссылки Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

ва и Ростковского), так что Казачинская колония поредела очень и очень сильно.

Курнатовский (живет в с. Курагинском, верст 100 от нас) просился в Шушу; отказали; теперь переводится в с. Ермаковское (верст 40 от Шуши), где будет совсем один.

Погода стоит у нас удивительно хорошая: морозы очень мягкие (10—12°), ясные дни и весеннее уже солнце. Зима не сибирская!

Целую крепко тебя и шлю привет всем нашим.

Твой В. У.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА И
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В БРЮССЕЛЬ

7.III.1899

Этот раз я опять повинна в большой неаккуратности, дорогая Маня, ты уж не сердись. Твое письмо пришло перед самыми гостями. Мы решили лихо отпраздновать масленицу и пригласили к себе всех горожан (6 человек). Наша мирная Шуша вдруг стала многолюдной и шумной. Время проводили самым праздничным образом, и 5 дней прошли совсем незаметно. В последний день приехал еще Михаил Александрович (он теперь наш ближайший сосед, и мы надеемся с ним часто видеться, живет в 35 верстах от нас). После гостей все мы долго не могли прийти в себя. Володя теперь ушел целиком в ответную статью Струве. Все тот же вечно новый вопрос о рынках. Вообще Володе придется, кажется, посвящать не мало времени на полемику и защиту положений, выставленных им в «Этюдах». Собирается еще писать о Каблукове. У меня определенных занятий нет, так подчитываю кое-что. Я уже целых 10 месяцев в Шуше, а сделать ничего еще не успела, все собираюсь. В воздухе весна. Река постоянно покрывается водою, на ветлах воробьи поднимают неистовое чириканье, быки ходят по улице и мычат, а у хозяйки курица под печкой так по утрам клохчет, что всегда будит. По улицам грязь. Володя чаще и чаще вспоминает о ружье и охотничьих сапогах, а мы с мамой собираемся садить уже цветы. Из этого описания ты можешь составить себе представление о нашем времяпрепровождении и о том, что материалу для писем не ахти как много. Судя по твоему письму, твоя жизнь — полная противоположность нашей: кругом дви-

жение, жизнь. Ты, очевидно, начинаешь втягиваться в местную жизнь и проникаться ее интересами. За вырезки большое спасибо, присылай еще. Твои сетования на незнание французского языка только еще ярче выставляют то жалкое знание языков, которым обладаем мы с Володей, он еще немножко получше знает, а я совсем уж плохо. Раздобылись теперь Тургеневым на немецком языке и собираемся начать делать переводы с русского на немецкий, но пока у нас нет ни словаря, ни грамматики, да если бы и были, то вряд ли стали бы заниматься. Видно, уж ознакомиться с языками придется лишь тогда, когда попадем за границу и необходимость заставит взяться за их изучение вплотную. Когда ты думаешь ехать домой? Надо ли тебе будет сдавать какие-нибудь экзамены? Очень ли скучаешь в своем Брюсселе, много ли знакомых? — Да, знаешь, Анатолий очень болен. Доктора определили у него чахотку, и у него все время повышенная температура. Куба получила разрешение съездить на три недели в Енисейск, куда она теперь и поехала. Пишет она очень редко и только для очистки совести, так что как она живет — не знаю; кажется, не очень-то хорошо. Зина — такая же, как всегда, веселая и живая. Ну, до свиданья. Крепко целую. Всего хорошего. Мама велит тоже тебя поцеловать. Пиши почаще.

Твоя *Надя*

Жму руку, Маняша, и в свою очередь благодарю за вырезки. Прибавить к Надиному письму ничего не имею.

В. У.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА И
 ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
 ИЗ ШУШЕНСКОГО В БРЮССЕЛЬ

17.III.1899

Мое поздравление не придет вовремя, дорогая Маня, опоздает, ну, все равно целую тебя крепко, крепко. Спасибо за виды Брюсселя, только я не хочу прежде времени и думать о загранице, теперь я не хочу думать даже о России. Вот о лете думать разрешается. В последнем письме М. Ал. пишет, что она с Анютой летом приедет к нам, и сегодня в письме в Подольск я пустилась расписывать прелести Шуши. Даже проектировала, как мы на Перово озеро поедем и карасей там будем ловить и жарить. Видишь, минусинцы просятя на лето в Шушу, тогда мы собираемся лошадь завести — вот и хорошо будет ездить всюду. Я вообще стала «патриотка своего отечества» и могу с большим увлечением говорить об Енисее, островах, лесе и т. п. Все же мне жалко, что я не мужчина, а то бы я в десять раз больше шлялась. Хоть я и очень хотела бы повидать тебя, но все же Шушей соблазнять тебя не хочу, потому что, говоря беспристрастно, Шушенка деревня как деревня, и если бы мне предложили сейчас выбрать, где лето провести — под Москвой или в Шуше, я бы, конечно, выбрала первое.

Володя теперь сильно увлекается Каутским «Agrarfrage»¹, пишет рецензию о нем. Я пока только посматриваю на книжку и облизываюсь. Вообще у нас книжек порядком, и обилие их возбуждает только сознание, как много надо прочесть и как мало читаешь. «Начала» еще не получили, пока лишь одно скучное «Русское Богатство».

¹ Аграрный вопрос.

Ну, однако, кончаю. Мама тебя целует и поздравляет. Володя сам собирается писать.

С последней почтой мы получили карточку М. Ал. Правда, карточка замечательно хорошая?

Ну, целую крепко.

Твоя *Надя*

Извиняюсь, дорогая Маняша, что и на этот раз пишу очень коротко, присоединяя свое поздравление к Надинному. Дело в том, что сегодня накопилось порядочно писем: в Туруханск (почта 1 раз в месяц) да Аняте надо послать список опечаток в присланных мне беловых листах.

Нового у нас очень мало. В литературе пока затишье, — все ждем. О происшествиях в Питере и в Финляндии иностранные газеты говорят (судя по «Frankfurter Zeitung»), но эти места замазывают, так что мы знаем очень и очень мало¹.

Жму руку. Может быть, до свидания?

Твой *В. У.*

¹ Речь идет о забастовке, происходившей в тридцати высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Харькова, Риги, Томска и других городов. Волнения в Финляндии были вызваны отменой финляндской конституции 3(15) февраля 1899 года. Очевидно, сообщения об этих событиях, напечатанные во «Frankfurter Zeitung», цензура замазывала краской.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ШУШЕНСКОГО В ПОДОЛЬСК

1.V.1899

Получил твое письмо от 12/IV, свою книгу и перевод Webb'a (три заказных бандероли).

Внешним видом книги я очень доволен. Издана прекрасно благодаря большим хлопотам твоим с корректурой. И цену ты хорошо сделала, разумеется, что повысила. Раз учащимся будет еще скидка в 25%, — этого вполне достаточно. Всем ли знакомым разослали книги? Я думаю, надо еще взять запасных автору десятка полтора экземпляров: придется обменивать на разные сборники и пр. Об «Этюдах» я уже писал тебе, прося достать еще несколько экземпляров (сюда, не к спеху, прислать только два). Заглавием книги вполне доволен: исправление *écrivain'a* оказалось удачным. Если будут поступать какие гонорары, — пока пересылать не стоит. (Я пишу маме об одной скорой и хорошей оказии.)

Редакцию перевода Webb'a я согласен взять. Редактировать буду, сообразуясь с своим переводом I тома. Раз мне сдана редакция, — нечего ждать, и I том должен поступать сразу в печать, не так ли? Или это еще опять будет зависеть от «сборов» П. Б.¹??

Жму руку. В. У.

...Присылай, пожалуйста, всякие отзывы о книге и попроси В. А.² посылать из питерских газет.

¹ П. Б. Струве.

² В. А. Ионов.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА И
 ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
 ИЗ ШУШЕНСКОГО В МОСКВУ

19.I.1900

Дорогая Марья Александровна! наконец-то вопрос выяснился: можно ехать в Россию, прибавки срока не предвидится. Вещи отправляем 28-го, а 29-го двигаемся сами. Едем компанией: с В. В. и Ольгой Александровной. Собирались ехать и Лепешинские, но я сильно сомневаюсь, чтобы они собрались к сроку. О. А. торопится к М. А., его назначили в Ригу, В. В. тоже торопится. Выедем из Минусы, вероятно, 30-го. Боюсь только, чтобы не вышло какой-нибудь задержки из-за меня. Недавно только нам пришлось в голову узнать, надо ли мне хлопотать о разрешении ехать на свой счет. В. В. справлялся у исправника, и оказалось, что об этом надо хлопотать в департаменте полиции, сам же исправник выдать мне проходного свидетельства не может, т. к. не получил относительно меня никаких предписаний. Посылаем сегодня телеграммы в департамент и Книповичам¹, но вряд ли не выйдет новой какой путаницы. В Уфе Володя хочет остановиться дня на два, чтобы узнать, как вырешится, оставят ли меня в Уфе или отправят в какой-нибудь Стерлитамак или Белебей. Теперь у нас только и разговору, что о дороге. Книжки уложили в ящик и свесили, выходит около 15-ти пудов. Книжки и часть вещей отправляем транспортом, впрочем, вещей у нас будет, кажется, не очень много. Ввиду морозов хотели заказать кошеву с верхом, но в городе достать нельзя, а тут заказывать сомнительно, такую еще, пожа-

¹ Семья Н. М. Книповича — близкие знакомые Надежды Константиновны.

луй, сделают, что не доедет до Ачинска. Теплой одежды много, авось не замерзнем, да и погода, кажется, собирается потеплеть: Оскар вчера видел где-то облачка, а сегодня утром было только 28 градусов. Хуже всего то, что мама все студится, вот теперь кашляет опять. Мы-то с Володей выходим каждый день, несмотря на морозы, и к воздуху привыкли, а мама не знаю как уж доедет. Хочется поскорее, чтобы прошло время до 29-го, ехать так ехать. Положим, отъезд так уж близко, что мама сегодня собиралась было стряпать в дорогу пельмени. Нам советуют брать в дорогу непременно пельмени, остальное все замерзнет. Вот мама и собирается настряпать уйму этого снадобья, без жиру и луку.

Читается теперь мало. Володя, впрочем, пишет ответ Скворцову¹. Сегодня отсылаем, наконец, Вебба, препорядочно он-таки надоел.

Ну, до свиданья. Крепко целую. Маняшу и Анюту тоже целую, жаль мне, что нельзя будет в Москву попасть. Мама кланяется.

Ваша *Надя*

Это письмо ты получишь, вероятно, уже после телеграммы от меня. Надеюсь, — до скорого свидания!

Твой *В. У.*

(Узнал (А. Н. писал), что Прокоповича-то книгу цензура все же съела (!!), — значит, отвечать ему нельзя. Странное происшествие!²)

¹ Статья Владимира Ильича «Некритическая критика (По поводу статьи г-на П. Скворцова «Товарный фетишизм» в № 12 «Научного Обозрения» за 1899 год)».

² Книга С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Т. I. Германия, Бельгия» была задержана цензурой, затем разрешена и вышла в свет в 1900 году. Владимир Ильич написал на нее рецензию.

ПИСЬМА ИЗ ПСКОВА И УФЫ

(1900 год)

Наконец кончился срок ссылки, Владимиру Ильичу был предоставлен полицией «выбор» места, в котором он хотел бы поселиться. «Выбор» был невелик, так как нельзя было жить в столицах, крупных городах, промышленных центрах (всего до 60 городов было под запретом).

Владимир Ильич решил поселиться в Пскове, так как Псков был близко к Петербургу и ему было бы удобно видеться с приезжавшими к нему товарищами, переписываться с ними.

Надежде Константиновне предстояло еще год отбывать ссылку в Уфе. Владимир Ильич пытался добиться для нее разрешения провести этот год в Пскове, но получил решительный отказ.

«Очень жаль было расставаться, — вспоминала Надежда Константиновна, — когда только начиналась «настоящая» работа, но даже и в голову не приходило, что

можно Владимиру Ильичу остаться в Уфе, когда была возможность перебраться поближе к Питеру».

Из Шушенского они выехали вместе. Владимир Ильич проводил Надежду Константиновну в Уфу, помог ей и ее матери устроиться и уехал в Псков.

В Пскове он пробыл с февраля по июль 1900 года. Это было время упорной работы по подготовке всего необходимого для издания за границей общерусской политической газеты.

Неисчерпаемая энергия и огромный организаторский талант помогли Владимиру Ильичу в столь короткий срок закончить подготовку к отъезду за границу. Он посетил ряд городов, где договорился с товарищами о сотрудничестве, связях, адресах, шифрах, о распространении газеты.

Публикуемые письма Владимира Ильича адресованы матери.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ПСКОВА В МОСКВУ

15.III.1900

Получил твое письмо на днях, дорогая мамочка. О Наде послал прошение 10-го и скоро буду ждать ответа. В случае (паче чаяния) неблагоприятного я действительно думаю попросить тебя (если ты будешь вполне здорова) съездить попросить лично. Но это в будущем, там посмотрим.

«Жизнь» я получил, так что не посылайте.

«Archiv» попрошу Анюту послать Наде (у меня оказался здесь 2-ой экземпляр на время). Я живу здесь ничего себе, часто посещаю библиотеку и гуляю.

Извини, что пишу очень кратко: опоздал к почте.

Крепко целую тебя и шлю привет всем нашим.

Твой В. У.

Здесь хвалят одного доктора, и я хочу с ним посоветоваться о своем катаре. В Питере с приближением весны ходят, говорят, разные эпидемические болезни¹.

¹ Подразумеваются происходившие в то время аресты.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ПСКОВА В ПОДОЛЬСК

5.V.1900

Только сегодня утром получил я, дорогая мамочка, твое письмо от 2-го с припиской от Маняши. Почему письмо опоздало (ты ожидала, что я получу его 3-го или не позже 4-го), не знаю; штемпеля на нем «почтовый вагон 2-го» и «Псков 4-го», так что, пожалуй, даже нет и опоздания: четвертого письмо пришло в Псков и сегодня утром разнесено. Из Подольска, вероятно, письмо не может приходиться так же быстро, как из Москвы.

Напрасно ты беспокоишься обо мне, дорогая моя: здоровье мое теперь значительно лучше, воду свою я давно бросил и ни разу не испытывал желаний и надобности вернуться к ней. Вчера получил свидетельство от местного полицеймейстера о неимении с его стороны препятствий к отъезду моему за границу, сегодня внес пошлину (десять рублей) и через два часа получу заграничный паспорт. Значит, двинусь летом в теплые края; немедленно ехать отсюда я не могу, потому что надо еще снестись с редакциями и некоторыми издателями переводов и покончить некоторые денежные дела (надеюсь, между прочим, получить малую толику от Филиппова: если не получу ни от него, ни от Поповой, то напишу тебе с просьбой выслать мне частичку). Кроме того, я должен дожидаться здесь ответа на мое прошение в департамент о разрешении мне прожить 1¹/₂ месяца в Уфе вследствие болезни жены. Прошение это подано мною 20-го IV и через недельку, примерно, должен бы быть ответ. Надю я навещу непременно, но не знаю еще, удастся ли прожить у нее 1¹/₂ месяца или (что вероятнее) придется ограничиться меньшим сроком. Во всяком случае получение загранич-

ного паспорта (его я должен был получить в Пскове, где я прожил последнее время) меня не стесняет, ибо по закону срок для выезда за границу по паспорту, выданному в внутренних губерниях, равняется 3-м месяцам, т. е. я не опоздаю, даже если выеду из России 5 августа. Поэтому, как я уже писал, двинуться отсюда думаю между 15 и 20.V, постараюсь, конечно, пораньше...

Крепко обнимаю тебя и шлю привет всем нашим.

Твой В. У.

До скорого свидания!

Надя пишет, что ее здоровье лучше.

Сейчас получил паспорт из канцелярии губернатора и навел справку о своем прошении о поездке в Уфу: оказывается, отказано!!! Вот уже этого я совершенно не ожидал и совершенно теряюсь теперь, как быть!

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ УФЫ В ПОДОЛЬСК

2.VII.1900

Дорогая мамочка! К сожалению, должен сообщить тебе, что наше свидание несколько откладывается: я вынужден съездить ненадолго к товарищу в Сибирь¹ и потому раньше как 20-го или 21-го июля (вероятнее, думаю, 20-го) проезжать через Подольск не буду. А затем мне останется только собрать вещи, визировать паспорт — и ехать дальше. Если вещей еще нет, — очень прошу Митю принять самые энергичные меры до собственной поездки включительно. Наши все здоровы и кланяются тебе.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и шлю привет всем нашим.

Твой В. У.

¹ Владимир Ильич собирался съездить в Сибирь к Г. М. Кржижановскому. Поездка не состоялась.

ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ

(1900—1905 годы)

За границу, в свою первую эмиграцию, Владимир Ильич выехал в июле 1900 года для организации издания общерусской политической газеты, получившей название «Искра».

Сначала он поехал в Швейцарию, чтобы договориться с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда» о совместной работе в газете.

Долго не могли договориться, но наконец все уладилось, решили издавать газету в Германии. Владимир Ильич со всей энергией взялся за работу, и в декабре 1900 года первый номер «Искры» вышел в свет. Основную работу в газете взял на себя Владимир Ильич. Вскоре, отбыв ссылку, приехала Надежда Константиновна и стала секретарем редакции, стала помогать Владимиру Ильичу.

«Искра» освещала с точки зрения рабочего класса все важнейшие политические и экономические вопросы,

рабочее движение. Газета сыграла огромную роль в создании революционной марксистской партии, в сплочении организаций в России, налаживании связей с ними. Много трудностей было с переправкой «Искры» в Россию. Организацией связи с газетой, сбором и пересылкой корреспонденций, распространением газеты в России занимались преданные партийные товарищи — «агенты» «Искры».

Влияние «Искры» росло, настала возможность созыва столь необходимого съезда партии.

Второй съезд Российской социал-демократической рабочей партии состоялся летом 1903 года вначале в Брюсселе, потом в Лондоне. Он принял программу и устав партии, избрал Центральный Комитет и редакцию Центрального Органа партии — «Искры». Острые разногласия выявились на съезде между Лениным и его сторонниками, отстаивавшими революционный путь борьбы, и оппортунистами, не верившими в силу и революционность рабочего класса. Партия раскололась на большевиков и меньшевиков. Второй съезд стал родоначальником боевой, революционной, марксистской партии в России — партии большевиков.

После съезда начались бешеные нападки меньшевиков на Ленина и его единомышленников. Владимир Ильич в ряде книг, статей, докладов отстаивал правильность линии большевиков. Шла оживленная переписка с партийными организациями в России, в которой Ленин разъяснял позицию большевиков. Огромную затрату нервов и сил отнимала эта борьба. Но постепенно в России большинство организаций становилось на сторону Ленина.

Вскоре меньшевики захватили руководство редакцией «Искры». Большевики стали издавать свою газету «Вперед».

Началась работа по подготовке созыва третьего партийного съезда.

За время первой эмиграции Владимир Ильич регулярно писал родным из Швейцарии, Германии, Англии.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ НЮРНБЕРГА В ПОДОЛЬСК

31.VIII.1900

Удивляюсь я, дорогая мамочка, что не получаю от тебя ни одного письма: я писал тебе уже дважды из Парижа¹ и теперь пишу с дороги (ездил кататься на Рейн)². Я здоров и провожу время недурно: видел на днях Анюту, катался с ней по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде, а здесь хорошая погода тоже редкость, вообще же дожди, грозы. Лето такое же неудачное для туристов, как и в России.

Крепко целую тебя и шлю привет всем нашим. Машу прошу отправить мне поскорее все имеющиеся для меня книги; относительно же ящиков надеюсь написать вскоре.

Твой В. У.

Писать мне можно по тому же адресу (или Анюте для пересылки мне — хотя это медленнее, чем в Париж).

¹ Владимир Ильич в Париже в 1900 году не жил, но в целях конспирации пересылал письма в Россию через Париж.

² Это сказано в целях конспирации. На самом деле Владимир Ильич заезжал в Нюрнберг для переговоров о помощи изданию газеты «Искра».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ МЮНХЕНА В МОСКВУ

26.XII.1900

Дорогая мамочка! Ты получишь, вероятно, это письмо незадолго до праздников. Поздравляю и желаю провести их повеселее: может быть, придет Митя на это время и вы соберетесь вместе — хоть те по крайней мере, кто в России... Я ездил на днях в Вену и с удовольствием прокатился после нескольких недель сидения¹. Но только неприятная зима — без снега. В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит. Хорошо, что не холодно, и я вполне обхожусь без зимнего пальто, но неприятно как-то без снега. Надоедает слякоть, и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем непохожую на зиму зиму и не могу сказать, чтобы очень доволен был, хотя иногда перепадают великолепные деньки вроде тех, что бывают у нас хорошей поздней осенью.

Живу я по-старому, довольно одиноко и..., к сожалению, довольно бестолково. Надеюсь все наладить свои занятия систематичнее, да как-то не удастся. Вот с весны это уже наверно пойдет иначе, и я влезу «в колею». Пометавшись после шушенского сидения по России и по Европе, я теперь соскучился опять по мирной книжной работе, и только непривычность заграничной обстановки мешает мне хорошенько за нее взяться.

Вполне ли здорова ты, моя дорогая? Не очень ли скучаешь без Анюты? В каком положении Манино дело?

¹ Владимир Ильич ездил в Лейпциг, где печатался первый номер «Искры». О Вене говорится в целях конспирации.

Кстати, забыл передать ей, что Пушкина получил — очень благодарю, а также и письмо ее от 6.XII тоже получил. Не отвечал до сих пор, потому что помешала поездка, а потом очень занят был.

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и шлю большой привет всем нашим.

Твой В. У.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ МЮНХЕНА В МОСКВУ

9. II. 1901

Дорогая мамочка! Как-то вы поживаете? Что нового, что пишет Митя из Юрьева — он, поди, еще сильнее работает теперь перед экзаменами?

От Маняши получил недавно и рукописи старые и венские подарки¹. Большое мерси за них.

Здесь погода опять повернула на зиму, т. е. снег выпал. Но холодов нет, днем тает.

Был на днях в опере, слушал с великим наслаждением «Жидовку»: я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский) лет, должно быть, 13 тому назад, но некоторые мотивы остались в памяти. Музыка и пение хорошие. В театрах (немецких) я был тоже несколько раз и иногда понимал, по крайней мере в общем и целом. Бываете ли вы в московских театрах?

Анюта писала недавно, что работа задерживает ее еще на некоторое время.

Не думаешь ли ты, дорогая моя, подать прошение о разрешении Наде захватить повидаться к тебе хотя бы на несколько дней? Ей бы, вероятно, очень хотелось этого, но столицы бывают обыкновенно изъяты — и только столицы после Уфы², как она пишет.

Маняшу попрошу черкнуть мне пару слов, когда она выпишет мне журналы, чтобы я знал, что могу уже справиться на почте.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и шлю привет всем нашим.

Твой В. У.

¹ Венские подарки — «Манифест партии социалистов-революционеров».

² Проездом из Уфы в Германию Надежда Константиновна побывала у Марии Александровны в Москве.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ МЮНХЕНА В МОСКВУ

19.V.1901

Надумал написать тебе несколько слов, дорогая Маняша, а то ты, пожалуй, подумаешь, что я и совсем свиньей стал. Удивительно часто, в самом деле, забываяю я здесь о своих обязанностях! Правда, теперь, когда приехали Надя и Е. В., мы устроились гораздо лучше, своей квартирой, и я начинаю более правильно заниматься, но сутолоки все же более чем достаточно.

Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего «режим» установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом *обратные*, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

Из одного твоего письма, пересланного сюда мамой, я увидел, что тебе удалось уже наладить некоторые занятия. Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, если нет особо неблагоприятных условий) будет проходить еще незаметнее. Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного

Мюнхен. Дом № 53 (ныне д. № 46) по Кайзерштрассе, где жил В. И. Ленин в 1900—1901 гг.

чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения — довольно-таки изменчивого в тюрьме — зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами. После обеда, вечером для отдыха я, помню, regelmässig¹ брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме. А главное — не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по несколько десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно. Ну, прощай пока. Крепко целую тебя и желаю бодрости и здоровья².

Твой Влад. Ульянов

¹ Регулярно.

² Письмо было передано Марии Ильиничне в тюрьму.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ МЮНХЕНА В ПОДОЛЬСК

7.VI.1901

Дорогая мамочка! Получил я твое письмо от 10-го мая и газеты от Мити. За письмо и за газеты — большое спасибо. Митю очень бы просил и вперед присылать всякие попадающие ему в руки интересные номера русских газет: здесь библиотеки нет, и кроме «Русских Ведомостей» почти ничего не видишь...

Анюта в Берлине и писала мне уже, что получила посланный ей гонорар и что твои письма она получает теперь вообще скорее, чем прежде.

Очень рад я, что тебе нравится дача и удастся много быть на воздухе. А то, со слов Анюты, я представлял себе вашу новую дачу слишком уже плохой и холодной. Каково-то в ней при дождливой погоде?

Грустно, что в положении Марка и Маняши никаких перемен нет. Я написал им перед самым отъездом Анюты письма со всякой болтовней о тюремном времяпрепровождении. Не знаю, получены ли эти письма и дошли ли до них?

Мы устроились здесь совсем хорошо своей квартирой. Квартирные цены здесь ниже, чем в таких больших (сравнительно) городах России; обзаведение мы себе купили из подержанных вещей недорого, с хозяйством Ел. Вас. и Надя справляются сами без особого труда — хозяйство здесь гораздо проще. Местность тоже очень хорошая: окраина города, недалеко вода и сад с массой зелени. Сообщение же с центром благодаря электричкам отличное.

От своей издательницы я получил на днях 250 р., так что и с финансовой стороны теперь дела недурны. Во-

обще я устроился здесь во всех отношениях удобно и желаю только одного, — чтобы как можно скорее выпустили наших, так чтобы тебе не пришлось быть почти в одиночестве.

Е. В. и Надя здоровы и шлют большие приветы тебе и нашим. Надя собирается написать на днях.

Крепко целую тебя, моя дорогая, и желаю быть вполне здоровой.

Твой В. Ул.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ МЮНХЕНА В ПОДОЛЬСК

1. IX. 1901

Дорогая мамочка! Получил я на днях твое письмо к Наде с приложением письма Маняши. Ужасно грустно было узнать, что дела наших так печальны! Милая моя, я не знаю уже, что тут и посоветовать. Не волнуйся, пожалуйста, чересчур, — вероятно, придирки к нашим со стороны прокуратуры представляют из себя последние попытки раздуть «дело» из ничего, и после неудачи этих попыток они должны будут их выпустить. Может быть, не бесполезно было бы тебе съездить в Петербург, если только здоровье позволяет, и пожаловаться там на такую невиданную вещь, как отсутствие допроса в течение шести месяцев. Это представляет из себя такой точно определенный и явно незаконный факт, что именно на него всего удобнее направить жалобу. Вообще Петербург во всяком случае запросил бы, вероятно, Москву и побудил немножко скинуть с себя провинциальную бесцеремонность (как это было ведь и тогда, когда сидел Митя). Это — соображения за поездку в Петербург. Но есть, конечно, и соображения против поездки, результаты которой сомнительны, а волнения она причинит очень и очень немало. Тебе на месте виднее, стоит ли предпринимать что-нибудь подобное, и со знакомыми ты, вероятно, уже советовалась об этом. Вот на отказ в свидании Маняши с Митей¹ тоже следовало бы пожаловаться, потому что это, в самом деле, нечто из ряда вон выходящее.

¹ Свидание не было разрешено на том основании, что Дмитрий Ильич сам недавно привлекался по политическому делу.

Что касается до Анюты, то я, конечно, не буду ей писать того, что ты сообщила, чтобы не волновать ее чрезмерно. Надеюсь в скором времени — может быть, через несколько недель — повидаться с ней и постараюсь ее хоть немного успокоить.

Напиши мне, пожалуйста, дорогая моя, когда будет свободное время, — как ты себя чувствуешь, вполне ли здорова, как думаешь устроиться осенью. Переедешь ли в Москву или пока останешься в Подольске? Когда уезжает М. В.?¹ А когда увидишь еще Маняшу и Марка, передай им от всех нас большой привет. Теперь лето миновало — лето самое скверное время для сидения в тюрьме, — и после допроса они, вероятно, несколько более определенно будут представлять себе всю несерьезность их дела.

Крепко, крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю быть бодрой и здоровой. Помнишь, когда меня держали, ты тоже представляла себе дело гораздо более серьезным и опасным, чем оно оказалось, а ведь по отношению к Маняше и Марку не может быть и сравнения никакого с моим делом! Что держат их столько, — это отчасти зависит, вероятно, от того, что арестованных масса и в деле все еще не могут хорошенько разобраться, — конечно, в Петербурге такая нелепость была бы невозможна.

Еще раз целую тебя. Твой В. Ул.

Мы живем по-прежнему; Ел. Вас. немного прихварывает — здесь опять инфлюэнца ходит. Надя, кажется, обжилась уже и освоилась порядком.

¹ Имеется в виду М. В. Зворыкина — подруга Марии Ильиничны по гимназии.

Лондон.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ЛОНДОНА В САМАРУ

9.XI.1902

Дорогая мамочка! Довольно давно уже получил я твое письмо, но все как-то не мог собраться ответить, да и поджидал ответа на свое предыдущее письмо. Митино освобождение, о котором я прошлый раз писал, что в нем уверен, — оказалось, произошло даже скорее, чем я ожидал. Особенно я рад за Анюту, что ей не пришлось долго мыкаться по разным «присутственным» местам (дело зачастую сугубо неприятное, более неприятное, чем сидение!) и удалось поехать-таки к Марку. А то уж очень она долго не имела, так сказать, приюта и «странствовала» с места на место.

Какие вести теперь от нее? Доволен ли Марк службой? Имеет ли Митя заработок и не думает ли навестить вас? Ты здорова, я надеюсь, моя дорогая?

Что до нас касается, то мы живем по-старому себе, помаленьку. Погода стоит здесь теплая, вроде нашей августовской, — даже в летнем пальто жарко (положим, зато *von unten warm angezogen*¹, в заграничных фуфайках). Я приспособился уже порядочно к местной жизни и языком овладеваю практически. Е. В. теперь здорова и не очень часто прихварывает. Надя утомляется немного, но в общем все же ничего.

Получил как-то некоторые новые русские книги вроде Железнова (Политическая экономия), но прочесть не успел. По перелистыванию не очень что-то понравилось.

¹ В теплом нижнем белье.

Из газет читаю большей частью московские — тоже по-старому. Здешние газеты просматриваю в читальнях.

Как-то вы вообще эту зиму себя чувствуете?

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и большущий всем шлю привет.

Твой *В. Ульянов*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ЛОНДОНА В САМАРУ

22.11.1903

Дорогая мамочка! Получил твое письмо, большое merci за него. Чрезвычайно интересно было узнать про Анюту. Кстати, перешли ей, пожалуйста, это письмо: я не знаю ее адреса. Правда, получил от нее недавно писульку, за которую очень благодарю, но об адресе она забыла написать, да и вообще обо всем выразилась так неясно, что я в полном недоумении. Только от тебя и узнал про «китайских» обывателей¹. Это ведь тоже в своем роде ближе к Европе или к Новому Свету! Небезынтересно, я думаю, и очень даже безынтересно.

А старого приятеля² мне очень и очень жаль...

Не скорее ли была бы переписка с Китайкой через Японию или какой-нибудь английский порт? Правда, морем много дальше, но зато ведь во сколько раз аккратнее европейцы!

Мы живем по-старому. Хорошего особенно ничего нового нет, но зато и худого ничего, и в общем я себя чувствую гораздо меньше ueberarbeitet³, чем прежде. Собираюсь на днях прокатиться в Германию⁴. Погода стоит удивительно хорошая: в легком пальто жарко, солнце, теплый-теплый ветерок... так бы и гулять.

Как у вас? Где теперь Митя и его жена? Как Маняша?

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья.

Твой В. Ульянов

Большой привет всем нашим и особенно Ане с Марком!

¹ Анна Ильинична и Марк Тимофеевич.

² А. П. Скляренко.

³ Переутомленным работой.

⁴ О Германии Владимир Ильич пишет в целях конспирации. Он ездил в Париж для чтения лекций в Русской высшей школе общественных наук.

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ
ИЗ КИЕВА В ЖЕНЕВУ

(7.I.1904) 25.XII.1903

Дорогой Володя! Все наши и я шлем тебе поздравления с праздниками и Новым годом и пожелания всего хорошего. Твое письмо получили, но то, о котором ты упоминаешь там и которое, по всей видимости, было ответом на мои письма, — очевидно, пропало. Напиши, пожалуйста, что ты писал там о своих деньгах, полученных от Водовозовой¹. Они теперь у меня. Большие приветы Наденьке и Е. В. Как они поживают? Как бы я была рада, если бы Надя мне написала. Всего, всего хорошего. Пиши.

Видел ли ты новую книгу Булгакова «От марксизма к идеализму»? Интересует ли она тебя?

Маняша

¹ М. И. Водовозова — книгоиздательница в Петербурге; издательство печатало марксистскую литературу.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА
И ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ЛОЗАННЫ В КИЕВ

2.VII.1904

Дорогая Марья Александровна, третьего дня получили письмо Маняши, а вчера Ваше. Как я рада! Теперь бы Аню только поскорее выпустили. Крепко вас обнимаю, мои дорогие. Только вот нехорошо, что у обеих у вас здоровье плохо. Отдохнуть вам непременно надо — главное, отдышаться на свежем воздухе, Киев все же город. Только вот лето на севере плохое — мама живет под Питером на даче у своих знакомых, так жалуется, что страшные холода и дожди. На даче у М. Т., кажется, все приспособлено к отдыху.

Мы теперь тоже отдыхаем. Сдали свой дом, чему я страшно рада, а то уборка и хозяйство занимали целый день, при той толкотне, которая у нас царит иногда, необходимость постоянно думать о хозяйстве надоедала очень. Уйдешь гулять — без молока останешься, не встанешь в 7 часов — изволь идти за мясом в город и т. д. Да и холодно зимой. Теперь устроимся уже более удобно. Я вообще мечтаю об осени, думаю вплотную засесть за работу. Обдумываю всяческие меры, чтобы устранить постоянную толкотню, которая страшно утомляет. Сейчас мы в Лозанне. Уже с неделю, как выбрались из Женевы и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем — Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем нечитанными завтра в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пройдем к Интерлакену, а оттуда к Люцерну, читаем

Женева. Авеню дю Май, 15, где Владимир Ильич останавливался с Надеждой Константиновной в мае 1903 г.

Бедекера¹ и тщательно обдумываем свое путешествие. За неделю мы уже значительно «отошли», вид даже приобрели здоровый. Зима была такая тяжелая, нервы так истрепались, что отдохнуть месяц не грех, хотя мне уже начинает становиться совестно. Погода вот что-то сомнительная, дождя нет, но какой-то туман. Больше о нашем житье писать пока нечего. Мы с Володей заключили условие — ни о каких делах не говорить, дело, мол, не медведь, в лес не убежит, не говорить и, по возможности, не думать.

Маняше я напишу, вероятно, сегодня вечером, а пока крепко, крепко вас обнимаю, мои дорогие, крепко целую.

Ваша *Надя*

Дорогая мамочка! Приписываю наскоро пару слов. Большущий привет Маняше и поздравление с свободой. Тебе надо непременно отдохнуть летом. Пожалуйста, переберитесь куда-нибудь на лоно природы. Мы гуляем и отдыхаем отлично. Крепко тебя обнимаю.

Твой *В. Ульянов*

¹ К. Б е д е к е р — составитель путеводителей по Германии, Швейцарии и другим странам.

ПЕРЕПИСКА (1905—1907 годы)

После «кровавого воскресенья» (9 января 1905 года), когда в Петербурге, по приказу царя, было расстреляно мирное безоружное шествие рабочих и более тысячи из них было убито, около пяти тысяч ранено, рабочие поняли, что просьбами не поможешь, что за свободу надо бороться с оружием в руках. Так началась первая русская революция 1905—1907 годов.

Владимир Ильич был в это время в эмиграции в Швейцарии. Он сразу оценил события в Петербурге как начало революции. Его статьи в партийной печати, письма в партийные организации в России, беседы с приезжавшими к нему товарищами направляли деятельность партии большевиков.

А в России все кипело: создавались органы рабочей власти — Советы рабочих депутатов, охватила всю страну всероссийская политическая стачка, в которой участвовало свыше двух миллионов рабочих.

Тяжело было Владимиру Ильичу находиться далеко от революционных событий, но только в ноябре 1905 года смог он вернуться на родину. Несмотря на революционные события и объявленные «свободы», полицейский произвол продолжался, и ему пришлось жить нелегально по чужим паспортам. Сразу же встав у руководства Центральным и Петербургским комитетами большевиков, он с головой окунается в партийную работу, под его руководством готовится всенародное вооруженное восстание. Однако Декабрьское восстание в Москве не было поддержано в Петербурге и других городах и, несмотря на самоотверженную борьбу рабочих, было жестоко подавлено.

С конца лета 1906 года Владимиру Ильичу уже небезопасно было жить в Петербурге, и он переезжает в Финляндию, в дачное место Куоккала, часто нелегально приезжая в Петербург. Из Куоккала руководит он всей работой.

Наступает время мрачной реакции. Царские ищут повсюду разыскивают Владимира Ильича, и летом 1907 года он уезжает в глубь Финляндии и живет в местечке Сейвисто около маяка Стирсудден. Реакция усиливается, и Владимир Ильич вынужден вновь уехать за границу в Швейцарию.

Началась вторая эмиграция Владимира Ильича. Она длилась около десяти лет.

Революция 1905—1907 годов имела огромное значение для роста сознательности рабочего класса, воспитания его революционного духа. Оценивая события этого времени, Владимир Ильич писал: «До вооруженного восстания в декабре 1905 года народ в России оказывался неспособным на массовую вооруженную борьбу с эксплуататорами. После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году...»

За эти годы почти не сохранилось писем. Публикуется одно письмо Анны Ильиничны за январь 1905 года

и письмо Марии Ильиничны за август — сентябрь 1905 года, в которых они описывают положение в Петербурге, работу партии, просят совета. Адресованы письма Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

Три письма за 1907 год написаны Владимиром Ильичем матери и Марии Ильиничне. Они посланы из Финляндии, где он скрывался от преследований царского правительства. Из этих писем два написаны Владимиром Ильичем вместе с Надеждой Константиновной.

АННА ИЛЬИНИЧНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ И
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ЖЕНЕВУ

Позднее (22)9.1.1905

...Либеральная публика собралась вчера сначала в Публичной библиотеке, — к вечеру (ее закрыли потом) в Вольном экономическом, где было принято письмо к офицерам, решено выпустить письмо к солдатам, предлагалась забастовка лиц интеллигентных профессий, но не прошла, конечно; затем решено было добывать оружие и устраивать повсюду митинги. Во многих частях города устроены перевязочные пункты...

Очень хорошо, что ПК и группа ЦК объединились теперь и начинают выпускать листки за общей фирмой.

Ну, пока до свидания! Что-то будет завтра? Вечером необычно пустынно на улицах; дворники запирают с 10 часов ворота; был слух, что город объявлен на военном положении. Совсем точно революция у нас начинается... Так ли?..

Ваш *Игорь*¹

¹ Анна Ильинична.

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ И
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ЖЕНЕВУ

VIII—IX.1905

Письма Фрея¹ и Рыбки² от 6-го и 7-го получены. Мимоза³ отдаст их сегодня. Извиняется, что мало пишет; все время уходит на то, чтобы наладить технику, работы много, и на остальное почти не остается времени. (Прибавляю от себя (Игорь⁴), что она бежит, как оглашенная, уезжая отсюда ранним утром и приезжая поздним вечером; и сильная нервность и переутомление сказываются уже сейчас.)

Работа пока идет слабо: мало людей было все время, только последние дни начинает кое-кто съезжаться. Бродский провалился. В Москве взяты Южин⁵, Юрочка и другие. Народу вообще съехалось много, бюро реформируется, и это междуцарствие сказывается, верно, на переписке. Киска⁶ ушла в местную работу. Секретарем теперь Вайнштейн⁷.

У нас идут горячие прения по вопросу о резолюции ЦК о Государственной думе. Знаем пока о ней лишь из устного изложения представителя ЦК, и некоторых удивляет приурочивание восстания к собранию Государствен-

¹ В. И. Ленин.

² Н. К. Крупская.

³ М. И. Ульянова.

⁴ А. И. Ульянова-Елизарова.

⁵ М. И. Васильев-Южин — активный участник революции 1905 года в Москве.

⁶ Л. А. Фотиева — член КПСС с 1904 года, участница революции 1905—1907 годов и Великой Октябрьской социалистической революции. С 1918 года секретарь Совнаркома и СТО, одновременно секретарь Владимира Ильича.

⁷ Возможно, имеется в виду И. Я. Вайнштейн — искровец.

ной думы. Так как значит не восстание повлечет за собой насильственное срывание Думы и политическую стачку? Многие сильно восстают против этого, но своей резолюции еще не успели вынести.

Пришлите адреса для писем. Фекла¹ часто пишет, верно письма теряются. Крепко обнимаю. Пишите.

Мимоза

¹ Б. С. Перес — участник революционного движения. В своих письмах из Одессы в Женеву в ЦК РСДРП Б. С. Перес подписывался псевдонимом Фекла.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И
 НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА —
 МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ ИЗ СТИРСУДДЕНА
 НА СТ. МИХНЕВО, СЕРПУХОВСКОГО УЕЗДА,
 МОСКОВСКОЙ ГУБ.

27.VI.1907

Дорогая мамочка! Давно не писал тебе ничего. Анюта рассказала, верно, про наш план устройства на отдых. Я вернулся страшно усталым. Теперь отдохнул вполне. Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье¹. Безлюдье и безделье для меня лучше всего. Еще надеюсь пробыть недели две, а потом вернуться за работу. Надя и Елиз. Вас. здоровы и отдыхают чудесно.

Как вы там все устроились? Здорова ли ты? Виделась ли с Анютой и где она, у вас или у Марка теперь? При случае черкни мне или попроси Митю черкнуть несколько слов.

Крепко обнимаю тебя. Твой В. Ул.

Мите и его жене большой привет от меня.

Дорогая Марья Александровна, Володя не имеет обыкновения писать поклоны, и потому я сама за себя и за маму шлю Вам привет. Шлем привет также всем нашим. Могу подтвердить, что отдыхаем мы отлично, разнесло нас всех так, что в люди неприлично показаться... Лес тут сосновый, море, погода великолепная, вообще все отлично. Хорошо и то еще, что хозяйства нет никакого. Ну, а Вы как отдыхаете? что Ваша малярня? прошла ли окончательно? Ходите ли за грибами? Вообще, как живете-можете? Мы тут оторваны от всего мира, хотя почта ходит шесть раз в неделю, но никто ничего не пишет. Еще раз крепко обнимаю.

Ваша Надя

¹ Возвратившись после V (Лондонского) съезда партии, Владимир Ильич отдыхал в местечке Сейвисто, близ маяка Стирсудден (ныне поселок Озерки, Выборгского района, Ленинградской обл.).

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И
НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ СТИРСУДДЕНА
НА СТ. КИНЕЛЬ
(САМАРСКОЙ ГУБ.)

VI.1907

Дорогая Маняша! Спасибо за письмо. Прошу прощения, что отвечаю не сразу. Я так здесь «впился» в летний отдых и безделье (отдыхаю, как уже несколько лет не отдыхал), что все откладываю все дела и делишки.

Я против бойкота III Думы, и скоро, верно, выйдет у меня одна вещица по этому поводу, которую я только что кончил¹. Нельзя, по-моему, повторять такой лозунг вне обстановки подъема, вне борьбы с первыми конституционными иллюзиями. Новый подъем (может быть, в связи с июльской стачкой московских текстильщиков, — ожидается стачка до 400 000 человек) надо расширять, готовить, превращать в общий, но провозглашать бойкот неуместно. Мы от него не должны зарекаться, при случае в момент подъема мы выдвинем бойкот. Но сейчас провозглашать его было бы либо преждевременной бравадой, либо некритическим повторением лозунгов, имеющих славное революционное прошлое. Такова в двух словах моя аргументация, в печати* подробно развиваемая.

Пиши, как устроилась и довольна ли. Большой привет Марку и всем знакомым.

Мы отдыхаем чудесно и бездельничаем вовсю.

Крепко целую. Твой В. У.

¹ Статья «Против бойкота (Из заметок с.-д. публициста)».

* недели через две должно, верно, выйти.

Милая Маняша, приписываю несколько слов. Писать нечего, т. к. мы теперь «вне общественных интересов», ведем дачную жизнь: купаемся в море, катаемся на велосипеде (дороги скверные, впрочем, далеко не уедешь), Володя играет в шахматы, возит воду... и т. д. Лиде¹ только хлопот с хозяйством много... Поправились все тут здорово, можно бы уйму начитать, но книги все не очень подходящие да и не читается. Крепко целую.

Твоя Н.

Наши (Лидя и мама), конечно, кланяются.

¹ Л. М. К н и п о в и ч — профессиональный революционер, большевичка.

ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ (1908 — март 1917 года)

Трудно было Владимиру Ильичу, после бурных революционных событий в России, вернуться в тихую, застойную Женеву. «У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал», — говорил он Надежде Константиновне.

Разгул реакции в России, разгром партийных организаций, аресты и ссылки заставляли партию глубже уходить в подполье.

Владимир Ильич повел решительную борьбу за существование партии, за выдержанность ее линии, за сохранение и соби́рание сил для нового революционного подъема. Со всей энергией берется он за возобновление издания партийной газеты «Пролетарий». Много сил отдает организации газеты, и уже через два месяца после приезда в Женеву в 1908 году выходит очередной номер, налажена и отправка в Россию.

Через год издание газеты «Пролетарий» переносится в Париж, куда переезжают Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

В то же время Владимир Ильич работает над книгой «Материализм и эмпириокритицизм», в которой выступает в защиту марксистского мировоззрения, против идеализма. Эта книга сыграла очень важную роль в борьбе против реакции на идеологическом фронте. Об ее издании Владимир Ильич ведет обширную переписку с Анной Ильиничной, которая занималась изданием книги в России, всячески торопит ее выход.

Оправдалось предвидение Владимира Ильича. Уже к концу 1910 года в России начинается новый революционный подъем. Ширится волна забастовочного движения — в 1912 году бастует более одного миллиона рабочих. Во главе трудящихся масс стоит руководимая Лениным большевистская партия.

Начинает издаваться в Петербурге легальная массовая газета большевиков «Правда», ставшая одним из главных центров руководства революционным движением.

В связи с сложившейся обстановкой, чтобы быть поближе к России, Владимир Ильич и Надежда Константиновна летом 1912 года переезжают из Парижа в Краков. Налаживаются тесные связи с редакцией газеты «Правда», с большевистской фракцией IV Государственной думы. Депутаты-большевики часто приезжают к Владимиру Ильичу, советуются с ним, работают под его руководством. Большевистская фракция становится еще одним легальным центром революционной работы. Для этого времени характерно умение партии сочетать легальную и нелегальную работу.

Летом 1914 года разразилась мировая империалистическая война. Владимир Ильич, находившийся на территории воюющей с Россией Австро-Венгрии, был арестован по ложному доносу, но вскоре был освобожден и выехал в нейтральную Швейцарию.

Начинается новый период в жизни Владимира Ильича.

Работа большевистской партии во время мировой войны очень усложнилась. В России усилились преследования, аресты, ссылки, разгром партийных организаций. Царское правительство расправилось с большевистской фракцией IV Государственной думы, депутаты-большевики были арестованы, а затем сосланы на вечное поселение в Сибирь. Однако, несмотря на преследования, большевикам удалось сохранить подпольную организацию. Почти в 200 городах России во время войны существовали партийные организации, группы, кружки.

В усложнившейся обстановке необходимо было разработать политику и тактику большевистской партии, что и было сделано Владимиром Ильичем в августе 1914 года в «Манифесте Центрального комитета «Война и российская социал-демократия». Основными лозунгами партии были: превращение империалистической войны в войну гражданскую, поражение царского правительства в этой войне, полный разрыв с потерпевшим крах II Интернационалом и борьба за создание нового, свободного от оппортунизма III Интернационала.

Все свои силы отдает Владимир Ильич разоблачению вождей II Интернационала, предавших интересы социализма, поддерживающих свои правительства в империалистической войне. Он неустанно борется за сплочение подлинно революционных партий, за создание нового, III Интернационала.

В эти годы Владимир Ильич много работает над анализом изменений, происходивших в мире в конце XIX—начале XX века, разрабатывает теорию пролетарской революции. Его труд «Империализм, как высшая стадия капитализма» был написан в 1916 году и опубликован в 1917 году. В нем Владимир Ильич обосновал неизбежность социалистической революции. Он придавал большое значение этой книге и в переписке с родными рассказывал о работе над ней, просил поторопить ее издание.

Наступил 1917 год. Возмущение народа прогнившим царским режимом вылилось в грозную волну

Женева.

политических и экономических стачек. Рабочий класс под руководством большевистской партии вступил на путь решительной борьбы с царизмом. Царский трон был опрокинут. Февральская революция победила.

В годы второй эмиграции Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в Женеве, Париже, Кракове, Берне, Цюрихе.

Вспоминая о годах эмиграции, Надежда Константиновна писала: «Трудны были годы эмиграции, унесли они у Ильича немало сил, но выковали из него того борца, который нужен был массам, который повел их к победам».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
 ИЗ ЖЕНЕВЫ
 НА СТ. МИХНЕВО,
 СЕРПУХОВСКОГО УЕЗДА,
 МОСКОВСКОЙ ГУБ.

9 августа 1908

Дорогая Маняша! Посылаю тебе карточку тех мест, откуда я сейчас возвратился. Ездил в горы погулять. Дурная погода помешала пробить там подольше. Но все же погулял превосходно. Теперь надеюсь кончить, наконец, месяца в полтора непомерно затянувшуюся мою работу. А потом — погуляем вместе. Я очень надеюсь, что ты осенью приедешь к нам надолго. Не правда ли? Непременно приезжай! Очень хорошо бы было, если бы и мама могла приехать. Лето нынче не очень хорошее, дожди и грозы чаще обыкновенного. На сентябрь есть надежда, что будет хорошо здесь. Приезжайте!

Была здесь проездом Мария Ивановна. Покалякали с ней мало-мало. Я был у нее вечером в прошлое воскресенье. Провела она в Женеве денька два и двинулась в Италию. В Париже пробыла мало — всего две недели. Вообще слишком наскоро проделывает свой тур по загранице!

Крепко, крепко поцелуй за меня маму.

Твой В. У.

Наши все здоровы и шлют большие приветы.

P. S. Vers l'Eglise — это недалеко от Diablerets. Мы с тобой не были там вместе. От Женевы — 2¹/₂ часа по железной дороге и около 4 часов пешком.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ЖЕНЕВЫ
НА СТ. МИХНЕВО,
СЕРПУХОВСКОГО УЕЗДА,
МОСКОВСКОЙ ГУБ.

Лето 1908

Р. S.¹ Сегодня прочел один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowell'я — «Марс и его каналы». Этот Lowell — астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка).

Труд научный. Доказывает, что Марс обитаем, что каналы — чудо техники, что люди там должны быть в $2^{2/3}$ раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя или шестью ногами. Н...да, наш автор² нас поднадул, описавши марсианских красавиц неполно, должно быть по рецепту: «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»...

Вышла новая повесть Горького: «Последние».

¹ Письмо, к которому относится настоящий постскрипtum, не сохранилось.

² А. Богданов, автор романа «Красная звезда».

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ
ИЗ ЛИПИТИНО В ЖЕНЕВУ

(10.X) 27.IX.1908

Дорогой Володя!

Большое спасибо тебе за письмо твое, очень рада была я ему. Я тоже давно не писала тебе — вообще ленива стала я теперь писать... Получила вчера письмо Наденьки к Мане и пересылаю его ей нынче. Она уже с неделю в Москве, были различные хлопоты по экзамену¹, надо было сняться, наводить некоторые справки и прочее. Поместилась в меблированной комнате и, как пишет, зубрит — 2 октября у нее первый экзамен, а всего на экзамены устные и письменные потребуется полторы недели, как она слышала раньше...

Вчера вернулась Аня из Петербурга, хлопот было немало с упаковкой и отправкой движимости нашей, прожила она там около двух недель. Просила она передать тебе поклон и сказать, что второе письмо твое получила и напишет тебе скоро. Теперь будем перебираться в Москву, как только придут вещи, надумали жить поближе к Мите. Кочую я все это последнее время, ну, да это все пустяки...

Дорогой мой, не слишком ли много сидишь ты за работой, — это вредно для тебя, надо больше отдыхать, гулять, не забывай этого, прошу тебя.

Целую крепко дорогую Наденьку и шлю сердечный привет Е. В.², как здоровье ее?

Обнимаю и крепко целую тебя, дорогой Володя, будь здоров, милый мой! Спешу воспользоваться случаем на вокзал.

Твоя мама

¹ Мария Ильинична готовилась к поступлению на курсы языков в Парижском университете.

² Е. В. Крупская.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ЖЕНЕВЫ В МОСКВУ

17.XI.1908

Дорогая мамочка! Маняша сегодня поехала в Лозанну к Dr. Mermod, знаменитости по ушным болезням. Он назначил ей визит письменно: приходится ждать очереди у здешних знаменитостей. Но зато, по общему отзыву, врач этот дельный. Я четыре года назад делал маленькую операцию у него в клинике: работают великолепно. Надеюсь поэтому, что Мане он поможет, а то ее все же порядком еще беспокоит ухо и мешает работать. Поселилась она на нашей лестнице, этажом выше; в комнате поставили печку, так что теперь тепло, хорошо. Обедает и ужинает она у нас. Неудача только вышла у нее с латинским языком. Оказалось, что латынь требуется и что держать экзамен можно только 19.XI. До этого срока оставалось ей всего десять дней. Я было попробовал убедить ее рискнуть, пройдя «ускоренным маршем» грамматику; благо, французский она хорошо знает. Но оказалось, что работать очень интенсивно она не может, ухо мешает; да и срок до того маленький, что шансы плохи. Так и бросила латынь. Утешается тем, что мы, вероятно, все переедем в Париж, а тогда и она, конечно, с нами. В Париже не требуют латыни. Что касается до этого нашего переезда, то он уже почти окончательно решен, но раньше чем через месяц едва ли выберемся. Возни с переездом будет, разумеется, куча. Надеюсь, что большой город немножко встряхнет нас всех; надоело сидеть в этом провинциальном захолустье. Дороже, конечно, в Париже, это верно. Климат, вероятно, не хуже женевского. Здесь сырой довольно климат, неприятны туманы. Разузнаем теперь, как быть с велосипедами.

Бросать их жаль — это великолепная штука для отдыха и прогулок, — а пошлины тут, кажется, довольно большие, но, я надеюсь, устроимся и с этим. Анюте, пожалуйста, передай, что философская рукопись послана уже мной тому знакомому, который жил в городке, где мы виделись перед моим отъездом в Красноярск в 1900 году¹. Я надеюсь, что он уже получил ее и доставил вам. Если нет, необходимо навеститься к нему, благо, живет он недалеко от вас. Очень прошу черкнуть мне пару слов немедленно о получении рукописи. В Питер я написал двум приятелям, прося их помочь в деле устройства с изданием. Поручил им списаться с Анютой, ежели что представится, через нашего общего знакомого, служащего в «Знании»². На само «Знание» я почти вовсе не надеюсь: «хозяин» его³, давший полуобещание Анюте, большая лиса и, вероятно, понюхав воздух на Капри, где живет Горький, откажется. Придется искать в ином месте. Про то, что я иду на все уступки, я уже писал.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья.

Твой В. Ульянов

¹ Имеется в виду В. А. Левицкий, близкий знакомый семьи Ульяновых.

² В. Д. Бонч-Бруевич — член КПСС с 1895 года. В 1904 году заведовал экспедицией ЦК, а затем организовал издание большевистской литературы.

³ К. П. Пятницкий — управляющий издательством «Знание».

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА И
АННА ИЛЬИНИЧНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ
ИЗ МОСКВЫ В ЖЕНЕВУ

(29 и 30) 16 и 17.XI.1908

Дорогой Володя!¹

Давно собиралась писать тебе, но после болезни чувствовала долго слабость и не писалось. Теперь я уже совершенно поправилась и с неделю выхожу каждый день на воздух. Погода стоит прекрасная, весь ноябрь, небольшие морозы без ветра, и я гуляю с большим удовольствием. Разрешил мне так скоро прогулки доктор, с которым познакомил нас Митя, — бывший товарищ его, которого он пригласил, — так как сам колебался поставить верный диагноз и думал, что со мной опять малярия. Доктор этот — он старше Мити и много практикует — тотчас определил мою болезнь, и только что температура спала — посоветовал мне выходить на воздух, что меня очень подкрепило.

Как порешили вы с переездом? Жду с нетерпением вестей от вас. Вчера была открытка от Мани из Парижа — ищет себе комнату на время до вашего приезда. Жаль, что пришлось ей так поспешить с отъездом; может быть, вы раздумаете переезжать, и в таком случае лучше бы ей оставаться в Женеве и прослушать лекции вместо одного — полтора семестра. Я очень желала бы, чтобы она устроилась с вами, хоть близко от тебя, если не удастся устроиться коммуной. Ну, буду надеяться и ждать.

Мне кажется, что жаль оставлять велосипеды, — они послужат вам, а ты ведь любишь кататься, и тебе это

¹ Письмо Марии Александровны является ответом на письмо Владимира Ильича от 17 ноября 1908 года.

Женева. Авеню дю Май, 4, где находилось кафе «Хандверк» и где неоднократно выступал Владимир Ильич с рефератами.

здорово — конечно, если ездить умеренно и не потеть сильно, чтобы не простудиться — а в окрестностях Парижа, вероятно, прекрасные дороги. Митя — страстный охотник ездить на велосипеде — говорил в последний приезд свой сюда, что поступил бы так: довез бы велосипед до границы, оставил бы его на время на сбережение, а потом переехал бы на нем границу. Не знаю, удобно ли поступить так?

Крепко обнимаю и целую тебя, дорогой мой, будь здоров, не утомляйся слишком работой и гуляй больше. Ждем письма от тебя. Привет и поцелуй Наденьке и Е. В.

Твоя мама

Приписываю наутро пару слов к маминому письму. Пятн.¹, привлекаемый уже по 9 процессам, составляет теперь, оказывается, при каждом новом условии на издание договор нотариальный, что отвечает в случае суда за содержание книги сам автор. Такой договор составил он с И. И.². Хорошо было бы, если бы в данном случае он возложил ответственность прямо на автора, но И. И. думает, что так его не проведешь и он будет искать ответственное лицо по сю сторону досягаемости.

Термин «реализм», который ты отбрасываешь так просто, принят ведь еще древнегреческой философией в отличие от идеализма или номинализма, и потому, понятно, все еще встречается в философии.

Спешу отправить письмо и дочитывать твою книгу³. Поэтому до свиданья!

Твоя А.

Так вы переезжаете окончательно в Париж? Когда? Счастливого пути и лучших условий жизни.

¹ К. П. Пятницкий.

² И. И. Скворцов-Степанов, член КПСС с 1896 года, литератор-марксист.

³ «Материализм и эмпириокритицизм».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПАРИЖА В МОСКВУ

19.XII.1908

Дорогая Аня! Получил сегодня твое пересланное из Женевы письмо и открытку через Маню. Итак, все улажено и подписано. Это превосходно. Насчет исправлений я писал тебе в пропавшем письме. Повторю. На смягчения по отношению к Базарову и Богданову *согласен*; по отношению к Юшкевичу и Валентинову — не стоит смягчать. Насчет «фидеизма» и проч. соглашаюсь *лишь* по вынуждению, т. е. при ультимативном требовании издателя. Насчет корректур я не имею плана здесь их править и заставляю ждать отсюда. Это, наверное, невозможно. Я прошу только посылать тотчас после оттиска (значит, первый направленный оттиск, — *кроме* посылки отпечатанных листов по мере отпечатания) — для того, чтобы я имел возможность *в случае крайности* дать телеграмму или сообщить об опечатке etc...

Послал тебе еще из Женевы на верный адрес письмо с поправками и дополнениями. Получила ли?

Мы едем сейчас из гостиницы на свою новую квартиру: Mr. Vl. Oulianoff, 24. Rue Beaunier, 24*. Paris (XIV-me). Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую: 840 frs. + налог около 60 frs. да + консьержке тоже около того в год. По-московски это дешево (4 комнаты + кухня + чуланы, вода, газ), по-здешнему дорого. Зато будет поместительно и, надеемся, хорошо. Вчера купили мебели для Маняши. Наша мебель привезена из Женевы. Квартира на самом почти краю Парижа, на юге, около

* au deuxième au-dessus de l'entresol, т. е. по-русски в четвертом этаже, porte à droite (дверь направо. — *Ред.*).

парка Montsouris. Тихо, как в провинции. От центра очень далеко, но скоро в 2-х шагах от нас проводят métro — подземную электричку, да пути сообщения вообще имеются. Парижем пока довольны.

Крепко жму руку. Наши все кланяются. Поцелуй за меня маму.

Твой В. Ульянов

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПАРИЖА В МОСКВУ

9.III.1909

Дорогая Анюта! Приехал вчера вечером в Париж... и прочел твое письмо от 16-го.

Посылаю поправки к листам 10 и 11-му сверстанным...

Что касается передачи корректуры, то, конечно, ты права, предпринимая для этого все меры, ибо соединять такую кропотливую и скучную работу с уходом за мамой невероятно трудно. Я могу только удивляться, каким образом последние корректуры могли выходить при подобных условиях работы такими образцовыми.

Всего важнее мне скорый выход книги. Затяжка получилась очень уже большая. Хоть бы к 15 марта по старому стилю выпустить ее, а то просто беда! Насчет неустойки уже не знаю, можно ли ее взыскивать. Сомневаюсь. Да и стоит ли портить окончательно отношения с издателем? Не стоит.

Не потому ли отчасти в последние дни нет корректур, что ты перестала посылать их по случаю моего отъезда? Надеюсь, что причина такова, а не замедление в типографии и наборе. Теперь, пожалуйста, посылай все.

Из Митиного письма вижу, что мамино здоровье пошло на поправку. Наконец-то! Крепко целую маму и всем шлю большущий привет.

Твой В. У.

P. S. Не смягчай, пожалуйста, мест против Богданова и поповщины Луначарского. Отношения с ними у нас *порваны совсем*. Не к чему смягчать, не стоит.

Р. С. «Писателю»¹ тысяча благодарностей за согласие помочь. Он, кажись, все же *марксист* настоящий, а не «марксист на час», как иные прочие. Немедленно преподнеси ему от меня мою книгу...

¹ И. И. Скворцов-Степанов.

АННА ИЛЬИНИЧНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ
ИЗ МОСКВЫ В ПАРИЖ

(20) 7.III.1909

Дорогой Володя!¹

Возвращаю тебе согласно твоей просьбе добавление, которое придется поместить уже в конце книги, так как IV глава не только сверстана, но сдана уже в печать.

Одновременно с ответом отправляю сверстанные 19 и 20-ые листы.

Да, книга страшно запаздывает! Ходила вчера лично беседовать об этом с издателем, но его не застала; обещали сегодня прислать сверстанный 21-ый лист и 2-ую корректуру, дальше и ничего нет! Печатают в самой большой здешней типографии — Суворина и все-таки затяжка. Передала твою большую просьбу выпустить скорее книгу; просила об этом раньше и сама.

За мной задержки нет. В первых листах, когда мама была сильнее больна, я не исполняла иногда в срок корректурные правки, но теперь всегда аккуратно приготавливаю их, а они вот заставляют ждать.

Пожалуй, из-за почтово-телеграфной забастовки² ты поздно получишь это письмо. Да и от вас давненько нет письма. Мамочке получше. Понемногу она встает и выходит в столовую. Вот и сейчас лежит здесь на Митиной кровати, просит поцеловать вас, собирается написать сама.

Смягчения в рукописи я делала, руководствуясь твоими указаниями: ты писал, что по отношению к Богдано-

¹ Письмо является ответом на письмо Владимира Ильича от 9 марта 1909 года.

² Почтово-телеграфная забастовка во Франции продолжалась с 15 по 23 марта 1909 года.

ву и Базарову можно смягчить, а по отношению к другим я ничего не изменяла. Протестую против того, что на Москву жертвуется лишь 4 авторских экземпляра. Ты писал: пусть бы экз. 50 авторских дал издатель. Я выторговала 100 — ergo: 50 мои — so? Entendu¹?

Ну, до свидания! Спешу очень, чтобы сдать на почту до 7-ми часов. Целую Маню и Надю и жму твою руку.

Твоя А.

¹ — следовательно: — так? Договорились?

АННА ИЛЬИНИЧНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ
В ПАРИЖ ПО ДОРОГЕ
ИЗ МОСКВЫ В КРЫМ

(23) 10.IV.1909

Дорогой Володя! Пишу в вагоне — потому карандашом. Вчера вечером выехали, наконец, с мамой на юг. Мама чувствует себя хорошо. Едем в 1-м классе и со всем комфортом.

Хотела написать тебе вчера, но за возней не успела: пришлось укладывать весь дом, так как квартиру мы пересдали и все отправляем в склады.

В типографии снова, несмотря на все обещания, надудли: рабочие и в понедельник не принялись правильно работать. Поэтому мне прислали лишь гранки от 810—867 стр. рукописи, которые (без моих исправлений) я послала и тебе. Вклеила вставку к стр. 812 и примечание о Рамсэе¹ к 837-ой. Остальные мелкие примечания передала Леониду Сергеевичу Перес, который взялся прокорректировать оставшиеся 3—4 листа и наблюдает за внесением моих исправлений в сверстанные листы. Переговоры я вела с ним в квартире Ив. Ив.², который взял на себя авторскую корректуру. Так что надеюсь, что все выйдет хорошо и, весьма вероятно, лучше, чем у меня, так как моя корректура этой книги сильно подгуляла. — Обещал Леонид Сергеевич присмотреть и за скорейшим выходом книги. (Метранпаж обещал выпустить ее к 15-му, но я думаю, что надует.)...

¹ Рамсей Уильям — английский химик и физик, профессор; предложил осуществить подземную газификацию каменного угля с последующим использованием выделяющегося газа для технических целей. Владимир Ильич дал высокую оценку предложению Рамсея, посвятив этой проблеме статью «Одна из великих побед техники».

² И. И. Скворцов-Степанов.

Ну, как же вы живете? Жалею очень, что С. П. не приехал вчера, как его ждали, и я не могла расспросить его о вас. Пишите теперь: Ялта, до востребования, пока не дам адреса. Послезавтра утром будем в Севастополе, а оттуда морем, если оно не будет бурно, или лошаадьми (последнее, боюсь, утомительно будет для мамы: 85 верст) в Ялту.

Ну, до свиданья! Пишите! *Mes saluts a tout le monde et mes souhaits pour votre jour de naissance!*¹

Votre A.

¹ Привет всем и мои пожелания к Вашему дню рождения!

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ
 В ПАРИЖ ПО ДОРОГЕ
 ИЗ МОСКВЫ В КРЫМ

(23) 10.IV.1909

Дорогой Володя!

Поздравляю тебя со днем рождения, дорогой мой; будь здоров весь следующий год и не было бы у тебя таких неудач и неприятностей с твоей литературной работой, как нынешний год. Пишу тебе с дороги, выехали вчера в 9 ч. вечера. Очень рада, что выбралась наконец из Москвы, где я проболела почти всю зиму и где я совсем не могла пользоваться хорошим воздухом по случаю постоянного ненастья. Поместились мы с Аней очень хорошо, едем с комфортом в первом классе. У Ани был билет бесплатный, выписанный ей еще Марком из Нерчинска, а чтобы нам помещаться вместе, доплатили мы для меня разницу между первым и вторым, и удалось нам даже поместиться в отдельном купе. Здоровье мое почти совсем восстановилось, только ноги огорчают меня — все еще слабы: пройдусь совсем медленно шагов 20 и должна отдохнуть, посидеть. Доктора говорят, что это обычное последствие тяжелой болезни, особенно у старых людей. Ну, теперь приближаемся к югу с каждым днем, надеюсь, будет теплее, это приятно, я стала очень зябкая. Как приедем в Крым и устроимся — напишу вам и сообщу наш адрес, будем ждать вестей от вас. Передай привет и поцелуй от меня всем твоим. Мане напишу уже по приезде.

Прощай, дорогой мой, будь здоров! Собираетесь ли на север Франции, где мы пожили вместе несколько лет тому назад?¹ Мне очень нравилось там.

Крепко обнимаю. Твоя мама

¹ Летом 1902 года Мария Александровна в сопровождении Анны Ильиничны отдыхала на севере Франции в деревне Логиви на берегу моря. Вместе с ними некоторое время отдыхал Владимир Ильич.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ
 ИЗ АЛУПКИ В ПАРИЖ

(8.V)25.IV.1909

Дорогой Володя!¹

Вчера получила письмо твое от 27-го, очень рада была иметь вести от тебя. Мы устроились здесь хорошо. Из Севастополя доехали сюда прекрасно на лошадях (65 верст), дорога меня нисколько не утомила, напротив, это была очень приятная поездка. На полдороге у Байдарских ворот останавливались на 1¹/₂ часа, чтобы дать отдохнуть лошадям. Тут я в первый раз увидела море и с удовольствием погуляла по берегу. Устроились мы здесь хорошо, и погода стояла совершенно летняя эти две недели; днем было даже жарко. Со вчерашнего дня заморосил дождь и подул сильный ветер с моря. Комната у нас удобная и большой балкон, где я провожу почти весь день; солнце показывается там только утром до 11 часов. Море точно совсем близко от нас, и вид очень красивый. Есть и садик при доме, и я ограничиваюсь этим, в дальние прогулки не пускаюсь, только раз ездила с Аней на берег моря и просидели там часа 2, это была прелестная прогулка, но подниматься к нам надо по крутой горе, и это пока не по моим силам. Аня ходит туда часто с нашими хорошими знакомыми, Луначарскими, которые поселились с нами на одной даче.

Очень приятно было видеть из твоего письма, что и вы гуляете иногда и что окрестности Парижа хорошие, но эти прогулки, вероятно, редкие, а Маня все сидит и зубрит и все волнуется. что не выдержит экзамен... Мне

¹ Ответ Владимира Ильича см. на с. 402.

кажется, зачем ей спешить с экзаменом, раз она чувствует, что плохо подготовлена, смущает ее учительница ее, не зная мнительного характера Мани. Она раньше еще писала мне, что в один год трудно подготовиться. Я боюсь, что такие усиленные занятия плохо повлияют на ее здоровье, особенно после продолжительной и упорной болезни уха... и рада была бы услышать, что она откладывает экзамен и отдыхает лето, но она пишет, что соскучилась обо мне и спешит вернуться. Говорила ли она тебе о моих планах на осень? Я тоже соскучилась о вас и очень желала бы повидать вас. Думаю ехать в конце лета в Париж: поселимся с Маней в комнате, по возможности ближе к вам, и она может тогда, не переутомляясь, готовиться. Ведь ей необходима еще практика, она совсем не говорит по-французски, все боится делать ошибки — это очень жаль! Поговори с нею об этом, дорогой мой!

Шлем привет всем вам, будьте здоровы! Крепко обнимаю и целую тебя, милый, дорогой Володя.

Твоя мама

Р. S. Вчера получили письмо от Марка: хлопчет в Питере о каком-нибудь занятии, но пока ничего не предвидится. Не известно, где он устроится...

Алупка, Ялтинская ул., дача Никольской.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ПАРИЖА В АЛУПКУ

21.V.1909

Дорогая мамочка! Большое merci за твое письмо от 25.IV. Чрезвычайно рады мы были все узнать, что вы устроились в Крыму и ты наконец отдохнешь сколько-нибудь сносно. Насчет Маняши дела обстоят так. Она уже записалась на экзамен и зубрит теперь усердно. Приходится подождать результатов — через несколько недель вырешится, покончит ли она экзамены успешно. Я не сомневаюсь, что да, ибо работает она добросовестно чрезвычайно. Здорова она теперь вполне. От времени до времени мы ее тащим все же гулять — недавно возили в лес Clamart в нескольких верстах от Парижа, где чудесный воздух.

Разумеется, всего лучше бы было, если бы она осталась еще на зиму здесь и мы жили все вместе. Как только окончатся экзамены, это надо будет постараться провести. Мы поедем отдыхать летом (приблизительно в конце июня или начале июля, я думаю), — утащим ее с собой, — а затем к осени она подождет здесь тебя, и в Париже все устроились бы чудесно.

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю хорошенько отдохнуть. Наши все здоровы и шлют привет.

Твой В. У.

Р. С. Анюте большой привет. Книгу получил¹. Издана прекрасно. Все жалуются только на цену (2 р. 60 к.), но это уже, видимо, вина издателя!

¹ Книга Владимира Ильича «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии».

21/V-09.

Дорогая мамочка!
Благодарю тебя за
письмо от 25. IV. Нес-
омненно, рада ты была
встретить, что все устро-
илось в Крыму и что
наконец, отодвинув
своего-никуда спящего.
Кажется, мамочка, тебе
обзорно. Она уже зайи-
савась на экраны и дубину

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И
НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПАРИЖА В АЛУПКУ

26.V.1909

Дорогая Анюта! Получил твое письмо немного дней спустя после отправки письма к маме в Алупку.

Книгу получил и нахожу, что издана хорошо. В конце опечаток не меньше, чем в начале, и видно незнакомство корректора с языками (напр., изуродовано до смешного английское *A new name for old ways of thinking**), но это неизбежный и неважный недостаток. В общем я доволен изданием. Насчет цены все жалуются — и справедливо. Вперед будем включать в договор обязательно не только число экземпляров, но и цену. Но я ведь был прижат издателем и все равно согласился бы на все условия, лишь бы издать книгу...

У нас дела печальны: *Spaltung*¹, верно, будет; надеюсь через месяц, 1^{1/2} дать тебе об этом точные сведения. Пока дальше догадок идти нельзя.

Маняша зубрит усердно. Она здорова и, наверное, выдержит экзамен. Как выйдет дальше, не знаю. Хочет, кажись, ехать домой.

Мы еще не решили, когда и куда уедем к морю². Но уедем летом наверное.

Крепко целую маму и жму твою руку.

Твой В. Ульянов

* Степанов, верно, вовсе не смотрел...

¹ Раскол.

² Конец июля — август 1909 года В. И. Ленин провел на отдыхе с семьей — в деревне Бомбон под Парижем.

Дорогая Аня, ты в последнем письме спрашиваешь, почему я не пишу. Всю эту зиму я была в черной мерехлюндии, очень глупо как-то время шло, работалось плохо — потому совсем была не в состоянии писать. Конечно, если б Маняшка не писала о Володе, а Володя о ней, я бы подробно о них расписывала, как делала это раньше, а так писать нечего, живем понемногу. Я каждый раз заказывала им мои приветы посылать, но, надо полагать, они этого не делали. Скоро напишу как-нибудь, а пока крепко целую тебя и дорогую Марию Александровну за себя и за маму.

Ваша *Надя*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПАРИЖА В МОСКВУ

10 или 11.XII.1909

Дорогая Маняша! Случайно узнал я недавно, что на рождестве будет в Москве съезд статистиков — вернее, одно из отделений съезда врачей и естествоиспытателей будет съездом статистиков. Я слышал уже пару имен знакомых, которые там будут (один из Москвы, другой из провинции), да несомненно, знакомых найдется не два, а больше. Крайне важно воспользоваться этим, чтобы раздобыть мне земско-статистические издания. Очень прошу тебя постараться найти хоть одного знакомого статистика на съезде и передать ему мой адрес и просьбу посылать мне земские статистические издания: 1) о крестьянском и владельческом хозяйстве, — особенно текущую статистику и подворные переписи; 2) о кустарях и промышленности; 3) о законе 9.XI.06¹ и о разделе надельных земель. Адрес, я думаю, можно дать прямо мой. Если скажут, что за границу посылать невозможно, тогда дай, пожалуйста, свой адрес, и я пришлю тебе денег на пересылку мне этой статистики. Нужна она мне необходимо. Если это может быть полезно, я могу написать короткое заявлениице-просьбу к статистикам (прилагаю на всякий случай на твое усмотрение) для того, чтобы знакомые статистики могли ее раздавать (или показывать) статистикам других городов, прибавляя от себя просьбу (или добиваясь согласия) насчет высылки изданий.

¹ Царское правительство 9(22) ноября 1906 года издало указ, определявший порядок выхода крестьян из общины и закрепления в их личную собственность земли, со сведением принадлежащих им земель в один участок — отруб или хутор. Эта реформа содействовала укреплению кулачества — социальной опоры царизма.

Черкни мне, пожалуйста, нашла ли кого-либо, через кого можно это сделать. Если нет, я напишу тебе еще.

Издание, о котором я писал прошлый раз, называется, кажется, не «Известия землеустроительных комиссий» (хотя я слышал, что и такое издание есть), а «Известия Земского Отдела» (Министерства внутренних дел). Не найдется ли знакомого чиновника, чтобы добывать сию вещь?

Жму крепко руку и целую маму.

Твой В. У.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПАРИЖА В МОСКВУ

2.1.1910

Дорогая Маняша! Получил сегодня мамино письмо (Наде и мне) и твою приписку. Очень, очень рад, что вы устроились недурно, что мама довольна отсутствием хозяйства. Будем надеяться, что конец зимы не обманет. До сих пор здесь зима не в зиму, а в весну. Сегодня, напр., прямо весенний, солнечный, сухой и теплый день, который мы использовали с Надей для великолепной утренней прогулки в Булонский лес. Вообще на праздниках мы «загуляли»: были в музеях, в театре, посетили Musée Grévin¹, которым я остался очень, очень доволен. Собираюсь и сегодня в один увеселительный кабачок на goguette révolutionnaire² к «песенникам» (неудачный перевод chansonniers). Жалею, что летом не воспользовался болтовней с французами для систематического изучения французского произношения, — теперь, взяв некоторые книги по фонетике, вижу, насколько я тут слаб... Московскую городскую статистику получил и очень благодарю. Прошу прислать мне 3 брошюрки Московской городской статистики о выборах в 1, 2 и 3 Думу. Получил еще письмо о статистике из Рязани — это великолепно, что помощь мне, видимо, будет от многих.

Крепко жму руку и желаю поменьше бегать, побольше отдыхать и быть здоровой. Мите привет. Маму целую и обнимаю. С Новым годом!

Твой В. У.

¹ Musée Grévin — галерея восковых фигур различных исторических персонажей, выполненных с большим сходством.

² Революционные песенки, куплеты.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПАРИЖА В МОСКВУ

30 или 31.I.1910

Дорогая Маняша! Получил несколько дней назад твое письмо и все собирался ответить. Но последнее время я был занят экстренным делом и не мог улучшить свободного часа. Письмо историка я тоже получил и отвечу на него (при случае передай это), — но теперь не могу (сейчас же) взяться.

От Мити я имел письмо. Крайне удивлен был известием о несчастье с ним¹. Он пишет, что поправляется, скоро начнет учиться ходить. Напиши мне, пожалуйста, как идет его выздоровление. Потерял ли он место или за ним его оставили и оставят до выздоровления? Сможет ли он после выздоровления разъезжать по своему участку по-прежнему?

Об Анюте ты ничего не пишешь, и я тоже от нее давно ничего не имею. Понравилось ли в новом городе?²

Как мамино здоровье теперь? Поправилась ли она от инфлюэнцы?

У нас было (и сейчас еще продолжается) невиданное давно в Париже наводнение. Ты, вероятно, из газет осведомлена об этом. Я два раза добирался до Сены (конки ходят по сокращенному маршруту; метро и электрички стоят). «Венеция в Париже» получилась, действительно, крайне странная. Масса народу безработного. Вероятно, после спада воды будут еще всякие несчастья, обвалы и т. д.

У нас все по-старому, по-тихому. Надя бегает по всем школам, где преподают французский язык, и двигает его

¹ Зимой 1909—1910 года Д. И. Ульянов сломал ногу и вывихнул ключицу.

² Анна Ильинична была в то время в Саратове.

Владимир Ильич. 1910 г. Париж.

вперед усердно. Велосипедное мое дело кончилось в мою пользу. Городскую московскую статистику получил — большое мерсі.

Поцелуй за меня крепко маму. Большой привет от всех наших.

Твой В. У.

Прости, что отрывочно пишу. Отвлекли.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 ДМИТРИЮ ИЛЬИЧУ
 ИЗ ПАРИЖА НА СТ. МИХНЕВО,
 СЕРПУХОВСКОГО УЕЗДА,
 МОСКОВСКОЙ ГУБ.

17. II. 1910

Дорогой Митя! Получив твою задачку, я чуточку «раззадорился» на шахматы, — а то было совсем, совсем все позабыл. Не играл, кажись, год, а всего за последние годы сыграл несколько «гусарских» и полугусарских партий. Задачку твою я решил легко. Л. d8—d6. А вот в «Речи» увидел сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился (№ от 1 февраля, № 31 (1269), этюд № 195). Положение такое: белые Кр. g3. К. g1. Сл. e7 и пешки h5 и d3. Черные Кр. e3 и пешки h7, d5 и a2 (т. е. последняя за ход до превращения в королеву). Белые начинают и выигрывают. Красивая штучка!

Ну, как идет выздоровление? Вполне ли выправилась нога и лопатка? Скоро ли опять ходить и ездить будешь?

Жму руку. Твой В. У.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ПАРИЖА В САРАТОВ

2.V.1910

Дорогая Анюта! Получил вчера твое письмо с новым адресом. Merci за поздравления. У нас все обстоит по-старому. Надя немного прихварывает — нервы у нее все не в порядке, но в общем и целом все здоровы. Я уже давно взялся за велосипед и нет-нет, да и отправляюсь в окрестности Парижа, благо живем мы совсем близко от fortifications¹, т. е. от городской черты. Насчет летнего отдыха еще ничего не решили; лето здесь позднее; возможно, что опять отправимся в Bombon, где дешевый пансион и полная тишина, хотя Надя что-то не расположена опять ехать туда. Возможно, что на этот раз попытаем социалистическую колонию на берегу моря². Е. В. была там прошлый год и осталась довольна.

Алакаевскому соседу³ передай мой большой привет, если тебе удастся его увидеть. Жаль, что он такой абсолютный враг переписки, а то приятно было бы хоть изредка иметь весть «из глубины России» про то, что делается в новой деревне. Сведений об этом мало, и просто побеседовать даже с знающим человеком было бы очень приятно.

Северному маньчжурцу⁴ тоже привет. Как-то он устроится теперь и избавится ли от «слабости» русских... не одних только писателей...

¹ Буквально: укрепления, застава.

² Владимир Ильич с семьей отдыхал на берегу Бискайского залива в местечке Порник.

³ А. А. Преображенский.

⁴ А. П. Скляренко.

Париж.

Насчет недовольства моего доктором¹ (которому ты просила хоть чем-либо помочь) ты решительно ошиблась или, может быть, я случайно неловко чем-нибудь выразился. Ни малейшего недовольства против него у меня не было и нет. Впечатление он производит хорошее. Сблизиться сколько-нибудь с ним мне не довелось. Теперь он поселился за городом, где детям будет лучше. Бедствует он сильно; в самое последнее время, говорят, маленькое-малюсенькое вознаграждение удалось ему достать за *временную* работу. Встречаюсь я с ним очень редко. Бедует здесь эмиграция чертовски...

Жму крепко руку. Марку большой привет. Наши все кланяются.

Твой В. У.

¹ М. Ф. Владимирский.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
 ИЗ КОПЕНГАГЕНА В ДЕРЕВНЮ
 ЛЕППЕНЕНО ОКОЛО СТАНЦИИ
 ТЕРИОКИ

4.IX.1910

Дорогая мамочка! Посылаю тебе и Анюте горячий привет из Копенгагена. Конгресс закончился вчера¹. С Маняшей списался вполне: 4 сентября по стар. стилю, т. е. 17.IX по новому жду вас в Стокгольме на пристани. Две комнаты на неделю 17—24.IX мне наймет в Стокгольме товарищ. Мой здешний адрес есть у Маняши. В Стокгольм писать мне Hr. Ulianof. Poste restante². Крепко обнимаю.

До скорого свидания!

Твой В. У.

Здесь пробуду до 15.IX.10.

¹ Речь идет о VIII конгрессе II Интернационала, состоявшемся в Копенгагене с 28 августа по 3 сентября (н. ст.) 1910 года, в работе которого Владимир Ильич принимал активное участие.

² Ульянову. До востребования.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРКУ ТИМОФЕЕВИЧУ
 ИЗ ПАРИЖА В САРАТОВ

3.1.1911

Дорогой М. Т.! Большое спасибо за Ваше письмо! Здесь так оторванным себя чувствуешь, что подобные рассказы о впечатлениях и наблюдениях «с Волги» (со скучился я по Волге!) — бальзам настоящий. Преинтересны Ваши наблюдения, особенно потому, что собраны при разнообразных встречах по делам и разъездам, без предвзятых задач. Летом Ваше письмо тоже меня крайне порадовало, и я очень виноват, что не собрался ответить за переездами с моря в Париж, из Парижа в Копенгаген и в Стокгольм.

Насчет моей поездки в Италию дело теперь (и в ближайшем будущем), видимо, не выгорит. Финансы (о которых меня, кстати, спрашивала Аня) не позволяют. Издателя не нашел¹. Статью послал в «Современный Мир»², но, видимо, и там есть трудности; ответа нет несколько недель. Придется отложить до лучших времен дальние поездки. Но из Италии ведь сюда рукой подать; не может быть, чтобы Вы не заехали в Париж, если соберетесь в Италию. И не даром, должно быть, говорят, что кто раз в Париже побывал, того потянет и другой.

А Маняше бы действительно лучше подольше отдохнуть в Саратове и не рваться в отъезд, во всех отношениях было бы лучше.

Мы живем по-старому. Веселого мало. Последнее время особенно «склочное», так что я прошу меня извинить

¹ Владимир Ильич искал издателя для одной из своих работ по аграрному вопросу.

² «Современный Мир» — литературный, научный и политический журнал; выходил в Петербурге с 1906 по 1918 год.

3/11.

Дорогой М. И. ! Полное сам-
судья ваше письмо! Желю так
оживающим себя и верующим,
же и подвигам жарким и вечно-
Книжк и наблюдением "Цолки"
(сохраняю я по Цолки!) — Салтан
настроения! Преинтересно Ва-
шим наблюдением, особенно по-
слу, что создано при раскопках
и в Венгрии по делам и рас-
вданы, без предвзвешенных фактов.
Нужно чаще писать Жюф и манд
график и графика, и я очень
вспомню, что и созданы описания
я и убедителен с моря в Караф,
из Карафа в Коммаре. С

Письмо Владимира Ильича Марку Тимофеевичу. 3 января 1911 г.

за неаккуратность переписки: не ответил Аняте, сообщавшей о неудаче переговоров с Львовичем, не писал давно маме. Теперь все же у вас вся почти семья в сборе, и Вы уже, пожалуйста, передайте мои извинения, большой привет Ане, Маняше и крепкий поцелуй маме.

Жму крепко руку. Ваш В. У.

Мама рассказывала мне в Стокгольме про Вашу борьбу с принципалом. Раз фонды поднялись, значит — к выигрышу. Поздравляю! Избавитесь от неприятного!

С Новым годом!! всех с Новым годом!

Вчера получил № 1 «Звезды» из России, а сегодня № 1 «Мысли»¹. Вот что радует! Надеюсь, и Вы видели. Вот это отрадно!!

¹ «Звезда» — большевистская легальная газета; издавалась в Петербурге с 1910 по 1912 год. «Мысль» — большевистский легальный философский и общественно-экономический журнал; издавался в Москве с 1910 по 1911 год.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ПАРИЖА В САРАТОВ

19.I.1911

Дорогая мамочка! Сейчас получили твое письмо. Надя очень благодарит и шлет привет. Что до меня касается, то я тороплюсь исправить недоразумение, которое, оказывается, невольно вызвал. Пожалуйста, не посылай мне денег. Теперь нужды у меня нет. Я писал, что не устраивается ни книга, ни статья — в одном из последних писем. Но в последнем письме я уже писал, что статью, говорят, принимают. О книге я написал Горькому¹ и надеюсь на благоприятный ответ. Во всяком случае *теперь* мое положение не хуже; теперь нужды нет. И я очень прошу тебя, моя дорогая, ничего не посылать и из пенсии не экономить. Если будет плохо, я напишу откровенно, но теперь этого нет. Издателя найти нелегко, но я буду искать еще и еще, — кроме того, я *продолжаю* получать то «жалованье» о котором говорил тебе в Стокгольме. Поэтому не беспокойся, пожалуйста.

Маняше Надя писала дважды, пишет сегодня третий раз². Получает ли письма Маняша?

Очень рад, что Митя шлет хорошие вести насчет своего перевода³. Марку и Анюте большой привет от всех нас.

¹ Владимир Ильич обращался к А. М. Горькому с просьбой об издании его книги «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» в издательстве «Знание». Эта книга впервые вышла в свет в 1918 году в издательстве «Жизнь и знание».

² Речь идет о химических письмах, которые Надежда Константиновна писала Марии Ильиничне.

³ О переводе в Феодосию на должность санитарного врача.

У нас все здоровы. Живем по-старому. Вчера читал здесь реферат о Толстом, — может быть, поеду с этим рефератом по Швейцарии в объезд¹.

Погода стоит здесь недурная. Сухо, холодно (квартира очень теплая у нас), гулять недурно.

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю здоровья.

Твой В. У.

Р. S. В Москве заболела Танина мать².

¹ В Швейцарию с рефератом о Л. Н. Толстом Владимир Ильич не ездил.

² Речь идет об аресте С. Н. Смидович, члена КПСС с 1898 года, профессиональной революционерки, близкой знакомой семьи Ульяновых.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ЛЮЦЕРНА В САРАТОВ

28.IX.1911

Дорогая мамочка! Пишу из Люцерна. Неожиданно (по случаю собрания Международного социалистического бюро в Цюрихе) попал в Швейцарию. Объезжаю с рефератом¹. Вчера лазил на Пилат — 2122 метра. Погода пока чудесная, и я гуляю чудесно. Крепко обнимаю и всем шлю большущий привет.

Твой В. У.

¹ С рефератом на тему «Столыпин и революция» Владимир Ильич выступил в ряде городов Швейцарии: в Цюрихе, Берне, Женеве.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ ПАРИЖА В САРАТОВ

2.VI.1912

Дорогая мамочка! На днях писал тебе по поводу ареста Маняши и Анюты. Хочется поговорить еще. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь. Я спрашивал в предыдущем письме, есть ли кто из знакомых, навещающих тебя, но ответа на письмо, конечно, не могло еще быть.

Сегодня прочитал в петербургской газете о больших арестах и обысках в Саратове в связи с железнодорожными служащими. Видимо, хватать стали особенно усердно... Не знаю, успела ли ты получить какие-нибудь вести от Мани и Анюты? С Анютой, наверное, скоро увидишься, раз даже при аресте вынуждены были сказать, что берут, видимо, ненадолго. Но если аресты особенно широки, то может пройти некоторое время просто на то, чтобы разобрать, рассортировать всех арестованных.

Пожалуйста, черкни мне несколько слов, моя дорогая, чтобы знать, здорова ли ты и как себя чувствуешь, — есть ли какие новости; есть ли знакомые у тебя в Саратове. Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо.

У нас все по-старому. Вчера предприняли прогулку в parc de St. Cloud, но неудачно: пошел дождь. Погода стоит вообще не жаркая, и мы насчет лета все еще ничего не решаем.

Надя и Ел. Вас. крепко целуют и желают здоровья и бодрости. Я тоже и обнимаю тебя, моя дорогая.

Твой В. Ульянов

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ И
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ САРАТОВА В КРАКОВ

(13.XII)30.XI.1912

Дорогие мои Наденька и Володя. Давно не получала письма от Вас и что-то беспокоюсь, здоровы ли Вы, может быть, надумали переселиться, пишите, пожалуйста¹. Мы проводили 18 Маню с Марком; он пробыл в Вологде дня 2 и поехал дальше в Питер. Маню оставили в Вологде, зависело это больше от жандармского начальника, который ответил на запрос губернатора, что даже желательно оставить ее в Вологде. Маня ходила к нему с Марком — не могли попасть на прием к губернатору, — и он был очень любезен, сказал, что не будет препятствовать Мане давать уроки французского языка и надеется, что она найдет их. Прибавил, что в Вологде около 60 человек политических, и предупредил Маню быть осторожной, так как в случае чего-либо нежелательного может попасть в самый отдаленный городок...*

Маня пишет, что чувствует себя очень хорошо, погода стоит прекрасная и она гуляет очень много.

На днях сняла комнату, довольна ею, получает домашний обед, — сытный и вкусный, как пишет, рекомендовали ей хозяйку столовой. Устроилась хорошо, теперь дело в работе, хотелось бы ей получить переводную работу, не могу ей помочь в этом... не знаю, что бы ей выписать, Аня затрудняется также в этом. Тянет меня ехать к Марусе, пожить с нею, но Аня все отговаривает, советует ждать весны, — далеко до нее. Вчера вернулся

¹ Ответ Владимира Ильича см. на с. 426.

* Беспокоюсь очень за нее...

Марк больной, плохо питался в номерах в Петербурге и расстроил очень желудок, приходится лечиться.

Погода у нас недурная, легкие морозы без ветра, снегу масса, целые сугробы кругом. У вас, вероятно, совсем противоположное, жду с нетерпением вестей от вас, как живете, здоровы ли?

Пишите, дорогие, пожалуйста. Обнимаю крепко обоих вас и желаю всего лучшего. Аня и Марк шлют вам привет, а также Е. В.¹, передайте ей поклон и от меня, как здоровье ее?

Оканчиваю письмо и повезу его на вокзал, он недалеко от нас, еду в трамвае и возвращаюсь иногда, если погода особенно хороша, пешком.

До свиданья, дорогие мои Володя и Наденька, будьте здоровы. Пишите Вашей маме. Царевская, д. № 36.

Если переселяетесь — присылайте новый адрес.

¹ Е. В. Крупская.

Краков.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ КРАКОВА В САРАТОВ

21 или 22.XII.1912

Дорогая мамочка! Извини, пожалуйста, что запоздал ответом на предыдущее письмо и успел получить второе. Надя пишет тебе подробно о нашем житье.

От Маняши еще не имеем вестей. Перешли ей Надино и мое письмо, если ей они могут быть интересны.

Беспокоиться тебе за Маню, я думаю, не следует: Вологда лучше Астрахани в климатическом отношении (там заразные болезни сильнее и опаснее); знакомые найдутся. Город все же не очень далек от Питера и Москвы. Наверное, питерские газеты на другой день приходят.

Насчет переводной работы трудно устроить: надо к издателям найти связи в Москве или Питере. Надя предлагает, я думаю, хороший план — осведомиться у Сабашниковых¹. Может быть, Анюта тоже напишет Крумбюгелю (если можно) и т. п. У меня никаких издательских связей, увы, нет.

Что это Марк все прихварывает? — нехорошо! Отдыхать надо — летом, напр., в горах, — здесь есть Закопане в 4-х часах, в горах, говорят, чудесное место.

Переселяться мы не думаем: разве война выгонит, но я не очень верю в войну. Поживем — увидим.

Большой привет Мите и Анюте. Что же это ее палец? Пора уже вылечиться вполне!

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю здоровья.

Твой В. Ул.

¹ Речь идет о книгоиздательстве братьев Сабашниковых.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ КРАКОВА В САРАТОВ

18.III.1913

Дорогая Аня! Давно что-то от вас нет вестей.
Здорова ли мама? Получили ли мое письмо, посланное
тотчас после получения «гостинцев»?

Анна Ильинична и Мария Ильинична. 1912 г. Саратов.

Вологодских ссыльных, видимо, совсем не коснулась амнистия...¹

Какие вести от Мити и от Марка с новых мест?

Не знаешь ли ты адреса Крумбюгеля, издавшего мою философскую книгу? Нельзя ли бы было разыскать его (укажи как, я найду в Москве знакомого, вероятно) и узнать, осталась ли книга нераспроданная? Мы бы могли, вероятно, найти теперь *еще* способ сбыта и договориться об этом с издателем.

Крепко жму руку и целую маму.

Твой В. Ул.

P. S. Наш адрес теперь: Lubomirskiego № 49 (а не 47).

¹ Как общее правило, по амнистии сбавлялась треть срока ссылки, но только тем ссыльным, о которых местная администрация давала благоприятный отзыв.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА И
 ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ—
 МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
 ИЗ КРАКОВА В ФЕОДОСИЮ

3.V.1913

Дорогая Марья Александровна! получили мы Ваши открыточки, очень рада я, что Вы хорошо отдыхаете. У нас тоже совсем лето. Сегодня мы отправили уже вещи в деревню. Наш новый адрес:

Poronin — Galizien
 Villa Terezy Skupień

.....

Oesterreich.

Сами двигаемся через три дня. Ужасная возня была с укладкой, ведь мы на 5 месяцев выбираемся в Поронин, надо всего было закупить. Я на инвалидном положении и очень быстро устаю. Ходила я электризоваться целый месяц, шея не сделалась меньше, но глаза стали нормальные, и сердце меньше бьется. Тут в клинике нервных болезней лечение ничего не стоит, а доктора очень внимательны. И еще польза. Пока сидишь в ожидании очереди, слушаешь польскую речь и сама разговариваешь. Хочу выучиться польскому языку, наконец. Вот летом будет свободное время—буду читать польские книжки. Летом возьмем, вероятно, прислугу часа на 4—5, так что придется меньше возиться. Мама в Россию не поехала. Отчасти из-за моей болезни, а потом не было хорошей оказии. Но главное из-за болезни. Последние дни она порядком устала от всей суетоки. Во-

лодя уезжал и свое рождение и праздники не был дома. Поездка очень развлекла его¹.

Не знаю еще, будет ли купание в Поронине, Володя страшно любит купаться, там ванны не будет, уж и душой нельзя ему будет брать.

Мне уж хочется поскорее перебраться в деревню. Хотя живем мы на краю города, против окон огород и третьего дня даже соловей пел, но все же город, ребята орут, солдаты ездят взад, вперед, телеги.

Ну, крепко обнимаю Вас и Аню и всем кланяюсь. Неужто у Ани до сих пор болит палец?!

Мама кланяется.

Ваша *Надя*

Дорогая мамочка! Приписываю пару слов к Надиному письму. Извиняюсь, что не писал. Уезжал на пару дней, а теперь перевозка.

Мите большое спасибо за письмо². От Марка тоже имел очень большое и интересное письмо. Отвечу ему уже из Поронина.

Поронин — это станция перед «Закопане» (курорт). В Закопане есть *прямые* беспересадочные вагоны 2-го класса из Варшавы, третьего из «Границы».

Крепко тебя обнимаю и шлю большой привет всем нашим.

Твой *В. У.*

¹ Очевидно, поездка Владимира Ильича была связана с рефератом на тему «Общественный подъем в России и задачи социал-демократии», который он прочел в Лейпциге.

² Речь идет об ответе Дмитрия Ильича на просьбу Владимира Ильича дать медицинский совет относительно лечения Надежды Константиновны.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ КРАКОВА В ВОЛОГДУ

21.XII.1913

Дорогая Маняша!

Посылаю тебе сегодня бандеролью списочки немецких книг. Просмотри их и черкни два слова, интересны ли для тебя (а по использованию — это *не* к спеху — верни).

Как-то вы живете там с мамой? Собираетесь ли на праздники повидать Марка или Аню? Есть ли [письма] от Мити?

У нас все по-старому... я уже здорово привык к обиходу краковской жизни, узкой, тихой, сонной, но в некоторых отношениях более удобной, чем парижская.

Прости, что редко пишу, — делишки все мешают.

Крепко поцелуй за меня маму. Надя и Е. В. тоже шлют привет и целуют.

Твой В. У.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА И
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ КРАКОВА В ВОЛОГДУ

26.XII.1913

Дорогая Марья Александровна, целую вечность не писала Вам. Вообще у меня с письмами последнее время шла какая-то итальянская забастовка. Отчасти виноват Володя. Увлек меня в партию «прогулистов». Мы тут шутим, что у нас есть тут партии «синемистов» (любителей ходить в синема¹), «антисинемистов»... и партия «прогулистов», ладающих всегда убежать на прогулку. Володя решительный антисинемист и отчаянный прогулист. Вот и меня вовлекает все в свою партию, а потом у меня ни на что не хватает времени. Деньки, как нарочно, стоят удивительные. Выпал снежок, прямо отлично. И осень стояла очень хорошая. Ну, в Кракове что и делать, как не гулять! Культурных развлечений никаких. Раз пошли было в концерт, квартет Бетховена, даже абонемент в складчину взяли, но на нас почему-то концерт страшную скуку нагнал, хотя одна наша знакомая² — великолепная музыкантша, была в восторге. В польский театр ходить не хочется, синемы страшно тут нелепые, все пятиактные мелодрамы... Решили с Володей после праздников приняться за исследование здешней университетской библиотеки, а то стыд и срам, ни разу даже там не были. Без чего мы прямо тут голодаем — это без беллетристики. Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть

¹ Кинематограф.

² И. Ф. Арманд.

того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки. Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр. и пр...

Все мы здоровы. Володя каждый день берет холодный душ, ходит гулять, и бессонниц нет у него. Продолжает хвалить здешнее болото. Мама прихварывает, то флюс, то кашель. Очень она кланяется. Письмо Маняши получила, но она так намазала по обыкновению, что я ничего не поняла. Пусть пишет почаще. Крепко, крепко ее обнимаю, ее и Вас, желаю здоровья и всего лучшего. Ну, еще раз целую.

Ваша *Надя*

Крепко целую тебя, моя дорогая, и желаю бодрости и здоровья. Большущий привет Маняше (писал ей на днях) и Анюте, которая, верно, у вас.

Твой *В. У.*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ КРАКОВА В ВОЛОГДУ

22.IV.1914

Дорогая Маняша! Получил я известие, что ты будто бы недовольна моим продолжительным молчанием. Грешен я действительно сильно по части писем — очень уже трудно в нашем (и твоем и моем особенно) положении вести переписку, как хочется...

Получили вчера мамино письмо ко мне и Наде. Поцелуй за меня крепко маму. Авось летом будет получше вам, чем зимой.

Недавно имел сведения про олонезкую ссылку. Там собирали материал о положении и составе ссылки: большинство громадное рабочих, новичков (послереволюционных), на 150 чел. в уезде 2 ликвидатора, мало левонародников. Видимо, ссылка сильно меняется в составе — интересно бы об этом собирать данные и публиковать иногда в *«Просвещении»*¹. Надя тебе писала и собирается писать еще.

Мы недели через две едем опять в Поронин, — там горы, и я надеюсь, что базедка Надина пройдет, от этой болезни лечат горами. Погода здесь сейчас чудная, я часто езжу на велосипеде.

В общем, как ни глух, как ни дик здешний наш город, а я все же больше доволен здесь, чем в Париже. Сутолока колониальной жизни была там неимоверна, нервы трепались отчаянно и зря, работать в Париже неудобно,

¹ «Просвещение» — большевистский теоретический легальный журнал, издававшийся в Петербурге с 1911 по 1914 год. Журнал был создан по инициативе В. И. Ленина.

Bibliothèque nationale¹ налажена плохо, — не раз мы вспоминали Женеву, где работалось лучше, удобная библиотека, менее нервна и бестолкова жизнь. Из всех мест моего скитания я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко. Женева особенно хороша общей культурностью и чрезвычайными удобствами жизни. А здесь, конечно, о культуре уже говорить не приходится — почти как Россия, — библиотека плоха и архи-неудобна, но мне почти и не доводится в ней бывать...

Осенью в Татрах (горы, около которых мы живем в Поронине) чудесно — по крайней мере в прошлом году осень после дождливого лета была прелестная. Ты ведь осенью кончаешь — и я мечтаю иногда, не повидаемся ли мы осенью? Если будет хорошая осень, мы и октябрь думаем пробыть в деревне.

Крепко жму руку. Твой В. У.

¹ Национальная библиотека.

АННА ИЛЬИНИЧНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ
ИЗ ВОЛОГДЫ В БЕРН

(2.X) 19.IX.1914

Дорогой Володя. Наконец-то мы получили весть от тебя (через Марка) и узнали твой адрес; очень уж тревожно было до тех пор. Надеюсь, ты напишешь мне теперь подробнее о себе, как жил ты это время, верен ли слух о твоём аресте, бывший в газетах. Как живешь теперь. Как здоровье твое и Нади. Каковы у вас материальные обстоятельства. Не послать ли денег. У нас с начала августа тоже было неблагополучно: мама захворала на другой же день после переезда из деревни и пролежала три недели. Теперь хоть поправилась, но все еще слаба. Выходит понемногу на балкон в ясные дни; три раза ходила погулять в садик напротив. Поправка пошла бы, верно, успешнее, будь то лето или юг. Но все же, слава богу, поправилась. Было у ней что-то нервное — от переутомления, объяснял доктор: головные боли и большая слабость.

Очень она беспокоилась о тебе. Мы, конечно, не сказали ей о случае в газетах, она считала, что ты в Стокгольме, но все же тревожилась отсутствием вестей. Не пиши уж лучше ей, если пришлось в большой переделке побывать в Австрии, — будет потом все представляться возможность повторения. Очень она стала нервной. А мне и Марку в Петербург напиши подробнее. М.¹ получил там место, и я поеду туда, как вернется Маня. У нас еще была неприятность: Маня была административно посажена под арест на месяц за хранение конфискованных изда-

¹ М. Т. Елизаров.

ний. Послезавтра это, наконец, кончается. Она здорова и вынесла заключение хорошо, кажется. Тяжелее было для мамы. Митя призван запасным врачом, но устроился хорошо пока: в Севастополе, в госпитале. Если не придут турки или не перешлют его куда-нибудь, то хорошо. Беспокоится тоже о тебе и спрашивает в каждом письме. Пиши пока сюда: Вологда, Московская, д. Самарина. Наши еще не вполне решили, ехать сейчас в Петербург или обождать здесь по теперешнему времени. Я, вероятно, на будущей неделе выеду хоть к концу. Сейчас пока кончу: еще на меня напасть, глаз один разболелся — потому мажу так. Окончу уже на этот раз. Целую крепко тебя и Надю, радуемся за вас. Mamочka тоже целует. Мы послали с нею открытку в Берн, до востребования, до получения твоего адреса.

Напиши, как относишься к теперешним событиям, так как хотелось бы поговорить. Журнал¹, слышала, хотят возобновить.

Твоя А.

¹ «Просвещение».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
АННЕ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ БЕРНА В ПЕТРОГРАД

14.XI.1914

Дорогая Анюта! Получил твое письмо и Марка Т. тоже, а затем и открытку от мамы. Большое, большое всем спасибо! В деньгах я сейчас не нуждаюсь. Пленение мое было совсем короткое¹, 12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы, вообще «отсидка» была совсем легонькая, условия и обращение хорошие. Теперь понемногу осмотрелся и устроился здесь². Живем в 2-х меблированных комнатах, очень хороших, обедаем в ближней столовке. Надя чувствует себя здоровой, Е. В. тоже, хотя состарилась уж очень. Я кончил статью для словаря Граната (о Марксе) и посылаю ему ее на днях. Пришлось только бросить часть (большую, почти все) книг в Галиции... боюсь очень за их судьбу³. Печально очень наблюдать рост шовинизма в разных странах и такие изменнические поступки, как немецких (да и не одних немецких) марксистов или якобы-марксистов... Вполне понятно, что либералы опять хвалят Плеханова: он заслужил вполне

¹ 8 августа 1914 года Владимир Ильич по ложному доносу был арестован в Поронине и заключен в тюрьму в Новом Тарге.

В его защиту выступили польские социал-демократы, а также депутаты австрийского парламента. В результате этого 19 августа он был освобожден из тюрьмы, добился разрешения на выезд из Австрии в нейтральную Швейцарию, куда приехал 5 сентября 1914 года.

² Владимир Ильич и Надежда Константиновна после отъезда из Кракова поселились в Берне.

³ Опасения Владимира Ильича оправдались. Большая часть его книг и архива после его отъезда попала к жандармам, которые передали их в генеральный штаб в Варшаве. В 1954 году некоторые материалы этого архива были обнаружены в Польше и переданы в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

это позорное наказание¹. Отвечай мне поскорее, как дела с журналом². Есть ли возможность возобновить и когда? Берет ли почта ответственность за заказные рукописи? Крепко обнимаю и целую маму, желаю здоровья, всем от всех большие приветы!

Твой В. Ульянов

Р. С. Видел срамной и бесстыдный № «Современного Мира»... позор, позор!..³

¹ Во время первой мировой войны Г. В. Плеханов перешел на позицию социалшовинизма, защищал меньшевистскую тактику оборончества, что встретило сочувственный отклик буржуазной прессы.

² Речь идет о журнале «Просвещение», издание которого предполагалось возобновить.

³ В «Современном Мире» № 9 за 1914 год была помещена ультрашовинистская статья меньшевика Н. Иорданского «Да будет победа!».

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ И
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ ПЕТРОГРАДА В БЕРН

(14) I. II. 1915

Дорогие мои, Володя и Наденька, давно нет вестей от вас, и мы, кажется, давно не писали, может быть, не все письма доходят, скучно и грустно, что корреспонденция так медленно двигается и письма не всегда, как видно, доходят. У нас все по-прежнему; была довольно суровая зима и только со вчерашнего дня оттепель; квартира у нас сухая, теплая и солнца много. Мы все здоровы. Марк вернулся с неделю из продолжительной поездки, был в Ялте и в Севастополе, провел сутки у Мити, на что требовалось разрешение у губернатора, о чем хлопотал уже Митя, он был очень рад видеть Марка. В Ялте Марк застал полную весну, тепло, все зелено, фиалки в цвету, набрал — или скорее купил — букет для Ани, она писала ему привезти ей непременно фиалок...

Маня не расстается с Москвой, где ей очень нравится, и знакомых много и уроки нашла, вероятно, она пишет вам, мы часто переписываемся с нею, письма доходят через день. Виделись мы несколько раз с Лидией Ми¹. Она отправилась в Крым лечиться, чувствовала себя плохо последнее время и спешила в Крым, где и раньше жила и чувствовала себя там особенно хорошо. Вот и масленица прошла, особенно тихо здесь, как мне показалось, хотя дальше садика я никуда не хожу, но блины пеки каждый день, Марк охотник до них.

А как у вас, пеки ли вы блины? Сколько мне помнится, Володя небольшой охотник до них, не знаю, как ты,

¹ Л. М. Книпович.

Наденька, и Е. В.¹. Довольны ли вы немецким обедом, там много овощей и плодов, очень вкусное и здоровое питание. Как здоровье Е. В.? Я думаю, что ей нравится в Берне, хороший это городок, мне он очень нравился, когда мы останавливались в нем, проезжая по Швейцарии². Передайте ей от меня привет и пожелание ей здоровья и всего лучшего. Вероятно, ее не тянет теперь в Россию, здесь не хорошо теперь, только и слышишь, только и читаешь каждый день об ужасах войны. Аня шлет вам поклоны и поцелуи, собирается тоже писать вам. Марк просил также передать вам привет от него. Получаешь ли ты, Володя, газету, выписанную Аней; доходит ли она аккуратно, не желаешь ли еще какую-нибудь газету?

Крепко обнимаю тебя, дорогой мой, а также дорогую Наденьку, как рада была бы я повидать вас. Будьте здоровы, дорогие мои, пишите, пожалуйста, почаще, жду большого письма от тебя, милая Наденька, напиши, как вы чувствуете себя, как проводите время и прочее и прочее, очень порадуешь меня таким письмом.

Ваша М. У.

¹ Е. В. Крупская.

² Летом 1902 года Мария Александровна ездила за границу для свидания с Владимиром Ильичем.

*Мария Александровна и Мария Ильинична Ульяновы. 1913 г.
Вологда.*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
ИЗ БЕРНА В ПЕТРОГРАД

7.X.1915

Дорогая мамочка! Мы переехали на днях с Надей в Берн. Хотели было подольше остаться в Sörenberg'e¹, но там уже выпал снег, и холод стоял невозможный. Осень нынче холодная, а в Sörenberg'e климат горный. Здесь нашли хорошую комнату, с электричеством и ванной за 30 франков. Надя поправилась недурно; прошли сердцебиения; могла даже на горы ходить; лишь бы не повторилась базедка.

Как-то вы живете? Хорошо ли устроились на зиму? Здорова ли ты и теплая ли квартира? Анюту благодарим очень, очень и очень за книгу, за интереснейшее собрание педагогических изданий и за письмо². Я ей писал об издателе и жду ответа³. Как Маняша? Если можно, перешлите ей это письмо; рад бы был и от нее иметь весточку. Мите и Марку передайте или перешлите горячий привет. За выписку «Речи» (Анюта пишет, что собирается выписать ее) буду очень благодарен. Газет, книг и брошюр русских мало, очень мало видим и очень голодаем по ним. Получила ли Анюта мой списочек «желательного», давно ей посланный? (т. е. желательных русских книг). Крепко тебя целую и обнимаю. Анюту тоже, Надя тоже.

Твой В. Ульянов

¹ Владимир Ильич и Надежда Константиновна прожили все лето в горной деревушке Зёренберг.

² Очевидно, химическое письмо.

³ Владимир Ильич искал издателя для книги «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки».

АННА ИЛЬИНИЧНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ
 ИЗ ПЕТРОГРАДА В БЕРН

(13.X.)30.IX.1915

Дорогой друг! Спешу поделиться с Вами известием о большой и прекрасной победе, одержанной нами на выборах в военно-промышленный комитет¹. Выбрано выборщиков было много — меньшевиков и народников: наши потерпели фиаско на многих заводах. Меньшевики, среди которых больше людей тертых, красноречивых, праздновали уже победу. Был их председатель на собрании выборщиков 27-го числа, был принят их порядок дня... Они уже потирали руки. И вдруг большинством, правда большинством всего голосов в 10... проходит большевистское решение не участвовать в военно-промышленном комитете и уполномоченных туда не посылать. Меньшевики подняли скандал, говорили о подлоге, стали пересчитывать голоса, но ничего изменить не могли. При выборах выборщиков происходили курьезные выборные явления. На некоторых заводах выбирают меньшевика, а наказ дают ему большевистский. Так было на трех заводах. Бывали, положим, случаи, что и большевику давали меньшевистский наказ. Настроение рабочих хорошо не разберешь... Но все же на собрании было сплоченное большинство большевиков — 72 руки дружно поднимались при всяком голосовании. Эта сплоченность произвела сильное впечатление даже на служащих военно-промыш-

¹ Военно-промышленные комитеты были созданы в России в 1915 году крупной буржуазией для мобилизации промышленности и получения крупных прибылей от военных заказов. Пытаясь подчинить рабочих своему влиянию и привить им оборонческие настроения, идеологи буржуазии организовали «рабочие группы» при военно-промышленных комитетах. Большевики объявили бойкот военно-промышленных комитетов и их «рабочих групп» и успешно его провели.

ленного комитета, входивших в зал и присутствовавших при некоторых голосованиях... Сжато и дельно, ясно, определенно высказали они интернационалистскую точку зрения и провели заявление¹, которое посылаю вам письмом, на случай, если пропадет, повторяю, и здесь. Вот оно:

«В Центр. военно-промышленный комитет заявление: Уполномоченные фабрично-заводских предприятий Петрограда, руководствуясь наказом, данным избирателями, считающими принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организациях, каким-либо образом способствующих данной войне, доводят до сведения означенного комитета, что петроградский пролетариат от выбора своих представителей в Центральный военно-промышленный комитет отказывается и заявляет, что, если в составе военно-промышленного комитета окажутся каким-нибудь образом рабочие, против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба».

После принятия этого заявления удалось провести и наказ товарищам, составленный на основе «Социал-Демократа» — кажется, № 39, — следовательно, вполне определенно интернационалистский. Пошлем его тоже. Но указание на статью делает для вас ясным его содержание. В газетах результаты выборов замолчали, представительство власти было совсем из газет выкинуто. Заседали выборщики с 12-ти утра до 11-ти часов вечера. Заседание было яркое и бурное. Гучков² после своей вступительной речи попытался дать совет рабочим выбирать представителей. Меншевик Гвоздев³ выступил очень твердо и спокойно заявил: это мы и без вас знаем. Но кое-кто из

¹ Заявление и часть письма использованы в качестве корреспонденции в газете «Социал-Демократ» № 48, 20 ноября 1915 года.

² А. И. Гучков — крупный капиталист. Во время первой мировой войны председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне.

³ К. А. Гвоздев — меньшевик-ликвидатор.

большевиков даже недоволен. Возможность собираться, беседовать, двигать организацию была так приятна, что хотелось бы удлинить ее, и было срединное течение, предлагавшее не кончать все в первый день, а растянуть на несколько собраний, затем выбрать делегацию, которая должна была бы заявить, что выборы должны быть все-российскими, одним словом, протянуть возможность собираться, беседовать, вести организацию, но это течение не взяло верха.

Вот наша победа. Не правда ли, хорошо?

Пишу вам в третий раз. Все ли получено? Со времени отправки письма узнала, что из Сибири от депутатов, истинных хозяев железного фонда¹, пришел наказ не брать его ни на что, кроме как на легальную ежедневную газету, когда она будет возможна. Это в дополнение к моему письму относительно тех рук, которые тянутся за этими деньгами. Говорил за это время со многими из своих. Все против мысли о создании органа при Петроградском комитете (легального), как бессмысленного соединения... Подыскиваем редактора для лучшего времени и для «Просвещения», т. е. его наследника. Напишите Ваше мнение по поводу всего этого. Доверяете ли вы литературной группе выделить из себя редакцию газеты, если это будет возможно? Если хотите, сообщу точнее, кто и кто остался в ней. Пока ничего нельзя. Отвечайте на мои вопросы. Посылайте «Коммунист»² и др. Стокгольмским представителям сообщены адреса и связи. Ждем новинок, «С.-Дем.» и пр.

Горячий привет.

¹ Железный фонд — фонд на издание газеты «Правда», состоял из сборов рабочих. Фонд этот находился в распоряжении депутатов-большевиков IV Думы и хранился у социал-демократа Симонова.

² «Коммунист» — журнал; был организован Владимиром Ильичем и издавался в Женеве в конце 1915 года редакцией газеты «Социал-Демократ». Вышел всего один (двойной) номер.

Берн.

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ И
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ МОСКВЫ В БЕРН

(9.XI)27.X.1915

Прилагаемая платформа отражает умонастроение передовых слоев московского пролетариата¹. Она была проведена через районные собрания Московской организации.

Корней у этой организации мало, и они не глубоки. О настроении широких масс ничего определенного сказать не могу. Оно выражается в целом ряде забастовок. Но забастовки эти ни в Москве, ни в губернии не выдвигают политических лозунгов, хотя и отличаются единодушием. Часто затягиваются. Получаемые уступки (повышение заработной платы) отстают от обостряющейся дороговизны.

Забастовка на зав. Динамо (Симонова слобода) привела к закрытию завода. Военнообязанных (250 чел.) отправили к воинскому начальнику. Требовали освобождения арестованных членов правления больничной кассы и секретаря. На этом заводе успешно и в большом количестве вырабатывались шрапнельные снаряды. Завод стоит уже недели две. — Охранка работает как никогда. В одиночках сидят по двое. Обысков почти не делают. Хватают на улицах, чистят Москву.

Потребность получить политически руководящий центр мучает сознательных. Целый ряд попыток созвать межрайонное собрание для выбора Московского комитета и для выработки платформы не удался. Решено создать

¹ По всей вероятности, речь идет о платформе московских большевиков по вопросу о войне, изложенной в «Прокламации Московской организации РСДРП(б) против войны».

временно Московский комитет из выбранных по районам. Пять районов выбрали. Было первое чисто организационное собрание. Следующее должно было рассмотреть и поставить штампель временного МК под прилагаемыми документами. Новые аресты в связи с текущими забастовками не дали пока возможности вторично собраться. При таких выборах состав получается для политического руководства малоспособный, но все же единомыслящий.

Нужен опытный техник для постановки регулярного выпуска листов. Нужно для этой постановки имеется. Нужен опытный секретарь для МК.

К. К.¹ шлет привет. Постараемся писать, зачеркнутое в листках — литературная группа при МК, но об этом не печатайте².

¹ Карл Карлович — Мария Ильинична.

² Начало письма почти целиком использовано в виде корреспонденции в газете «Социал-Демократ» № 49, 21 декабря 1915 года, в разделе «Состояние работы в Москве».

АННА ИЛЬИНИЧНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ И
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ ПЕТРОГРАДА В ЦЮРИХ

(7.IV)25.III.1916

Дорогие друзья! Письмо Ваше получено и давно, из-за болезни не мог отвечать. Теперь все лучше. Очень рады были интересным вестям. Просим сообщать о дальнейшем. Люба¹ приехала благополучно, поручения передала. На большую часть я уже ответил.

Все не наладится правильно транспорт. Получил порядочно, опять задержка. Денег послали немало. Теперь надеемся, Лев² наладит лучше...

На днях посылаем вам новый материал и листки. Вышлю их немного. Было после отъезда Льва два провала, так что хорошо, что он вовремя уехал. При одном провале [шпик? — А. Е.] явился на все явки одного района и в часы явок. Значит, осведомленность большая.

Путиловская стачка кончилась победой³: приняли назад всех рабочих, кроме посланных сразу на фронт, человек 100. Сейчас такого же типа у Лесснера. Завод закрыт, объявлен расчет всем, не знаю, чем кончится. Путиловцы в свое время обратились с листком ко всем металлистам с просьбой поддержать. Это и заставило оставить их в покое. И все же настроение какое-то неопределенное, прямо боевого нет. Имеет значение, может быть, и слабость организаций. Созданное Львом Бюро⁴

¹ С. И. Гопнер (Люба) — видный деятель Коммунистической партии и международного коммунистического движения. Член КПСС с 1903 года.

² А. Г. Шляпников.

³ На Путиловском заводе в феврале — марте 1916 года проходила одна из крупнейших забастовок в России в годы первой мировой войны; в ней участвовало свыше 21 тысячи рабочих.

⁴ Бюро ЦК РСДРП.

оказалось мертворожденным. Тотчас по его отъезде из-за арестов были изъяты более деятельные члены, остальные или инертны, или должны улаживать дело по призыву на войну. Теперь такое безлюдье, что и «Вопросы»¹ остались почти без людей. Другие легальные издания совсем некому налаживать, да и не выйдет ничего при военной цензуре.

Выходит сборник в Саратове². Если увидит свет, то для второго можно ваши статьи. Тогда сообщу об адресе. Хотя можно посылать на нового издателя. Относительно ареста нового издателя все ерунда.

Пришлось прервать письмо, съездить отвезти вам материалы, которые вы скоро получите³. Получили ли письмо, где мы просим вас написать популярную статью о лозунге «Гражданская война», который многим непонятен? Даже писатели, вроде Бориса Авилова, оспаривают возможность выставлять такой лозунг. Он хотел сам писать вам по поводу этого и того, что, раз вы подписались под Циммервальдским большинством, вы не можете быть против лозунга «мира». Взял ваш адрес, но не написал.

Безлюдье здесь полное.

«Аграрный вопрос», как писал уже Вам, берется к осени издать «Парус»⁴. Отдельная брошюра об Америке выходить уже не будет. Так выгоднее им, да и вам, по-моему, потому что брошюрку они хотели издать в двойном количестве, а книгу в 20 000 экз. по 100 р. за лист.

¹ «Вопросы Страхования» — большевистский легальный журнал; выходил в Петербурге с октября 1913 по февраль 1918 года с перерывами.

² В Саратове в 1916 году вышел большевистский сборник «Под старым знаменем».

³ Анна Ильинична ездила в Финляндию, в Териоки, для получения литературы и передачи материалов к депутату финского сейма Марии Кархинен, с которой была налажена связь.

⁴ «Парус» — легальное издательство, основанное в Петрограде А. М. Горьким. Существовало с декабря 1915 года по 1918 год.

АННА ИЛЬНИЧНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ
ИЗ ПЕТРОГРАДА В ЦЮРИХ

(10.V)27.IV. и(15)2 мая 1916

Дорогой друг! Ваше письмо от 10/IV получено. Получили ли Вы письмо в Ежемесячном Журнале на Ваш личный адрес¹? Беспokoюсь за него.

От Бюро осталось почти только название. Из троих уцелевших самое деятельное лицо — Еремеев², правдист, теперь нелегальный. За последнее время должен был уехать для устройств с воинской повинностью и месяца два не вернется. Остальные двое рабочие — Дунаев³ и Осипов⁴. Второй принимает участие в «Вопросах»⁵. Первый мало деятелен. Фактически теперь вопросы бюро разрешаются Джемсом⁶ и — ну хоть Олегом⁷. Очень ценный человек, но сам сильно запачкан, разыскивался и должен был скрываться — из-за этого не может ближе помогать по легальному издательству, из-за этого же не может войти ближе в местную или бюро работу, но фактически он и Льву помогал главным образом, да и Джемсу также. Джемс его знает как Костю. Лев знает его под этим именем.

¹ По-видимому, речь идет о каком-то зашифрованном письме в журнале.

² К. С. Еремеев — партийный и военный работник, журналист. Член КПСС с 1896 года. С 1910 года работал в редакциях «Звезды» и «Правды». В 1915 году член Петербургского комитета РСДРП и Русского бюро ЦК РСДРП.

³ Е. А. Дунаев — большевик, в годы войны член Бюро ЦК РСДРП.

⁴ Г. Г. Осипов — в годы войны член Русского бюро ЦК, член рабочей группы Страхового совета.

⁵ Журнал «Вопросы Страхования».

⁶ Джемс — Анна Ильинична.

⁷ К. М. Шведчиков (Олег, Костя) — член КПСС с 1904 года. Активно участвовал в большевистской печати.

Цюрих.

Пришлось прервать письмо на несколько дней.

...Подробнее о составе литературной группы не писали вам доселе, потому что она никак не спевалась. Кое-кто из прежних наших литераторов отошел вполне или наполовину, другие никак не могли спеться. Теперь кто уехал, кто совсем патриотом сделался. Надеялся все же, что выйдет что-нибудь, потому откладывал. Теперь надо признать, что группы своей у нас нет. Авилов охотнее сначала отзывался на заказы Петроградского комитета, но его проекты не удовлетворяли, особенно лозунг за мир — в гражданскую войну он не верит. И теперь он отошел. Неизвестно, конечно, насколько.

Совсем недавно слышал о новом издательстве¹...

Здесь ужасное безлюдье. В ПК молодежь, и мало; новые рекрутируются туго. Не знаю еще, было ли что-нибудь вчера, 1-го Мая. ПК провозгласил забастовку (на день воскресный) и демонстрации.

Почему не пишете популярных брошюр? Нужны статьи о гражданской войне. Очень бы надо. Простите, что пишу так урывками и поздно. Транспорт получаем понемногу. Последний видели 48-й²...

Здесь вредит Мирон³: сидит в низах, в больничной кассе, пользуется влиянием, на безлюдье особенно, и ведет подкоп под «Вопросы Страхования». Требовал, чтобы его провели в редакцию. Его провалили, опираясь между прочим на то, что он был в 24 часа отставлен от редакторства в «Правде» и до сих пор в правах не восстановлен. Последнее соображение, конечно, легковесно. Мог не годиться на одном месте, это не значит, что должен быть всюду выставляем.

¹ Имеется в виду большевистское издательство «Волна», организованное в Петербурге в 1916 году рядом литераторов-большевиков.

² Имеется в виду газета «Социал-Демократ» № 48.

³ М. Е. Черномазов (Мирон) — провокатор. По подозрению в провокаторстве Центральным Комитетом большевиков был отстранен от участия в партийной работе. В 1917 году разоблачен как секретный сотрудник петербургского охранного отделения.

Будучи забракован в редакции «Вопросы Страхования», он стал агитировать за другой страховой орган.

Меня просили, чтобы вы высказались против такой агитации и, так сказать, пристыдили Мирона. Может быть, это можно сделать в виде письма в Петроградский комитет, между прочим.

В Москву поехал на жительство правдист Попов (?)¹. Хотел там организовать отделение Бюро. Он вполне свой человек. Я просил Карл Карлыча дать ему ваш адрес и обучить письму. На Танину мать — Луначарскую² надо поставить крест. Назовем этого москвича Степаном, он должен был послать вам свой адрес шведских и норвежских левых.

Карл Карлович писал, что московская публика разочаровала его.

Хорошо ли писать на этот адрес или на ваш личный?

¹ В. С. Попов — в начале 1916 года был послан Русским бюро ЦК в Московскую партийную организацию в качестве представителя Бюро ЦК РСДРП.

² С. Н. Сидович (по первому мужу — Луначарская).

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ЦЮРИХА В ПЕТРОГРАД

22.X.1916

Дорогая Маняша! Получил одновременно вчера две твои открытки, от 29/8 и 1/IX. Очень благодарю за хлопоты с издателями и посылку денег. Получена ли новым издателем рукопись о новейшем капитализме?¹ Пожалуйста, извести, когда получится. Я придаю этой экономической работе особенно большое значение и особенно хотел бы поскорее видеть ее в печати в полном виде. Ты пишешь, что «Аграрный вопрос» издатель хотел бы выпустить книгой, а не брошюрой. Я понимаю это так, что я должен прислать продолжение (т. е. в дополнение к написанному об Америке написать обещанное о Германии). Засяду за эту работу, как только покончу с тем, что я должен написать в оплату аванса у старого издателя².

Итак, значит, считаю, что новый издатель заказал мне продолжение об аграрном вопросе!..

Нельзя ли узнать (при случае, не специально), поместил ли Гранат³ мою статью о Марксе в Словаре? Оттиска, обещанного, я не имею. Если он не отвечает, нельзя ли в библиотеке справиться, взяв словарь на эту букву?

О переводных вещах я послал тебе же три предложения (три книги: Kemmerer; Gilbreth; Hobson). Если

¹ «Империализм, как высшая стадия капитализма». Впервые книга Владимира Ильича была напечатана в середине 1917 года в Петрограде отдельной брошюрой издательством «Жизнь и знание» под названием «Империализм, как новейший этап капитализма (Популярный очерк)».

² В. Д. Бонч-Бруевич.

³ Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат.

не подошли, извести, буду искать других. Если подошли, надо поточнее условиться, что заказ дан, предложение принято. Тогда я сяду за работу. Может быть, Аня возьмет перевод одной вещи? Ане передай мой и Надин большущий привет. Я послал тебе 3 открытки на адрес М. Т.¹, теперь эту посылаю на твой. Одинаково ли это удобно? Мы живем с Надей по-прежнему, потихоньку; в Цюрихе библиотеки лучше и работать удобнее. Крепко целую за себя и за Надю и шлю привет М. Т-чу. За присылку книг *очень* благодарю, женский журнал тоже получил.

Твой В. У.

¹ М. Т. Елизаров.

АННА ИЛЬНИЧНА —
 ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ
 ИЗ ПЕТРОГРАДА В ЦЮРИХ

(26)13.XI.1916

Дорогой друг! Ваше письмо от 25/X получено. Письмо Ваше Льву передано. Он категорическим образом заявляет, что не будет посвящать русских товарищей в заграничные дразги, и пока держится лояльно. В Бюро делал доклад о прекращении выхода «Коммуниста», и там принята резолюция (пришлем ее в следующий раз). Суть ее сводится к следующему: Бюро выражает солидарность с линией ЦО, занятой со времени войны, высказывает пожелание, чтобы на страницах ЦО не допускалась дискуссия, а чтобы для этого основывались особые частные издания, желало бы, чтобы полемика в ЦО велась более товарищеская и чтобы в ЦО по возможности допускались к сотрудничеству товарищи, несогласные с теми или иными вопросами программы или тактики. Повторю подробнее об этом на днях...

...Мирона устранили из организации, также поступят и с теми, кто будет продолжать с ним дела.

Поляки очень просят прислать все польские издания. Может быть, можно и те, что издаются в Варшаве. За них будут присланы деньги.

Железный фонд был у Симонова, который умер. Надеются получить его у его вдовы. К этому уже предприняты шаги. Если не выгорит, постараются так или иначе непременно пополнить.

Получили ли Гучковское письмо¹ и Сибирские листки? Теперь для вас переписываются Петербургские листки и Сибирские листки и статьи. Материала масса. Надо будет переслать все думские речи, которые не были в газетах. Они все у нас есть, никогда, кажется, не было еще такого интереса к ним.

Привет от Джемса, он остается до половины января здесь. Старый издатель отказался посылать книги — боится.

Получаете ли книги, посылаемые Карлом Карловичем?

Слитное издательство совсем не то, что «Парус».

Рукопись об империализме получена. Хотели снестись с автором по поводу полемических глав и некоторой брани Каутского.

Горячие приветы.

¹ Имеется в виду письмо Гучкова от 15 августа 1916 года начальнику генерального штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву. Письмо выражало страх русской буржуазии перед нарастающей революцией и недовольство царским правительством, не способным предотвратить наступление революции. Письмо Гучкова было напечатано в газете «Социал-Демократ» № 57 от 30 декабря 1916 года.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ЦЮРИХА В ПЕТРОГРАД

15. II. 1917

Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 frs., а кроме того 22. I я получил 500 frs. Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли. Необходимо бы иметь расчет, т. е. знать, какие именно вещи уже оплачены издателем и какие нет. Я не могу понять, откуда так много денег; а Надя шутит: «пенсию» стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка веселая, а то дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая. Но шутки в сторону, надо же все-таки знать поточнее; напиши, пожалуйста. Вероятнее всего, что одно (или больше) письмо от тебя пропало, и я не знаю, в чем дело. Боюсь расхотеть деньги (иногда через меня посылали одному больному приятелю).

Получил недавно от тебя книги: «Русские Записки», «Твердые цены на хлеб», «Трудовое посредничество», «Тульскую статистику». Очень и очень благодарю. Анюте и М. Т., а также Мите, шлю очень большие приветы. Мы живем по-старому, очень тихо; Надя частенько прихварывает. Зима была невероятно холодная, даже и теперь еще холодно. Как-то вы все там? здоровы ли? Плохо доходят вести от вас.

Крепко жму руку и целую.

Твой В. Ульянов

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 МАРКУ ТИМОФЕЕВИЧУ
 ИЗ ЦЮРИХА В ПЕТРОГРАД

18 или 19. II. 1917

Дорогой Марк Тимофеич! Из прилагаемого Вы увидите, что Надя планирует издание «Педагогического словаря» или «Педагогической энциклопедии»¹.

Я усиленно поддерживаю этот план, который, по моему, заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, *что́ для нас архиважно*.

Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на *энциклопедии* и подобные издания очень велик и сильно растет. Хорошо составленный «Педагогический словарь» или «Педагогическая энциклопедия» будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала об ней, готовилась систематически. Цюрих — исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире.

Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если бы удалось *самим* издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который бы вошел пайщиком в это предприятие.

Если это невозможно и если гоняться за этим значило бы лишь тратить время, — Вам, конечно, виднее и Вы, обдумав и наведя справки, решите этот вопрос, — тогда надо предложить сей план старому издателю, который, наверное, возьмется. Надо только, чтобы план не укра-

¹ К письму был приложен написанный Надеждой Константиновной план работы.

ли, т. е. не перехватили. Затем надо заключить с издателем *точнейший* договор на имя редактора (т. е. Нади) обо *всех* условиях. Иначе издатель (и старый издатель тоже!!) просто возьмет себе *весь* доход, а редактора закабалит. *Это бывает.*

Очень прошу подумать об этом плане хорошенько, поразведать, поговорить, похлопотать и ответить* по-подробнее.

Жму руку. Ваш В. Ульянов

P. S. Издание — 2 тома, в 2 столбца. Выпускать *выпусками*, по 1—2 листа. Объявить *подписку*. Тогда деньги поступят быстро.

* Если удача, ответьте телеграммой: «договор энциклопедии заключен». Тогда Надя усиленно возьмется за работу.

ПИСЬМА

(Апрель 1917—1922 годы)

За эти годы сохранилось очень небольшое количество писем Владимира Ильича и его родных, да это и понятно: после возвращения из эмиграции на родину в переписке не было нужды.

При первых же известиях о революции в России Владимир Ильич стал рваться на родину. В то время они с Надеждой Константиновной жили в Цюрихе в Швейцарии. Но не так-то просто было во время войны проехать через воюющие страны. Много было разных планов, но ни один из них не было возможности провести в жизнь. Наконец удалось через швейцарского социал-демократа Платтена договориться о проезде русских революционеров через Германию, с обязательством не покидать вагона и по дороге ни с кем не вступать в общение. Ответственным за поездку был Платтен. Всего ехало тогда вместе с Владимиром Ильичем 32 человека.

В Петрограде на Финляндском вокзале рабочие устроили Владимиру Ильичу торжественную встречу.

Еще будучи в Цюрихе, Владимир Ильич прислал в Центральный Комитет партии несколько статей о тактике большевиков в начавшейся революции. Статьи эти были объединены общим заглавием «Письма из далека». В телеграмме Владимиру Ильичу Мария Ильинична сообщает о публикации в «Правде» первого письма.

Публикуются также два письма Владимира Ильича Марии Ильиничне из Гельсингфорса (Финляндия), где он вынужден был скрываться от преследований Временного правительства. Но и в подполье, как мы видим из его писем, он усиленно работает: за это время им было написано более 60 статей и писем, а также книги: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Государство и революция».

Еще одно письмо Владимира Ильича Марии Ильиничне относится к началу 1918 года, в котором он просит ее привезти ему в Смольный несколько книг.

Письма Владимира Ильича Надежде Константиновне и ее телеграмма ему относятся к лету 1919 года, когда она в течение полутора месяцев ездила на агитационно-инструкторском пароходе «Красная Звезда» по Волге и Каме. Гражданская война была в разгаре, и пароход шел по следам белых, делая остановки в городах и селах, расположенных по берегам. О большой организационной и агитационно-пропагандистской работе, которую проводили ехавшие на пароходе агитаторы и представители народных комиссариатов, Надежда Константиновна рассказала подробно в своих воспоминаниях. Сама она провела во время поездки огромную работу по организации и укреплению Советской власти, мобилизуя партийцев и население на скорейшую ликвидацию ран, нанесенных белогвардейцами, на восстановление разрушенного войной хозяйства. Во время поездки она выступала 34 раза.

Публикуемые два письма и две телеграммы Владимира Ильича посланы им на «Красную Звезду». Надежда Кон-

стантиновна и Владимир Ильич, после того как они стали жить вместе в Шушенском, почти не переписывались. Впоследствии она вспоминала об этом: «Мы мало жили врозь. Много переписывались, когда Ильич сидел в тюрьме, потом жил первый год в ссылке один, а также в бытность мою в Уфе. Но тогда переписка велась почти исключительно химией, и все письма тщательно уничтожались тотчас же по прочтении. В 1919 году я ездила... на агитационном пароходе «Красная Звезда». В это время переписка затруднялась постоянным передвижением парохода».

Публикуется также единственная сохранившаяся телеграмма Надежды Константиновны Владимиру Ильичу.

Две короткие записки Владимира Ильича относятся к 1919 или 1920 году и к 1922 году.

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ
ИЗ ПЕТРОГРАДА В ЦЮРИХ

5.IV.1917

ТЕЛЕГРАММА

Статьи получены и напечатаны¹. Полная солидарность. Присылайте статьи. Коллонтай прибыла. Ваш приезд желателен, но избегайте риска.

Ульянова

¹ Имеются в виду «Письма из далека» Владимира Ильича.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ГЕЛЬСИНГФОРСА
В ПЕТРОГРАД

VIII.1917

Дорогая Маняша! Шлю большущий привет и наилучшие пожелания. Я живу хорошо и засел за работу о государстве, которая меня давно интересует¹. Хочу дать тебе совет: надо тебе непременно поехать полечиться. Как раз теперешнее время, сравнительно пустое, и в то же время беспокойное, надо использовать, чтобы полечить ногу и нервы. Очень и очень тебя прошу: поезжай непременно и немедленно. Можно взять с собой перевод или беллетристики, чтобы выдержать лучше скуку, до известной степени необходимую при лечении. Но поехать обязательно надо. Пожалуйста, исполни эту мою просьбу и напиши мне в ответ что-нибудь. Крепко обнимаю.

Твой Ульянов

¹ Владимир Ильич имеет в виду свою книгу «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции», над которой он работал в августе — сентябре 1917 года, находясь в подполье (в Разливе и Гельсингфорсе).

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ГЕЛЬСИНГФОРСА
В ПЕТРОГРАД

VIII—IX. 1917

Мимозе

Дорогая, милая Мимоза! Очень прошу поехать лечиться, не откладывая, нельзя пропускать времени. А для возврата со всяческой службой легко устроиться. Непременно поезжай!!

Насчет Бера тема прекрасная. Постарайся достать еще Schlüter о чартизме (на немецком языке)¹, вышло после Бера и поправляет сего оппортуниста. По Беру и по Шлютеру архи бы хорошая брошюра могла выйти. Черкни ответ.

«Партийные съезды» тоже хорошая тема (кроме протоколов еще разные брошюры* нужны, коих я даже приблизительно не помню). Если напишешь, пришли мне черняк, посоветуемся.

Крепко, крепко обнимаю. В. Ул.

¹ Владимир Ильич рекомендовал эти книги Марии Ильиничне в связи с тем, что она собиралась писать работу об английском рабочем движении.

* «Доклад» Ленина о Стокгольмском съезде у меня есть случайно, и только... Мало!

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ.
ПЕТРОГРАД

Конец февраля —
не позднее 8.III.1918

Очень просил бы собрать поскорее и привезти мне в Смольный, по возможности завтра же утром, следующие литературные материалы...:

- 1) Брошюрку (мою) «Материалы к пересмотру программы».
- 2) Тоже *московскую* (Сокольников и др.).
- 3) «Просвещение» № с моей статьей о пересмотре программы¹.
- 4) «Спартак»² №№ с статьями о программе (1917, №№ 3 и 4, кажется).

¹ Владимир Ильич имеет в виду № 1—2 журнала «Просвещение» за 1917 год, в котором была напечатана его работа «К пересмотру партийной программы».

² «С п а р т а к» — теоретический журнал Московского областного бюро, Московского комитета и (с № 2) Московского окружного комитета РСДРП.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ МОСКВЫ НА ПАРОХОД
 «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

2.VII.1919

ТЕЛЕГРАММА

Казань и по месту нахождения
 инструкторский пароход ВсеЦИКа «Красная Звезда».
 Ульяновой-Лениной

Пересылаю телеграмму Познера¹.

Прошу телеграфировать здоровье и маршрут поездки.
 Предсовнаркома Ленин

¹ В. М. Познер — член КПСС с 1917 года. В 1917—1919 годах — член коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР. В упоминаемой В. И. Лениным телеграмме В. М. Познера сообщалось: «Временный Исполком союза работников просвещения и социалистической культуры извещает Вас о том, что второе Всероссийское совещание коммунистов откроется 25 июля, за два дня до открытия съезда, назначенного на 27 июля согласно решению второй сессии. Исполком просит Вас не отказать сделать доклад на тему: «Новые кадры работников просвещения и работа среди населения». О согласии просим срочно сообщить».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ МОСКВЫ НА ПАРОХОД
 «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

9.VII.1919

Дорогая Надюшка! Очень рад был получить от тебя весть. Я уже дал одну телеграмму в Казань и, не получив на нее ответа, послал другую в Нижний, откуда сегодня ответили, что «Красная Звезда» 8/VII должна быть в Казани и простоят там не менее суток. Я запросил в этой телеграмме, нельзя ли на «Красной Звезде» дать каюту для Горького. Он приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался и раскис. Надеюсь, ты и другие товарищи будете рады ехать с Горьким. Он — парень очень милый; капризничает немного, но это ведь мелочь.

Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят, я читаю и стараюсь сделать, что́ можно.

Митя уехал в Киев: Крым, кажись, опять у белых.

Мы живем по-старому: отдыхаем на «нашей» даче по воскресеньям¹... От замены главнокомандующего Вацетиса Каменевым (с Востфронта) я жду улучшения.

Покровского (М. Н.)² отпускаем на 2 месяца на отдых; заместительницей хотим назначить Людмилу Рудольфовну Менжинскую³ (хотя это не решено), но не Познера.

¹ Владимир Ильич имеет в виду Горки под Москвой.

² М. Н. Покровский — член КПСС с 1905 года. С 1918 года заместитель народного комиссара просвещения РСФСР.

³ Л. Р. Менжинская — член КПСС с 1904 года. Член коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР.

Крепко обнимаю, прошу писать и телеграфировать чаще.

Твой *В. Ульянов*

NB: Слушайся доктора: ешь и спи больше, тогда к зиме будешь **вполне** работоспособна.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА —
ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ
ИЗ КАЗАНИ В МОСКВУ

10.VII.1919

ТЕЛЕГРАММА

Приехала сегодня в Казань. Здорова. Очень много
работы. Еду дальше. Здоровы ли?

Ульянова

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
ИЗ МОСКВЫ В КАЗАНЬ

10.VII.1919

ТЕЛЕГРАММА

Казань. Ульяновой

Все здоровы. Сегодня видел Горького, убеждал его поехать на вашем пароходе, о чем я уже послал одну телеграмму в Нижний, но Горький категорически отказался. Покровского отпускаем на отдых. Заместительницей его назначили временно Менжинскую. Письмо твое от Урецкого получил и с ним отправил ответ. Имеете ли московские газеты?

Ленин

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
 НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
 ИЗ МОСКВЫ НА ПАРОХОД
 «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

15.VII.1919

Дорогая Надюшка! Пользуюсь поездкой Крестинского в Пермь, чтобы написать тебе. Авось догонит.

Вчера получил телеграмму Молотова из Казани и ответил ему так, что ты должна была получить до отхода из Казани, назначенного, как мне сказали, в 3 часа ночи.

От Молотова узнал, что приступ болезни сердца у тебя все же был. Значит, ты работаешь *не в меру*. Надо строже соблюдать правила и слушаться врача хорошенько.

Иначе не будешь работоспособна к зиме! Не забывай этого!

О делах в Народном комиссариате просвещения телеграфировал тебе уже.

На фронтах восточных — блестяще. Сегодня узнал о взятии Екатеринбурга. На юге — перелом, но еще нет серьезной перемены к лучшему. Надеемся, будет.

Горького не уговорил поехать, хотя уговаривал усердно.

Вчера и 3-го дня были в Горках с Митей (он здесь дня 4) и Аней. Липы цветут. Отдохнули хорошо.

Крепко обнимаю и целую. Прошу больше отдыхать, меньше работать.

Твой В. Ульянов

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ И
НАДЕЖДЕ КОНСТАНТИНОВНЕ.
МОСКВА

1919 или 1920

Прошу меня разбудить не позже *10* час. утра. Сейчас $4\frac{1}{4}$, я спать не могу; вполне здоров. Иначе потеряю зря и завтрашний день и останусь без налаженного режима.

Ленин

Владимир Ильич и Мария Ильинична в Горках. 1922 г.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ —
МАРИИ ИЛЬИНИЧНЕ
ИЗ ГОРОК В МОСКВУ

1922

Маняша!

Привези, пожалуйста! *большую* карту Московской губернии. Эта карта лежит в нашей столовой на книжном шкафу, наверху.

Твой В. И.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ РОДНЫХ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

АННА ИЛЬИНИЧНА УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗА- РОВА	11
ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ	125
МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА УЛЬЯНОВА	221
ПЕРЕПИСКА ВЛАДИМИРА ИЛЬИ- ЧА ЛЕНИНА С РОДНЫМИ	277

*Вводные рассказы о семье Ульяновых,
о жизни и деятельности членов этой семьи
написаны В. С. Дридзо*

*На фронтисписе
семья Ульяновых. 1879 г. Симбирск.*

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

Том 2

ИБ № 5448

Ответственный редактор
Г. А. ДУБРОВСКАЯ

Художественный редактор
И. Г. НАЙДЕНОВА

Технический редактор
В. К. ЕГОРОВА

Корректоры

Ж. Ю. РУМЯНЦЕВА и А. П. САРКИСЯН

Сдано в набор 24.12.80. Подписано к печати 08.09.81. А07138. Формат 70×90/16. Бум. офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,1. Усл. кр.-отт. 36,85. Уч.-изд. л. 18,63. Тираж 250 000 экз. Заказ № 859. Цена 1 р. 10 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ж71 Жизнь Ленина: Избранные страницы прозы и поэзии в 10-ти томах. (Ред. совет: С. В. Михалков (председатель), А. А. Виноградов, Г. Н. Голиков, Б. А. Дехтерев, К. Ф. Пискунов, Н. В. Свиридов; Оформл. Б. А. Дехтерева.—М.: Дет. лит., 1981.—(Библиотека школьника).—Т. 2. Воспоминания родных о Владимире Ильиче Ленине: А. И. Ульянова-Елизарова; Д. И. Ульянов; М. И. Ульянова. Переписка Владимира Ильича Ленина с родными. 1981. 479 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к.

В этот том входят: воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой, Д. И. Ульянова, М. И. Ульяновой о Владимире Ильиче Ленине и переписка В. И. Ленина с родными.

Ж 70803—483 Подп. изд.
М101(03)81

ББК 13.5
ЗК 26